Russian Emigré Literature in the Twentieth Century
Studies and Texts

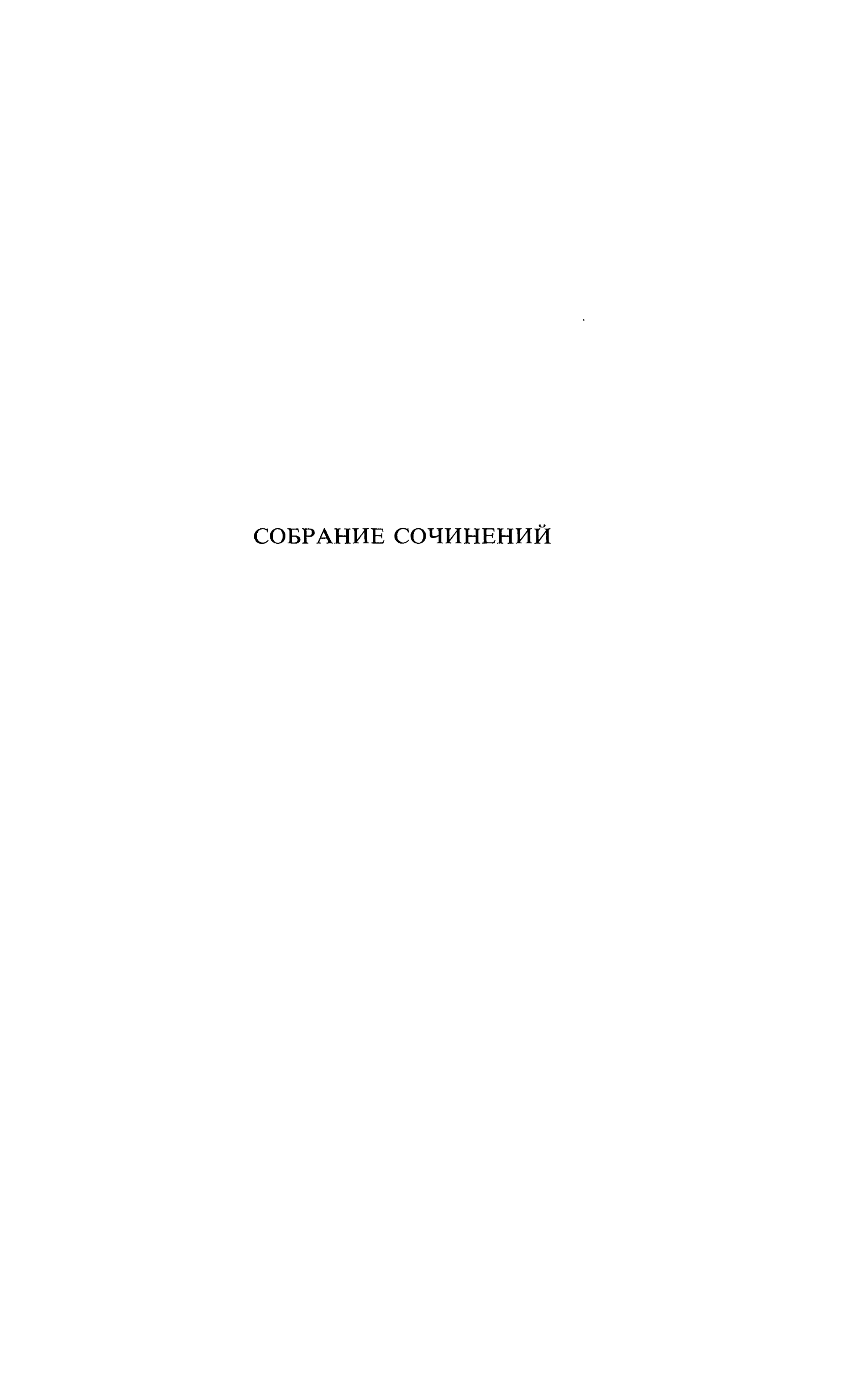
Volume 2

АННА ПРИСМАНОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Leuxenhoff Publishing

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Russian Emigré Literature in the Twentieth Century Studies and Texts

EDITED BY

JAN PAUL HINRICHS

VOLUME 2

АННА ПРИСМАНОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

EDITED AND WITH AN INTRODUCTION AND NOTES
BY
PETRA COUVÉE

Leuxenhoff Publishing • The Hague • 1990

© Copyright 1990 Leuxenhoff Publishing,
The Hague, The Netherlands.
ISBN 90 72922 02 6
All rights reserved. This book, or parts thereof, may not be translated or reproduced in any form without written permission of the publisher.

Printed in the Netherlands by Sigma, Zoetermeer

CONTENTS

PREFACE

During the academic year 1986-1987 I gave a course on Russian émigré literature at Leiden University. Most of the students had not read any of the work by the authors who were then discussed; even their names and the titles of their work were unfamiliar. In the course of that same academic year the position of Russian émigré literature changed dramatically. As a result of the liberalization of the cultural climate in the Soviet Union, the work of many émigré authors—strictly banned until 1986—could now for the first time be (legally) printed and distributed, attracting attention on a scale hitherto thought impossible. Understandably, the reading public in the emigration had necessarily always been very limited.

What seemed unthinkable only a few years ago has by now become almost standard procedure and has gained such a dazzling pace that it has become difficult for us in the West to keep up with. Soviet literary journals now devote much of their space to reprinting the work of émigré authors and publications in book form—with work of, among others, Remizov, Chodasevič, Georgi Ivanov, Aldanov, and Nabokov, —have also seen the light. But in spite of all this, the work of many émigré writers is still not available to the public, neither in Soviet nor in Western editions. And among this group are truly important authors.

In 1987 Petra Couvée, the editor of the present book, wrote her Master's thesis on the poet Anna Prismanova (1892-1960), wife of the poet Aleksandr Ginger (1897-1965). Her research work brought her into contact with Anna Prismanova's son, Basile Ginger, who still lives in Paris. Thanks also to information provided by Mr Ginger during conversations and in letters, she was able to reconstruct for the first time a reliable biographical picture of Anna Prismanova. Apart from being an attempt at reconstructing the life of Anna Prismanova, Petra Couvée's thesis also tried to get to the heart of Prismanova's hermetic poetry.

The present text edition of Prismanova's work has grown out of this thesis. It brings together all of Prismanova's known work: the poems from the four collections published during Prismanova's lifetime as well as uncollected poems from a number of periodicals and a short story. Also included are two short stories which were published in French

under the name Anne Ginger. The text is preceded by an introduction, in which practically all secondary literature on Prismanova has been incorporated.

To date no substantial publication of Prismanova's work, or about Prismanova, has come my way, neither from the Soviet Union nor from the West. Hence the necessity of this edition, which for the first time makes available the complete oeuvre of a little known but very original poet. The need is even more evident when one realizes that the four collections of poetry, published over the years 1937-1960, have for a long time been out of print and in second-hand shops too they are almost impossible to find.

That Anna Prismanova is not well-known as a poet has its cause not only in the poor availability of her work—only few libraries have all four Prismanova's collections of verse—but is also due to the fact that during her life she occupied an isolated position in the Russian literary *monde* of Paris, which caused very few people to refer to her. This is true both for works of literary criticism and for memoirs. Prismanova completely missed the spectacular life of a Marina Cvetaeva, which certainly contributed to her enormous posthumous fame, while in a sense Cvetaeva stood just as isolated in the Parisian literary world.

Prismanova's poetry, with its strong voice and sometimes grotesque imagery which is not always easily grasped, is far removed from the simple, subdued and pessimistic tone of the poets belonging to the "Parisian Note", such as G. Adamovič, A. Štejger, and L. Červinskaja. Prismanova also worked independently from great Parisian poets such as V. Chodasevič, and G. Ivanov. She was virtually immune to outside influences. Rejecting compromise, either with herself or her readers, she opened up her own poetic universe, which makes her one of the most interesting poets in the emigration.

Jurij Ivask has given a striking account of the position of Anna Prismanova and her husband Aleksandr Ginger:

Русский Монпарнас в Париже относился к Александру Гингеру и Анне Присмановой благодушно, но все же их не принимал всерьез. Но в их патетике, смешанной с комизмом, во всех их нелепицах куда больше поэзии, чем во многих очень „средних", дюжинных стихах поэтов, писавших неплохо, но очень уж аккуратно-меланхолично, как того требовала Парижская нота.

"Pochvala Rossijskoj Poèzii", *Novyj Žurnal* 162 (1986), 116.

When Prismanova died in 1960 literary émigré life, even in Paris, had virtually bled to death. Western students of Slavic literature showed little interest, while in the Soviet Union the emigrants were simply ignored. In those days even the most brilliant poet wrote for a handful of acquaintances only. With regard to this Basile Ginger wrote on 7 December 1989, in a letter to the editor of the present collection: "Cependant, j'ai entendu un jour ma mère dire, dans ses dernières années, que ça ne l'interessait plus d'écrire en russe à Paris pour un petit cercle et qu'elle aimerait bien être lue en Russie."

Over the years this atmosphere of emptiness and indifference has vanished to be replaced with a more receptive climate which permits a serious reception of the work of Anna Prismanova. I hope this edition will make its contribution, toward a better availability and appreciation of Prismanova's oeuvre, both in and outside the Soviet Union.

Leiden, March 1990 Jan Paul Hinrichs

Так и душа моя идет путем зерна:
сойдя во мрак, умрет — и оживет она.
В. Ходасевич

INTRODUCTION

Anna Semenovna Prismanova was born in Libau—now Liepaja, Latvia—by the Baltic Sea on 6 September 1892. A moderately sized provincial town, Libau was characterized by its ice-free port and many shipyards. In "O gorode i ogorode", her only short story in Russian, Prismanova draws a picture of a town quite similar to Libau, with the longest and most curved street leading to the port where the funnels of ocean liners are gently swaying. And all this in a style so characteristic of Prismanova:

Здесь вдоль булыжной набережной текла мутная бутылочного цвета вода, и мучные лабазы чередовались с угольными складами. Летом беловатые камни лабазов покрывались черной пароходной копотью, зимой на черные угольные дворы стелилась снежная пелена. Все шло рука об руку и приятно дополнялось одно другим.

Prismanova's father, a dermatologist and expert on leprosy, worked in the local hospital. Anna had two sisters, Vera and Elisaveta. Her childhood happiness was cruelly disturbed when her mother died of cancer of the throat, only 35 years old. In the poem "Gorlo" (89; these numbers refer to the numbers of the poems as used in this edition) the metaphor "gorlo iz metalla—strašnej kinžala" suddenly turns into reality as she recalls: "Ach, s ètim gorlom nadobno ležat'!/Tak, umiraja, mat' moja ležala." In Prismanova's oeuvre we find several instances of a cortège following the mother's bier, as, for example, in "Fleurs et Couronnes", one of her two short stories in French: "... le char qui emportait la dame d'en face corrodée par le cancer. Un jeune médecin au visage consumé se tenait à la tête du convoi. Cette femme qu'il avait soignée en vain était la sienne." Shortly after his wife's death, Prismanova's father remarried, giving his daughters a new mother.[1]

Latvia, her birthplace Libau and her childhood spent there, were all to have a considerable influence on Prismanova's artistic work. The sand, sea, wind and dunes, the deserted boulevards, fishermen, the northern light, the lighthouses, amber, the scent of fir trees, they would be a lifelong source of inspiration for Prismanova. ("Pesok", 92)

Над дюнами той ветреной земли,
где пресная роса казалась странной,
Анютины глаза весной росли.
Там рождена, там названа я Анной.

The general unrest and uncertainty following the outbreak of the Russian revolution and the proclamation of an independent Latvian state caused the Prismanova family to move to Moscow. In *Literaturnaja žizn' russkogo Pariža za polveka*[2] Terapiano mentions that Prismanova published her first poems in Moscow in this period. I have not found any evidence to corroborate this fact, however.

Unfortunately Moscow could not offer much of a perspective either: the universities were closed, social life was paralyzed and food was scarce. At the beginning of the twenties the three Prismanova sisters fled Moscow by jumping on the roof of an already moving, overcrowded carriage of the train to Berlin. The publication of two poems[3] in Andrej Bely's Berlin-based journal *Èpopeja* in 1923 may be taken as an indication that Prismanova lived and worked in the German capital during this period. It is reported that she took an active part in Russian literary life there and published in several journals and almanacs.[4]

By 1924 Prismanova must have arrived in Paris, because it is there that she met her husband-to-be and companion, Aleksandr Ginger whom she married in 1926. They were to have two sons, Basile (1925) and Serge (1928).

In the few references to Prismanova and Ginger which I have been able to find, the couple are often described as 'čudaki' or 'čudesnaja para'. Z. Šachovskaja writes: "Oblikom pochodili oni neskol'ko na chimer, no po svoemu duchovnomu obliku suščestva byli serafičeskie, večno iščuščie."[5]

Ju. Ivask's characterization is striking and certainly the most original: "Ona dvuch izmerinij—figura iz Model'jani—on pochodil na star'evšika s gomed'skoj baracholki."[6]

A strange couple they were, as much devoted as opposed to each other. Ginger was prepossessing, diplomatic, sociable, a fervid poker player and ardent sun-worshipper. Prismanova often had her head in the clouds, was undiplomatic, aloof, worshipped the moon. Only one thing impelled her life: writing poems. Addressing each other with their first names Anja and Saša but using the formal pronoun 'vy', they debated or rather quarrelled about anything that concerned them, ranging from details of everyday life to the fundamentals of poetry and matters such as religion—Ginger became a Buddhist at an advanced age,

while Prismanova held a Christian attitude to life. Among other things Ginger took care of the layout and the revision of some of Prismanova's collections. In the year of their wedding (1926), Ginger wrote the following poem which he dedicated to his wife. In these lines he expresses the wish that they may address each other in their personal and poetic communion with words straightforward and honest, hand-written words as it were, not yet 'castrated' by the printing process:

Для Вас пишу любя и нарочито,
в прямом доверии и в простоте.
Читайте тридцатипятиочито,
хоть этот почерк и осточертел.

А там стихопечатальной машиной,
которой век пороги обмелил,
смят почерк этот чисто камышиный,
побит свинцом и стерт с лица земли.

Глядите верно — ведь еще возможно —
пока набор писца не оборвал:
я друг — и твердый и еще не ложно —
еще не холощеные слова.[7]

Prismanova belonged to the first 'wave' of émigrés. They included not only many aristocrats, but also intellectuals, writers and artists who had fled the severe censorship and other restrictions imposed by the new regime. The authors belonging to this first 'wave' can be divided into two groups. The 'older' writers, such as Bunin, Gippius, Merežkovskij and Tèffi, had already established a name back in Russia. The group of 'younger' writers, sometimes referred to as 'nezamečennoe pokolenie'[8], consisted of those who had begun their careers in exile. The living conditions of this second group were on the whole miserable. The younger authors found it hard if not impossible to muster attention for their work and received only scanty support from their 'older' colleagues. In 1925 they joined forces in the "Sojuz molodych pisatelej i poètov". This 'union' organized literary soirées, where members recited from their work or debated all sorts of literary issues. Although they held differing views on life and art, they felt they had one aim in common: the preservation and enrichment of the Russian culture.

Having arrived in Paris, Prismanova joined the union of 'younger' writers in 1925, notwithstanding the fact that by then she was a poet 'with experience'[9]. That same year saw the publication of two of Prismanova's poems in *Volja Rossii*, the Prague literary journal edited

by M. Slonim. *Volja Rossii* paid much attention to the Slavic countries and to Russian literature; it supported the group of younger writers and did not think very highly of the established, older generation.

As an 'older' writer among 'younger' colleagues Prismanova had an authority which she did not always exercise in as stimulating a manner as possible: her criticism was frank and straightforward, at times unrelenting. Terapiano tells us of her habit of trying to persuade young female poets to give up their literary ambitions. Quite often she did not succeed, but Terapiano recalls one case of a young poetess who took Prismanova's advice to heart. With barely suppressed irritation he writes: "No vse-že ne mogu prostit' Prismanovoj togo, čto imenno posle takich razgovorov odna junaja, no očen' odarennaja načinavšaja, N. Ž-a, brosila pisat' stichi—brosila, konečno, sovsem naprasno."[10] Prismanova's attitude probably originated from her own poetic struggle, a struggle which she took so seriously but which earned her so little. ("Lekarstvo", 67)

Скорее на скале созреет нива,
чем бытию с поэзией дружить.
К несчастию, поэзия ревнива —
она почти-что не дает нам жить.

The Sunday afternoon gatherings at the house of Mr and Mrs Merežkovskij-Gippius, where subjects of a philosophical, religious or literary nature were discussed, were attended by writers of both the younger and the older generation. Even though Prismanova and Ginger were evidently interested in these matters, they took no part in the meetings. This, according to Terapiano, had to do with a rather painful incident which had taken place during the couple's first and only visit. At some point in the conversation Merežkovskij had stated that 'a person's outward appearance, his face in particular, is expressive of his innermost being'. Fascinated by the uncommon appearances of Prismanova and Ginger, he must have put forward his views with too much fervour and too little tact, because the couple were insulted and left immediately.[11]

In town the family found a place to live in the 15th Arrondisement. Among the best friends of Ginger and Prismanova were painters as well as writers: Šaršun[12], who had been a friend of Ginger's since his early youth, Tereškovič, Sutin, Karskij, Karskaja, Kotlar and Bljum[13]. A particularly close friendship grew between Prismanova and the paintress

Karskaja which lasted their entire lives. A portrait of Prismanova painted by Karskaja still remains as a tribute to this friendship.

There never existed anything like a real family life. Normally Prismanova's days began around noon, because she used to stay up through the night. She could only work in the silence which the night afforded her. Obviously this had its effect on the way Prismanova functioned in her role of mother. When the children returned from school, she prepared them a meal which they ate seated at the kitchen table, while she herself used to watch them eat. As soon as the children were old enough, Prismanova taught them the essentials of cooking so that they would be able to take care of themselves when their mother was inspired by her Muse. The family rarely observed public or religious holidays, neither Russian or French. On Sundays the children were entrusted to the care of grandmother Ginger or friends: Mme Bljum or Mme Karskaja.

Unlike most other émigré writers arriving in Paris, Ginger was fortunate in that he could appeal to relatives who were reasonably well-off. He found employment as a bookkeeper in a chemical firm which was managed by an uncle of his. From 1929 to 1932 the family lived in Serquigny, a small village in Normandy, where a local branch of the chemical firm was situated. In this way the family were assured of a regular source of income.

Add to this that Aleksandr Ginger was one of these persons whose lives sometimes seem to be favoured by chance. Standing on the rear platform of a bus that came to an abrupt halt, Ginger suffered a shin injury. He was awarded 6000 francs damages from the bus company—quite a sum in those days. With this money the family bought a minuscule country house on Villenes-sur-Seine, an island in the river Seine. The house was situated on a stretch of land which was run by two gentlemen with utopian inclinations. Rumour had it that people went around naked there, but in actual fact they wore bathing suits and simply loved the outdoors. Here the family spent their weekends and holidays.

The beginning of the 1930s witnessed the rise of a number of different literary groups within the émigré movement. The most important among them was the "Parižskaja Nota", a group of writers loosely gathered around Adamovič, the poet and critic. Humanity and simplicity were key notions to this group, which produced a 'diary-like poetry' in which a 'subtle web' of parentheses and periods concealed intimate outpourings concerning eternal themes as love, death and native land.

V. Chodasevič was the driving force behind another group, "Perekrestok", which emphasized the poet's craftsmanship: instead of wasting time theorizing, one had better 'write good verse'. A third group, known as the "Formists", consisted of Korvin-Piotrovskij and Prismanova. They were irreconcilable opponents of D. Merežkovskij's and Z. Gippius's Sunday afternoon club and the "Perekrestok" group. The "Formists" sought to achieve a sharpening and perfection of form, radically opposing anything resembling metaphysics or literary ideology.

To what extent the group operated independently or was identical to "Kočev'e", a group founded by M. Slonim in the twenties, or should perhaps be regarded as continuation of "Kočev'e", I have not been able to establish. Slonim claims that "Kočev'e", after 104 sessions held over a period of ten years, ceased to exist in 1938.[14] Terapiano, who offers the most comprehensive account of this subject but informs us contradictorily about the time of foundation[15] of the "Formists", does, however, treat both groups separately. He is the only one to mention that the "Formists" were the only group that continued to exist until after the war, adding that this is probably due to the group's small number of adherents and its lack of ideology.

G. Struve sees the "Formists" as forming part of "Kočev'e": "V sostave ee (Kočev'e) naibolee charakternymi "formistami" byli Aleksandr Ginger i Anna Prismanova, otčasti Boris Poplavskij, no formal'no k nej prinadležali i nepochožie na nich Antonin Ladinskij i Vadim Andreev, vo mnogom bolee blizkie k "Perekrestku"."[16] M. Slonim describes them as a group of young supporters of "Kočev'e" but does not use the word "Formists". According to Slonim, this group did not mix with those gathered around Adamovič, showed a keen interest in Soviet poetry and questions related to form, and felt affinity with poets like Pasternak and Cvetaeva.[17]

In their memoirs various émigré writers make passing references to a relationship alleged to have existed between Prismanova and the poetess Marina Cvetaeva. We know that Cvetaeva hardly associated with other Russian poets in Paris and 'felt rejected by the emigration'.[18] What remains to be questioned is to what extent Prismanova was aware of Cvetaeva's isolated position in émigré circles. Irina Odoevceva (not always a very reliable source, alas!) tells us how she and her husband Georgij Ivanov one day in the summer of 1938 went to visit the 'svidanie poètov' at the house of Ginger and Prismanova and encountered an unexpected guest there: Marina Cvetaeva. Ginger, knowing that there

had been troubles between the two parties in the past and quite aware of the tension that still existed, felt embarrassed, according to Odoevceva, and tried to save the situation. Prismanova, however, would not have noticed anything of the incident:

Присманова кидается нам навстречу. Ей и в голову не приходит, что из-за нас может произойти какое-нибудь недоразумение. Она вообще вряд ли знает о взаимоотношениях своих друзей и знакомых. Это ее не интересует. Она выше всего этого, постоянно витая в заоблачных сферах с ней.[19]

We know for certain, however, that Prismanova admired Cvetaeva's poetry. Janovskij mentions how Cvetaeva sold him her son's leather jacket before departing for the Soviet Union. Prismanova acted as an intermediary in the transaction, so Janovskij and Cvetaeva both went to visit Prismanova in her hotel on the Boulevard Pasteur. When the deal was done and Cvetaeva lingered on for a while in Prismanova's room, Prismanova caught up with Janovskij, who was already downstairs, and quite 'dobrosovestno' began to praise Cvetaeva's poems. "Kak budto stichi iščerpyvajut žizn'".[20]

If a friendship between Prismanova and Cvetaeva ever existed, it never was a very intimate one. Losskaja speaks about the relationship between the "Prismanovy"[21] and Cvetaeva in the most articulate terms. In her book she tells us of Zurov, who remembers how Cvetaeva, by way of farewell-party, had invited a couple of friends to a café, among them Alla Golovina, Aleksandr Ginger and Anna Prismanova. On parting Prismanova asked Cvetaeva for a lock of hair, as a keepsake. She took a pair of scissors from her purse and "Marina Cvetaeva stojala na bul'vare pod fonarem, kak rycar', i Prismanova otrežala ej prjad' voloc".[22] Slonim characterizes the relationship between Prismanova and Ginger and Cvetaeva as 'vnizu vverch'; they were on friendly terms, not very close, and did not see each other very frequently.[23]

Prismanova's first collection *Ten' i telo* saw the light in 1937.

In the summer of 1939 Ginger and Prismanova spent their holidays together with their children in Fournols, a small village in the Auvergne. With the war impending, they postponed their return to Paris at the end of the season. Prismanova stayed behind with the children, who also went to school there. She was at times assisted by Mme Bljum. Ginger went back, however, to resume work in Paris.

Back in Paris Ginger refused to wear the Star of David. Not for fear, as his son explains, but because he thought it wrong to classify human beings according to race, like animals. Ginger's mother, whom he had

not been able to win over to his point of view, did wear her Star. During a razzia she was captured by the Germans and deported to Auschwitz where she died in 1942. Ginger, Prismanova and the children survived the war unscathed.

On the eve of World War II the émigré movement had undergone a division into two camps. The "Oboroncy" wanted to come to their countrymen's rescue—whether they were communist or not—and return to their native country; the "Poražency" adopted a more passive attitude, more or less hoping that the two warring parties—nazis and communists—would slaughter each other.

After the war the ideas of the former resulted in the founding of so-called Repatriate-unions—"Sojuzy vozvraščencev". It goes without saying that the Russian community then was easy prey to Soviet propaganda, which took advantage of the upsurge of patriotism during and following the war. Repatriates would be welcomed as brothers in their native country!

Among writers and artists these feelings were also very much alive. Prismanova and Ginger too felt sympathetic toward the repatriates.[24] According to Kasack[25] and Berberova[26] Prismanova and Ginger acquired Soviet passports in 1946. Let me go into this a little deeper. As mentioned above, Ginger's situation in France was stabler than that of most other émigrés. His uncle, the manager of the chemical firm, had seen to it that Ginger and his mother had been able to enter France legally on Soviet passports in 1919. Ginger, however, forgot to renew his passport on time and acquired a so-called 'Nansen passport'. Shortly before the war he had submitted a request to obtain French nationality, but he considered the required sum of 50,000 francs too high. The children had adopted French nationality already at the beginning of the thirties. Unfortunately very little is known about Prismanova's nationality. After the war Ginger and Prismanova take on Soviet passports and nationality, incited by fierce propaganda which tried to persuade émigrés to return to their homeland. But the nationalistic sentiments would not last very long. According to Prismanova's son, Basile Ginger, his parents have never seriously considered returning to the Soviet Union for good.[27] Prismanova's sister did go back to the Soviet Union, but her return was first of all prompted by her wish to join her son who had left for the Soviet Union at an earlier stage.

A substantial part of Prismanova's literary production was realized in the years immediately following the war. Her second collection of verse *Bliznecy* was published in 1946 while the third collection *Sol'*

appeared in 1949. During the last years of her life Prismanova worked on *Vera*, a "liričeskaja povest'", devoted to the revolutionary/ aristocrat Vera Figner. *Vera* was published in 1960, the year of Prismanova's death.

As the years went by, Prismanova became more and more inclined to conceal her real age. When asked about her age, she answered evasively or pretended to be younger than she was in reality.[28] She refused to let herself be photographed and cut photographs of herself into pieces or spilt ink on them.

Although Prismanova was known to suffer from a heart condition in those last years, her death came unexpectedly in the morning of 4 November 1960. Prismanova was lying quietly on her bed and when Ginger came back home, she was gone. She was buried at Thiers, a cemetery south of Paris. Prismanova's death was an incredible blow to Aleksandr Ginger. His zest for living gradually left him and he became sick. He died in 1965, five years after Anna.

Anna Prismanova's oeuvre comprises four volumes of 193 poems altogether, some 20 poems that were only published in journals or almanacs, one short story in Russian and two in French.

Her entire work, including both poetry and prose, shows a strong internal coherence. It is because of the multitude of images continually referring to each other on different levels, the allitterations, the frequently used iambic pentameters, that we have to consider Prismanova's oeuvre as a whole, with the Poet and the Muse figuring as the principal characters. As far as I know, Prismanova has not left behind any letters or critical writings in which she could have stated her views on poetry and art. Thus all that can be said about Prismanova's thoughts and ideas about poetry can only be distilled from the poetry itself.

As regards her themes, Prismanova finds herself at a considerable distance from the poets of the "Parižskaja Nota". This group of poets produced a humanistically tinged sort of poetry which dealt with eternal themes such as love, death, homeland and so on, subjects which concern any of us. Prismanova on the other hand keeps asking herself the same questions over and over again, throughout her entire work. How to be be a poet? And, more specific, how to be a poet in the emigration? For the most part her poems are concerned with the poet himself and the creative act of writing poetry.

Prismanova frequently confronts us with a distinction between two worlds: one is the present, material world, the other is the spiritual and

permanent world. There is always a certain amount of tension between the two. Prismanova, the poet, is faced with the unbearable burden of reality, an inevitable evil from which she tries to escape into the weightlessness and emptiness of the dream, where words encounter one another without resistance and, as it were, 'come to her of their own accord'. (70) But if the words were to remain in the other world, they would be without substance, invisible. It is therefore the poet's duty to free the words, translate them in order that they may be understood in the everyday world. This, however, can only be achieved at the cost of great pain, but it is this very pain which gives meaning and content to the words, or, as Prismanova put it, 'provides them with salt'. In other words, for Prismanova the creation of poetry is synonymous with suffering, but only through the acceptance of suffering and of the irreconcilability of the two opposed worlds self-fulfilment can be achieved: "Ne na pustyne deržitsja iskusstvo,/ a na rabote stražduščej duši." ("Tišina", 73)

Very much aware of the 'infallibility' of her fate, Prismanova became a 'literaturno odinoka', someone who, imperturbable and consistently, sought her own muse and her own themes. She created her own world out of hermetic constructions of stubborn images that conceal a deep emotionality. ("Открытка", 139)

Озеро трепещет серебром.
Трепетны еще иные вещи.
Например, за кожей и ребром
сердце ожидающих трепещет.

It is the kind of poetry in which a poet struggles to discover what is hidden deep within and to find the words that set free; or, to use Prismanova's own words, to free the blood from the bone, the 'uzkij skelet'. Prismanova never abandons this theme. In her extreme efforts to fathom her own depths she wants her voice to sound as pure, as unique as possible.

Prismanova is first of all an imaginary poet; poetic musicality comes in second place. She speaks through her images: grotesque, alienating, sometimes brutal or comical. She is fond of sudden and unexpected changes of style. She builds her images with highly unusual, far-fetched words, many of them archaic. For example, this is how she conjures up a picture of an old piano teacher and spinster.

Умывшись и свернув на полинялом темени
наследие былой златой своей красы,
служительница муз, без мужа и без племени,
уселась за свои дисканты и басы.

Her piano is described as follows: "Na trech nogach—kormilec lakirovannyj —/zaplakal černokrylyj krokodil." ("Žizn' Frederiki Forst", 25)

In *Ten' i telo* shadow is opposed to reality. A central place is occupied by the poet struggling with reality, the broad daylight, the bright colours and the din, all of which obtrude on him and make it impossible for the inner music to be evoked, for the authentic images to be called forth from out of the shade. Fettered to that world—'oppressive, dazzling, deceptive' (26)—there is on the one hand the dream which brings diversion from the day-to-day world. On the other hand, we see that the burden of days is hung on 'three nails, three miracles, the three sisters, Faith, Hope and Charity.' (22) The theme of *Ten' i telo* is concisely and clearly formulated in the last stanza of "Potonuvšij Kolokol" (32):

О, взгляните в глубь покоя,
в дом, упавший в водоем —
в отраженье, в жизнь, из коей
мы живыми — не уйдем!

The poet is advised to stand as close to the light as possible for the contours of his shadow to be as sharp as can be: "pobliže k svetu stan', poèt/ostaneš'sja chot' siluètom." (46)

A figure Prismanova frequently employs is the replacement of one image in an antithetical pair with another image derived from the original one. In the poem "Ten' i telo" for instance we see how the oppositions "noč'-den'" and "snovidenie-jav'" remain nicely in step with each other until the expected "duša" (as the counterpart of "telo") fails to appear. Instead "ten'" is introduced to counterbalance "duša", which not only has an alienating effect, but also gives greater depth to the image. This is the sort of figure which Prismanova uses on a large scale. Throughout her work words seem to lead lives of their own, developing new symbolic meanings. The opposing worlds of the poet are reflected in "roza" (day)—"rož'" (night). The poet herself is represented as a drudge (služanka)—gypsy woman (cyganka), Cinderella (Zoluška)—fortune-teller (gadalka). The autumn leaf (osennij list) stands for dying off, a loathing for life, death. "Pero-krylo-ptica" represents the poetical instrument and inspiration.

This principle seems to underlie the whole of Prismanova's work: time and again we see a shift in imagery when a thematical change occurs, while the basic oppositions remain intact. The pair of images "služanka" (telo)—"cyganka" (ten') of *Ten' i telo* transforms into "činovnik" (kost')—"kusnec" (krov') in *Bliznecy*.

In this collection Prismanova develops into an 'imaginary' poetess. Original, funny and fairy-like is the dancing soul walking the tightrope in undersized boots (10), the soul that has outgrown her dress (14) and the dream walking about in seven-league boots (13). The image of the gypsy-woman is surely one of the finest in the collection: "Pjata ee v zole i zolotye/pustye busy v žolobe ključic" ("Cyganka", 23).

A highlight is also the poem "Razve pomnit sadovnik, otkinuvšij stekla k vesne", dedicated to Vladislav Chodasevič (27). Exceptional through its anapestic foot, its closing stanza captures the essence of Prismanova's outlook on life in this terse image: "Ved' i chram ne uslyšit, kak padaet telo sveči,/otdavavšej po kaple sebja na s"eden'e molitve."

The structure of this collection is not yet as well thought-out as is the case with her later volumes. Some poems have no title and the collection is not subdivided into cycles, nor does it have an opening or concluding poem. Most poems in this collection are dated and have been written in the period between 1931 and 1936. (With the exception of the 1924 "Zelenyj dvorik" (8) and "Napugany voron'im graem" (36), written in 1929.) They have not been arranged in chronological order but according to content. For instance, the three poems containing references to the poet Lermontov ("Nedolgovečna polnaja luna" (28), "Doroga" (29), "Najdja mešok nezdešnego dobra" (30)) have been grouped together although they were written in different periods. The opening lines of "Gobelen", written in 1936, seem to react directly to the opening of the preceding poem: "Ne oščuščaja sobstvennogo gruza", a poem composed in 1932.

Bliznecy, Prismanova's longest collection, has a more rigid structure: an opening and closing poem embrace six cycles of equal length.

In *Bliznecy* Prismanova employs the antithetical pair of images "krov'"—"kost'", or, as she states in the opening poem of this collection: "kost' trezvosti i krov' ognja."

There are frequent references to biblical imagery and parables, such as the miraculous draught of fishes and the seed on the rock. The theme of the original sin is dealt with in "Zmej" (70) and "Jad" (71). The symbol 'blood' is replaced with snake poison (venom), which Prisma—

nova, unlike the bible, regards not so much as a source of evil, but of poetic inspiration.

A poem with which Prismanova was quite successful in public readings was "Lošad'", (115). It gives us visions from a dream, represented as an enormous, living phantom horse rattling down the boulevard with milk cans that for a moment makes us forget the worries and hassle of the day. Then the poet suddenly and almost rudely interrupts: "Mne kažetsja togda, čto ja/okončus' v dome sumasšedšich."

Although Prismanova never directly refers to her stay in exile, some of her poems dealing with her feelings of dissociation and detachment, seem to do just that. She is wandering around, or lives in an aquarium where, deprived of her homeland's "sneg, bereza, birjuza, rjabina", she has to be content with the amber-like transparent glass on the bottom. (41) In *Bliznecy* this train of thought is followed, for example in "Vodolaz" (51), where the poet stays alive, like a diver with a snorkel—"trubka"—but deep down under water she is conscious of the solitude and maladjustment. How can she, whose name Anna means blessing, live up to her name in a country where the people do not speak her language?: "No čto mogu ja otčej počve dat'?/liš' slovo pomnju vmesto blagodati." ("Pesok", 92). There is more room for reminiscing in this collection, as for example in the cycle *Pesok*, where people and places of the past play an important role.

Mark Slonim searches in vain for a degree of involvement of the poet with world events. To what extent has the German occupation of France influenced the work of Prismanova? He concludes that "the groaning of the victims, the rumbling and the violence of the war have not reached her metaphorical cellar".[29] Indeed Prismanova very seldom shows an awareness of the world around her; the only rumbling she hears is in a thunderstorm. Her struggle takes place within herself and she herself is her own victim. Only twice in her collected work do we come across the city of Paris. ("Čaj", 153 and "Strelok", 98).

The collection entitled *Sol'* is not so much founded on antithesis. The notion of 'salt' conveys for Prismanova the elements sorrow (tears) and native ground (the Baltic). Already in the preceding collection she symbolizes her native soil and the longing for it with the image of an oyster who lives in a salt mixture and gives birth to a pearl—"sijan'e skrytoj boli"—, an embodiment of tears. ("Pismo", 77). The poet seeks to give her verse all the salt that is in her, which is "not the salt you buy in the market". On the whole the mood is gloomy and more laborious, in places apologetic. She is searching for someone to talk to, but, although

the tone she has adopted is very human, it is abstractions she addresses as though they were human beings: "No sobesednika, k nesčast'ju net/ja razgovarivaju s pustotoju." (117). The tone of "Golod" (138) is almost emotional and its syntax is, very unlike Prismanova, transparent. A sense of realism seems to announce itself.

На улице, в глухом пальто,
выходите вы в день ненастный...
Я приближаюсь к вам за то,
что вы, по-моему, несчастны.

The search will appear to be in vain, but she gains strength from the lines which she chose as epigraph, written by the female poet Karolina Pavlova: "Kto tščetno iščet—ne bednee/togo, byt'-možet, kto našel."

Apart from a number of separated poems, *Sol'* contains four cycles of poems, the longest of which is dedicated to the moon. Just like herself the moon is no more than a head or part thereof (the moon's sickle). It is the source of her 'lunacy' and inspiration and it is, just as she, in search of the "voploščenija bytija".

Prismanova spent the years preceding her death working on her "liričeskaja povest'" *Vera*, which was to appear in 1960. This time she adresses the revolutionary/aristocrat Figner, to take example from and to be repelled by, or, in her own words, 'to uncover her soul'. In the closing poem of *Vera* (193) we read:

Но я одну себя посредством
других ищу. Как ни пиши —
герой мой для меня лишь средство
ко вскрытию моей души.

It is however, not so much the heroic as the human aspect which fascinates Prismanova in the figure of Figner: "iskat' v geroe prosto čeloveka, gerojskoje ostaviv v storone" (192). In addition she perceives a resemblance between Figner's real imprisonment and her own stay in exile and her sealed-off inner self. Figner is introduced to the reader in fragments: through picturesque descriptions we are given glimpses of the heroine's youth, her personal love and love for her country, her social awakening and involvement in terrorist deeds and her life in prison. Prismanova's preference for this narrative form had already manifested itself in 1947 with the publication of the cycle *Èpizody*, subtitled "Detstvo Nekrasova", in the journal *Novosel'e*. The structure, the character sketch of the protagonist, the description of birthplace

and native land and the emphatic presence of the poet lead one to the assumption that ''Èpizody'' can be regarded as a predecessor of *Vera.*

Surrealism has largely been replaced with a more realistic outlook and a more carefully balanced composition.

To my knowledge there is a total of 24 uncollected poems of Prismanova. The early poems[30] show little thematic deviation from the poetry in her first collected volume and also in terms of quality they are certainly not inferior. They seem to breathe a more cheerful spirit though, more vital, and the imagery is strongly surrealistic. (Cf. ''Na kante mira muza Kantemira'', 198) Very successful is the image of 'chirping cables, and the cloud water jumping like brilliants in the rain barrels' (in ''Krovel'ščik zubcy zaklepok,'' 200). Remarkable also is the poem ''Tol'ko noč'ja skorbi v Sene'' (197) because this is one of the few instances where Prismanova gives a description of her (new) town of residence, Paris. In the period between *Ten' i telo* (1937) and *Sol'* (1949) three (uncollected) poems and the cycle *Èpizody* are published. The reason for not including these in her collections are not clear to me. In ''Cerkovnye stekla'' (201) we find once again references to the outer world in a description of the Normandy countryside. The number of uncollected poems published after the publication of Prismanova's last collected edition is ten. As in *Vera*, these poems are written in simpler Russian and the world evoked seems easier to interpret. Because of her illness, Prismanova is conscious of approaching death, dreams and reminiscences play a more prominent part and the tone is altogether more conclusive (215):

Воспоминанья и мечты
как пленка впитывают прелесть
того, чем с жизнью связан ты,
того, что было в самом деле.

In no way can Prismanova be seen as an innovator in rhyme or metre, such as, for example, Marina Cvetaeva or Dovit Knut. Poetic musicality or experiment did not have priority for Prismanova. The use of the disyllabic foot is predominant in all her poems with an extreme preference shown for the iamb: 85% her of work is iambic, 12% trochaic and only 3% is written in a trisyllabic foot.

With these percentages she is easily ahead of anybody in the then popular tendency among the young generation of poets. A few figures illustrate this: in the period 1920-1940 59% of the literary production of this generation of poets is iambic against 48% with the older poets.

The younger poets preferred the iambic pentameter (49%).[31] In this respect as well Prismanova fits in with this group: more than half of her entire poetical work (53%) is composed in iambic pentameters. The collection *Bliznecy* is in the lead with 67%.

Prismanova arranges her verse into quatrains mainly and very consistently adopts an *abab* rhyme scheme, alternating masculine and feminine rhyme. Although she mostly uses full rhyme, there are some occurrences of truncated and broken rhyme. In the poem "Zelenyj dvorik" (8) she uses truncated feminine rhyme in several quatrains: navoze / vozit—osennij/kisejnom—užin / luži—ogoroda / gorodnyj. In the poem "Osnova" (130) we find an instance of truncated masculine rhyme:

(Необходима вязь густая —)
связь букв, о коей хлопочу.
(Нужна порой и запятая)
для выраженья сложных чувств.

Broken rhyme too occurs regularly in all volumes, such as in "Ne oščuščuja sobstvennogo gruza" (13) from *Ten' i telo*:

Ах, нелегко домину бытия
(построить на лесах стихотворений.)
И полное лишь в сказке, знаю я,
(ждет замарашку удовлетворенье.)

Or in "Kost'" (120):

Не танцовала никогда я
(на ученическом балу)
я с внутренним огнем, худая,
(сидела, в мае, на молу.)

In the last two collections *Sol'* and *Vera* Prismanova departs more and more frequently from this strict regime of stanza structure and metre. In *Sol'* the quatrain is at times exchanged for an octave, a sextet or even the odd quintet, while in *Vera* the amount of trochaic verse is reduced to 26% (the use of the iamb goes down to a record low of 71%). *Ten' i telo* has the highest percentage of trisyllabic feet (8.5%). The anapestic marching rhythm is very adequately employed in: "Nastojaščij voitel' javljaetsja pušečnym mjasom" (4).

Alliteration was much loved and abundantly used by Prismanova, both in poetry and prose. In "Fleurs et Couronnes", one of her French short stories. The letter C puts Prismanova on the track of the words: cercueil, corbillard, char, convoi, cancer, cloches, cierges, catafalque.

Together these words relate the story of the burial of the main character's mother.

On the one hand the use of alliteration contributes to the compactness of her work, on the other hand it is an opportunity for Prismanova to play with words to her heart's content („Луна", 147).

Но — связанная не со зданьем,
не с плотной почвой полевой,
а с этим призрачным созданьем,
снабженным только головой —

Prismanova's entire prose work consists of a short story in Russian, "O gorode i ogorode" which was published posthumously in *Mosty* in 1966, and two stories in French, "Les Coqs" and "Fleurs et Couronnes", published in 1942 and 1946, respectively, in *Cahiers du Sud* under the name Anne Ginger. These stories are inextricably bound up with Prismanova's poetry both as regards their form—they are interlarded with wordplay and alliteration—and their content. In addition these—strongly biographical—stories shed light on some of the uncertainties relating to Prismanova's manner of working and her life.

Since "O gorode i ogorode" is not dated—it was published posthumously in 1966—it is difficult to recover the original date of composition. One can establish a clear similarity, however, with a few of Prismanova's more narrative poems. The heroine of "Žizn' Frederiki Forst" (25), for example, a poem written in 1931, does not only share a German family name with the heroine of "O gorode i ogorode", Amalija Zontag. Both are piano teachers in a small town on the coast, unmarried against their will after having once and unhappily loved. Driven by fate both women escape their solitude and the petty atmosphere of the place by setting off to the harbour in the early evening, chatting to themselves and throwing a handful of bread to the seagulls (Frederika Forst). Or, like Amalija Zontag, by retiring into her vegetable garden outside the town, into which nobody can throw a stone.[32] Her neighbour, however, is an exception and every now and then he manages to throw a stone into her garden: "vyzyvaja ee na očerednoe, otnjud' ne platoničeskoe, svidanie."

The narrative structure of the story deserves some attention. It sets out in third person. After the description of the little town and a retrospective picture of the heroine's mother, the reader is abruptly introduced to the heroine who follows her mother's bier and he is witness to her making a solemn decision to devote her life to music. At that

point the author intervenes: "vmesto togo, čtoby vesti ee tuda, gde s nej moglo by proizojti čto-nibud' neobyčnoe, on [the author] passivno sleduet za nej, opisyvaja tol'ko to, čto dejstvitel'no s nej proischodit."

From that moment onward Amalija imposes her will on the author: the coast be Baltic, her eyes: Spanish, her nose: Lappish, the place: the window overlooking the pharmacy. From that vantage point the reader acquaints himself with the village and its inhabitants.

As mentioned earlier, the story as regards form is not far removed from Prismanova's poetical work. It is full of alliteration and assonance, chiasm, repetition, which together endow the story with a certain lyrical quality: "Amalija sama zastavila avtora ostavit' ee navsegda ...". Or: "Vdol' provincialnich domov prochodit gubitel' ženskich serdec ... Prochodit stekol'ščik ... Prochodjat gruzčiki ... Prochodjat gody ...".

Her prose is highly imaginary, almost cinematic, with surrealistic images suddenly popping up and vanishing, just as abruptly. Sometimes this makes for a striking picture, as is the case with the description of a scene on a rainy day: "Gruppa tolsten'kich staričkov, sobravšichsja pod zontami u derev'ja, kazalas' semejkoj krypnich, neožidanno vynyrnyvšich posle doždja gribov." Another instance of a crude and far-fetched image is the following description of the heroine's mad cousin: "Ploskogolovyj sub"ekt s vystupajuščej čeljustju i kosjaščimi glazami ..."

Not everyone was delighted with Prismanova's style of writing. She was accused of 'artificiality', 'parading the grotesque' and more than once the term "kosnojazyčnost'" was used in relation to her. According to Georgij Adamovič[33] her poems are exclusively aimed at specialists. This remark should be understood in the context of Adamovič's theory that poetry in general can be divided into three categories. Poetry which appeals to everybody falls into the first category. The second category comprises poetry which is characterized by a high-flown, poetic style and is therefore better liked by experienced readers. The third category, to which Prismanova's work would belong, is reserved for poetry only to be read by experts. Bachrach[34] is of the opinion that Prismanova has not found what she was after, but that her efforts, in spite of this, have not been in vain. With her "lico neobščim vyražen'em" she is said to have introduced something very characteristic into the Russian literature.

Terapiano[35] takes a rather gloomy view of Prismanova's literary

achievement. He is sorry for her belated adoption of a more realistic style and is convinced that, had she not so stubbornly been trying to reshape poetry, she would have developed into one of the most respected poets, given her unmistakable talent.

In her last poem known to us, "Vlast'", published in *Novyj Žurnal* only in 1965, Prismanova seems to pursue her struggle with determination, even from the grave:

В изнеможеньи, в каплях испаренья,
ты от любви ослабла, может быть.
Но чтобы ты устала от боренья
за власть свою — того не может быть.

It is this doggedness which provokes resistance or irritation, but above all, inspires awe in us of someone who, in spite of the vacuum of exile, dutifully sought her own Muse and delivered her from the bone, in order to pay tribute to her in unic verse.

ACKNOWLEDGEMENTS

I would like to express my gratitude to Mr Basile Ginger, who not only granted permission to reprint the work of Anna Prismanova, but also supplied invaluable information during two visits I paid him in January and May 1988, which greatly helped me in the preparation of the introduction. I also wish to thank Mr Leonid Rubet, Prismanova's nephew, who was present during my first visit, as well as the staff of the Bibliothèque Turgenev in Paris, who helped to locate a great many uncollected items, all of which are included in this edition. A final word of thanks is due to Murk Boerstra for help with the English translation and to Jan Timmers for many stimulating discussions and continuous support. Needless to say all remaining errors are my own.

Leiden, March 1990. Petra Couvée

NOTES

1 There is a recollection of Prismanova's stepmother Sophie in the poem entitled "Sofija" in the collection *Bliznecy*.

2 J. Terapiano, *Literaturnaja žizn' russkogo Pariža za polveka, (1924-1974), èsse, vospominanija, stat'i*, Pariž-N'ju-Jork: Al'batros-Tret'ja Volna, 1987, 113. The chapter devoted to Prismanova is based on an article "Anna Prismanova", *Russkaja Mysl'*, No. 28 (1974), 8-9, which was published as part of a series "Iz knigi 'Zarubežnye poèty'".

3 The poems "Net vesnoj na svete lišnich: radost' vsjakomu!" and "Čto ni večer lunnyj plug" belong to Prismanova's earliest known poems. Both poems are included in this edition. They are the earliest poems I have been able to find and the only ones from Prismanova's pre-Parisian period.

4 Terapiano, op. cit.

5 Z. Šachovskaja, *Otraženija*, Pariž: YMCA-Press, 1975, 49.

6 Unpublished letter from Ju. Ivask addressed to the poet V. Perelešin dated 14 October 1985. This letter is kept in the Perelešin Collection in the Leiden University Library.

7 *Volja Rossii*, No. 3 (1926), 46.

8 After the book with the same title by V. Varšavskij, N'ju-Jork: Izdatel'stvo imeni Čechova, 1956.

9 Though the distinction between the younger and the older generation is primarily based on literary reputation gained in Russia, a distinction according to age is, in second instance, also possible. I refer here to the division suggested by G. Struve, *Russkaja literatura v izgnanii*, 2-oe izd., ispr. i dopoln., Pariž: YMCA-Press, 1984, 329. It is said here that the 'older' writers would not be younger than G. Ivanov and G. Adamovič, both of whom were born in 1894. The 'younger' writers would have been born between 1900 and 1910. If we accept this division, it means that Prismanova would belong to the older generation also on account of her age.

10 Terapiano, op. cit., 232.

11 Ibid., 133.

12 A friend of Picasso's and also a writer. It is quite plausible that it was Šaršun who introduced Aleksandr Ginger to the painters.

13 M. Bljum and K. Tereškovič also worked for the abundantly illustrated magazine *Čisla* (1930-1934).

14 M. Slonim, "Volja Rossii" in: *Russkaja literatura v emigracii*, Pittsburgh: Department of Slavic Languages and Literatures, Faculty of Arts and Sciences, University of Pittsburgh. Slavic series, No. 1, 1972, 299-300.

15 In *Literaturnaja žizn' russkogo Pariža za polveka*, in the chapter entitled "Oppozicija 'Zelenoj Lampe' i 'Čislam'" from 1972, Terapiano (op. cit., 133) claims that the 'Kočev'e' group was founded in the second half of the thirties and was the only group to survive the war. In his chapter on Prismanova (1974), however, he suggests that 'Kočev'e' came into being in the first years after the war (p. 235). In the chapter on Korvin-Piotrovskij (1970) in the same book, he mentions the lack of success of the group, both before and after the war (p. 240).

16 Struve, op. cit., 331.

17 V. Losskaja, *Marina Cvetaeva v žizni, Neizdannye vospominanija sovremennikov*, Tenafly, N.J: Èrmitaž, 1989, 200.

18 Šachovskaja, op. cit., 167.

19 I. Odoevceva, *Na beregach Seny*, Paris: La Presse Libre, 1983, 125-129.

20 V. Janovskij, *Polja elisejskie. Kniga pamjati*, N'ju-Jork: Serebrjanyj vek, 1983, 246-247.

21 Losskaja, op. cit., 200. There is another instance where Losskaja makes an incorrect reference to Ginger and Prismanova: "Takaja Ginger, žena Prismanova...", (op. cit., 110).

22 Losskaja, op. cit., 199.

23 Ibid., 200.

24 Prismanova has dedicated a number of her poems to repatriate poets, such as A. Ladinskij and V. Andreev.

25 W. Kasack, *Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Ergänzungsband*, München: Sagner, 1986, 152.

26 N. Berberova, *Kursiv moj. Avtobiografija*, 2-e izd., ispr. i dopoln. — New York: Russica Publishers, 1983, 546.

27 Personal communication. Letter dated 7 xii 1989.

28 This may serve as an explanation for the fact that Prismanova's year of birth is sometimes incorrectly stated or simply omitted.

29 M. Slonim, "Parižskie Poėty", *Novosel'e* 29/30 (1946), 89-96.

30 'Early poems' is meant to refer to all uncollected poems that appeared before *Ten' i telo* (1937).

31 Here I base myself on the data in G. S. Smith's article "The Versification of Russian Émigré Poetry, 1920-1940", *The Slavonic and East European Review* 56 (1978), 32-46.

32 The Russian expression 'kinut' kamen'' means 'to reproach somebody'.

33 G. Adamovič, *Russkie Novosti*, 6 December 1946.

34 A. Bachrach, "Pamjati Anny Prismanovoj", in *Mosty*, 6 (1961), 365-368.

35 Terapiano, "Iz knigi 'Zarubežnye Poėty'"; Anna Prismanova", *Russkaja Mysl'*, No. 28 (1974), 9.

ТЕНЬ И ТЕЛО

1. *Памяти БОРИСА ПОПЛАВСКОГО*

С ночных высот они не сводят глаз,
под красным солнцем крадутся как воры,
они во сне сопровождают нас —
его воркующие разговоры.

Чудесно колебались, что ни миг,
две чаши сердца: нежность и измена.
Ему друзьями черви были книг,
забор и звезды, пение и пена.

Любил он снежный падающий цвет,
ночное завыванье парохода...
Он видел то, чего на свете нет.
Он стал добро: прими его, природа.

Верни его зерном для голубей,
сырой сиренью, сонным сердцем мака...
Ты помнишь, как с узлом своих скорбей
влезал он в экипаж, покрытый лаком,

как в лес носил видения небес
он с бедными котлетами из риса...
Ты листьями верни, о желтый лес,
оставшимся — сияние Бориса.

1935

2. ГОРБ

Дадут ли в жизни будущей венцы
взамен неисцелимого порока?
Таких — не утешают леденцы,
глаза их в синеве сидят глубоко.

Подчеркивает мраморность чела
не локон: роковой венок уродства.
Лучистая, но льдистая скала
не в силах дать травы для скотоводства.

Но эдельвейс, цветок пустых полей,
пленяет нас среди высот громоздких.
И матери горбатый сын милей
других ее — высоких — недоростков.

Быть может горб — сращение тех крыл,
которыми махал твой сын в лазури,
когда еще он херувимом был.
Но как найти крыло в верблюжьей шкуре?

1935

3. ПЛАМЯ

До пашни — дождевые облака,
до нас — дошли слова издалека:
　　„речь серебро, а золото — молчанье“.
Но вставши от ночного столбняка,
производительница молока —
　　корова издает свое мычанье.

И озирая бедный свой надел,
лесной ручей — о благостный удел! —
    в тиши журчит по мелкому песочку.
Рука моя скудеет не у дел:
уж верхний слой воды захолодел,
    но нижний пробивает оболочку.

Бьют влагой в пламя. В доме слышен плач.
Дрожит фитиль. И опытнейший врач
    к отчаянному прибегает средству.
Конец. Уже над дерном ходит грач.
Но как твое занятие, палач,
    огонь передается по наследству.

1933

4.

Настоящий воитель является пушечным мясом:
золотой ореол над собой он хоронит во мгле.
Как под ветром ветла, как жена перед иконостасом,
расстилается он по укромной окопной земле.

Настоящая служба, мой друг, не блестит позолотой:
в сером платьи она, в серой кухне стоит в уголке.
Так бесхитростно Золушка, вышколенная работой,
у стола засыпает с голубкой на голой руке.

Настоящее время совсем нам не кажется жизнью:
в полусне мы любуемся мраморным телом зимы.
Лишь в полете своем снег действительно безукоризнен,
но начало вещей и конец их пленяет умы.

1935

5.

По веленью Водолея
мы мечтаем, бдим и спим.
Солнце, сумерки жалея,
небо уступает им.

Тех же четырех наседок —
просинь, лето, осень, снег —
водит год, но напоследок
позабыл их человек.

Не звездой теперь дорогу
метит он, а фонарем.
Сердце рощи понемногу
истекает янтарем.

Плачет сосенка, для плясок
наших данная костру.
Плачет плоть моя — подпасок,
с горем вставший поутру.

Только сумрак видит звезды,
белый день обидит их.
Лишь в лощине козам роздых,
в котловине — ветер тих.

Лишь во сне цветами тело
наше дышит не спеша.
Лишь во сне вступает в дело
одичалая душа.

И конец для нас загадка,
и начало спит во мгле.
Нам и сумрачно и сладко
быть на сей еще земле.

1935

6. КЛЕВЕР

Поутру и здесь в тумане клевер,
на заре весенней розов он.
Но весна от нас пойдет на север,
где стоял всю зиму санный звон,

где стояли печи, ягод вазы,
перед каруселью круглый рот,
в полке мальчик-с-пальчик, водолазы,
в озере — стволы наоборот.

Озеро вернется, о поверьте!
Просверлите стебель камыша:
запоет высоко перед смертью
полый стебель, голая душа.

7. ПЕРО

Заплаты черепичные красны.
Зерно в земле побегами лучится.
Уверенная поступь у весны,
нам у нее пристало-б поучиться.
Доверь же ей ведение пера —
гусиного пера, не золотого —
душа моя! сегодня со двора
и ты пойдешь. Перо — твоя обнова.

Шесть дней оно скрывалось в сундуке,
проложенное прелостью и перцем.
В седьмой — оно к десной твоей руке
ласкается, старается как сердце,
как лавочник что дарит нам вершок,
как склянка что песочною зовется,
как сваха, как сиреневый горшок,
где счастье лепестками нам дается.

1930

8. ЗЕЛЕНЫЙ ДВОРИК

Зеленый дворик. Курицы в навозе
и золотой веселый сеновал.
Зачем так быстро время воду возит
и мой струистый полдень миновал?

У бабушки висели в день осенний
лекарственные травы с потолка
и скопища на коконе кисейном
уснувшего мушиного полка.

Как любо было бегать вороненком
в расквашенные клети за яйцом,
как утром распевало горло звонко,
выскакивая к солнцу на крыльцо!

Но сладок был при свечках летний ужин,
и юбочек взлетало полотно,
когда босые пятки били в лужи
и дождь ломился радугой в окно,

в реченку или в толщу огорода,
где маялись малинные кусты,
где праздника встречая день дородный
линяли наши ягодные рты.

О, свежие сверкающие гумна,
пронизанные ржаньем жеребят,
о, славные вожди ватаги шумной
играющих в разбойники ребят.

О, нянюшкин сундук, где все наследство
оберегал малеванный улан.
О, милое холстинковое детство,
румяное отнюдь не от румян!

1924

9.

Молочных чувств дано нам только пять.
Но с каждым годом шире древесина.
Затронет пух растительную прядь,
и задрожит в безветрии осина.

Дрожит желток. В хрупчайшей скорлупе
всей нашей жизни нежное начало.
Пусть воду или воздух я в ступе
порой толкла, все-ж дно мое стучало.

Прости меня, что на твое лицо
кладу, о муза, столь цветного глянца.
Но ежегодно белое яйцо
пылает от пасхального румянца.

Средь гиацинтов, смертников весны,
кривляются от солнышка стаканы.
И как они, твои дневные сны
невыносимым светом осияны.

1933

10.

Душа, в небесном тюле, на канате
давно ты пляшешь в тесных башмачках.
Ах, не пришлось бы деве на закате
в конце смотрин остаться в дурачках!

Среди ларьков, гостинцы покупая,
они бредут, не давши ни гроша,
о, за твое, голубка голубая,
почти что неземное антраша!

Но леденеет шнур. Зима обманет,
и упадешь ты елкой в декабре.
Гулянье только мимоходом глянет
на кости, рухнувшие в мишуре.

11.

Тает в небе стая голубей:
вот от них уже остались точки.
Не могу я вспомнить, хоть убей,
день когда ко мне явились строчки.

Кажется, всю жизнь они со мной.
(Так совместно с тенью ходят люди.)
Так подносит повар крепостной
голову судьбы своей на блюде.

12. ЯБЛОКО

Вся в локонах из чистого червонца,
в мантильи, с белым зонтиком в руках
(слепящее Вас окружает солнце)
Вы каждым шагом радуете прах.

Привыкли, Муза, яблочные кони
по облачным дорогам Вас возить.
И яблони пред Вами ветви клонят
такие, что нельзя вообразить.

Одна из них от тяжести кривая,
свеч восковых плоды ее бледней.
Стоит она, как будто неживая...
И что же? Вы как раз идете к ней.

Томительно, как вдохновенье слову,
для яблока касанье Ваших уст.
Вонзая зубы в колобок плодовый,
Вы слышите его покорный хруст.

Пусть яблоко (вина столпотворенья)
смешение железа и воды —
но райские останутся следы —
на мякоти того стихотворенья.

1932

13.

Не ощущая собственного груза
сон ходит в семиверстном сапоге.
А день, неотвратимая обуза,
как аист на одной стоит ноге.

Стары в господском доме половицы,
лежат они рядком, но между — щель.
Не зря густым нектаром медуницы
питаются: у них благая цель.

Порой сухой удар на блюде плоском
расщелину дает. Хозяин зол.
Но ставит праздник мед на стол, и воском
рассохшийся натерт до лоска пол.

Тогда тяжелый воздух вдохновенья
рассеивается. Идет азот.
Войдет ли к плечам час отдохновенья
в шестиугольные ячейки сот?

Ах, нелегко домину бытия
построить на лесах стихотворений.
И полное лишь в сказке, знаю я,
ждет замарашку удовлетворенье.

1932

14. ГОБЕЛЕН

Душа, ты выросла из юбки,
она тебе уж до колен.
Я вижу, шерстяной голубке
наскучил пыльный гобелен,

где вол любуется купавой,
а рядом — павой дровосек.
Взмахнула дева ручкой правой,
ствола он так и не отсек.

По снегу с мышью ходит кошка
и все никак ее не съест.
И тут же розы вдоль окошка,
на вышке — с голубем насест.

Сметану дочь несет соседу —
на гобелене все добры!
И льется шерсть вина к обеду
из доброй кружки той поры.

Расшитый пахарь за волами
стоит. Ни с места те волы.
Ах голубь мой, взмахни крылами
и унесись из кабалы!

1936

15. КАРАНДАШ

Марине Цветаевой

След истлевших древесных сил —
карандаш мой точу в ночи.
Нож с боков стеарин скосил
деревянной моей свечи.

Жизнь сказала: да будет так! —
заострила графитный взор.
Ты спустилась ко мне в кулак,
стружка, с окаменелых гор.

Передашь ли тех волн аккорд,
мох и эхо свинцовых скал,
лес, лазоревый злой фиорд,
ветр, что парусом челн таскал?

Чудо — горенья плод во мгле,
претворенные в пласт суки...
Бескорыстнейший на земле
друг, не оставь моей руки!

1934

16. ТЕНЬ И ТЕЛО

Пустынный ветер схватывает прах
и мчит его до крайнего предела.
Коль сон однажды душу схватит, ах,
она всю жизнь скитается без дела.

Днем снится наша явь самой себе,
ночами тень волнуется и бродит.
Две силы те в глухой всегда борьбе,
и все-же тень к телам всегда подходит.

И липнут капли крови к бахромам
мечты. Извечно кровь смущала тени.
И белый день не выдал права нам
платить на деле златом сновидений.

А сон в ответ как смертник бьет в тюрьму,
как колокол подводный к нам стучится.
К нему бредем, к нему бредем, к нему.
Но может быть и он нам только снится?

1935

17. ОСЕННЯЯ ПОЧТА

Мгла, ливень, листья. Лаковые крыши.
О, где же для деревни дождевик?
В мансардах только мыши письма пишут,
а души спят, зарывшись в пуховик.

И день как ночь (лишь сны мои в расходе) —
в трясине день, в высоких сапогах.
Вновь толстый сумрак тихо в дом заходит,
как рыбный страж с резиной на ногах.

А яблоня как мать стоит живая.
Ее ключицы клонит бремя дней.
Пускай подаст рука ее кривая
тому, кто всех в селеньи голодней.

Как башня, жадный пес про полдень знает.
Бредет сума с порога на порог.
Почтарь страду вторую начинает,
и месяц кажет золоченый рог.

Качаются почтовые подводы,
над войлочной дорогой льют дожди.
Стоят лишь в городах громоотводы.
Ах, муза, непогоду пережди.

Селеньям в осень впору умереть.
Слетают листья желтыми слезами.
Две колеи уходят за возами.
Но нашим листьям некуда лететь!

1933

18.

Птицей слово наше бьется.
Как дела его худы!
Из туземного колодца
не глотнуть ему воды.

Только в чаще ежевика
безмятежно хороша.
Над болотом птицы дикой
разрывается душа.

Вот упала в травы птица
(стал навеки вечер тих).
Ей свое быть может снится,
как сироткам мама их?

Так слабеют средь плантаций
так в колонии грустят,
вспоминают тень акаций
так — что косточки хрустят!

1936

19. ВИДЕНИЯ В ПЕНЕ

Душенька, моя душа, ты
не балована балами.
Видишь черные ушаты,
воду с пенными крылами.

Как гадалка в темень гущи,
ты глядишь в пузырь из мыла.
Зрит кукушка день грядущий,
постирушка — то что было.

Ах, в перстах не пена стирки —
пена волн и стан сирены,
паяца в пустынном цирке
белый пляс вокруг арены.

Золушка, в твой локоть детский,
не балованный балами,
сунул сказочный дворецкий
птицу с мыльными крылами.

Твой ли волос между строчек —
горя белого примета?
Слышишь голос среди ночи?
Ночь читает книгу света.

1934

20. КРАСКИ

Александру Гингеру

Ярок желтый блик червонца,
отражая солнца лик.
Воска частые оконца
мед дают тебе, старик.

Голодает населенье —
луч надежды в зеленях.
Зелень — ветвь увеселенья,
к ней и гуси семенят.

Не забудь цветок лазури!
В синих крыльях стрекоза.
И слепец своей бандуре
отдал синие глаза.

Ценность вкладов заливаем
красной латкой сургуча.
Бьет нас доля боевая
кровью красной сгоряча.

То что в черном облаченьи
в черных дрогах мы везем —
для грядущих насаждений
неизбежный чернозем.

Но холодным тихим утром
молоком окутан брег,
и бесплатным перламутром
сонмы красок кроет снег.

Белый цвет владеет нами.
В доме белый потолок,
люлька с белыми волнами,
саван — белый эпилог.

1934

21. ШАРМАНКА

Вербуют ли к сухой войне солдат,
иль свежий броненосец с верфи сдвинут —
не все-ль равно: впадает разность дат
в одну дыру, в одну и ту же глину.

Вниз едет лошадь, вверх автомобиль —
два направленья в горном переулке.
Резьбу на крышке скрадывает пыль,
но неизменна музыка в шкатулке.

Тоскует вал, как маленькая мать,
что сына своего встречает робко.
Но тот вдали — о, где его поймать! —
уже блистает гоночной коробкой.

Малютка мой, нечаянным путем
попал ты в комариное болото.
Не знаю я, когда отсель уйдем,
но слышу: все жужжит пред нами что-то.

Перо мое, давно меня ведешь —
мозолью достается нам единство.
Гусиное, не ставишь ты ни в грош
назойливые страсти материнства.

Послушай, правых пальцев только пять.
Пусть то не пальцы, а персты весною,
но рухнет день, и хлынет ночь опять
над славой, как над заводью лесною!

1932

22.

Лишь вечер ляжет в гавань фонарями,
с медведем в сетку ляжет детвора —
служанка, убираясь янтарями,
уходит, как цыганка, со двора.

Минуя псов с поджатыми задами,
свой выстраданный забывая день,
она проходит синими садами,
она плывет, как облако, как тень.

Ее встречает с радостью Премудрость,
Надежда, Вера и Любовь пред ней —
три девушки, три гвоздика, три чуда,
на коих вешается бремя дней.

О сновиденье, не котомку с хлебом —
орлиный пух ты держишь на ремне.
Неси меня, доколь седьмого неба,
любимое, достичь удастся мне!

1934

23. ЦЫГАНКА

Цыганке вечерами у камина
у мирного огня колен не греть.
Ее бессонный табор гонит мимо
ночных селений, в даль закинув плеть.

Глаза ее, туманом налитые,
следят за караваном вешних птиц.
Пята ее в золе и золотые
пустые бусы в жолобе ключиц.

Лишь мертвецу души не зачарует —
не вспенит кровь — ее павлиний ход.
Так плавно, волны озеру даруя,
так облаком проходит пароход.

Цыганка, в берегах земных столетий
тебе один лишь ветер другом был.
О музыка, о сад погибший в цвете,
обуза и бессилье диких крыл!

1935

24.

Хотя-б во сне — увидит цвет весны
тот кто глаза забыл в полях сраженья.
Но ах, какие могут видеть сны
те, коим цвет — пустое выраженье,

природа листьев — просто волокно,
крыло у птицы — вовсе не крылато;
для коих даже синее окно
весною — лишь отверстие куда-то...

Ложатся тихо в воду облака,
от камня круг расходится за кругом.
Твои глаза (пятно из молока)
в воде небесного не видят луга.

Слепорожденный, здесь ты не у дел,
не знаешь ты, как тратят краску розы!
Глаза из алебастра — твой удел.
Но пальцами мои ты видишь слезы.

1936

25. ЖИЗНЬ ФРИДЕРИКИ ФОРСТ

Над гнилью кладбища, над щебнем пустырей,
над сном окраины выкатывалось солнце.
И прачки, выйдя из кривых своих дверей,
пооткрывали лучезарные оконца.
Ночной извозчик понуканьем и вожжой
бодрил свою четвероногую подругу.
Внизу лебедка тарахтела над баржой
и пирамидой серебрился жирный уголь.
Под солнцем колокол рыбачек разбудил:
веселый парус волочил к ним рыбью свору.
Горластый город медленно всходил,
скользя сетьми всходил на гальчатую гору.
В час пробуждения береговых громад
маячные глаза меланхолично тухли.
И почтальон, подвыпивший номад,
уже входил в намыленные кухни,
где цвел кастрюльный строй, и жаждущим на страх
цвели сентенции в стекле и в полотенцах.
Из окон фрейлейн Форст на всех парах
уже летели фортепьянные коленца.

Умывшись и свернув на полинялом темени
наследие былой златой своей красы,
служительница муз, без мужа и без племени,
уселась за свои дисканты и басы.
На трех ногах — кормилец лакированный —
заплакал чернокрылый крокодил.
Под низким ветром садик обворованный
завыл, как если-б вор с ребенком уходил —
прочь, с грузом маленьким, браслетистым и голым,
как тот, кого на олеандровом столе
в альбоме пухлом держат новоселы,
иль дедушки слегка навеселе.

Ружьем сражен, жених фату венчальную
унес, покрыв стеклом свое лицо.
И вот, взамен колечка обручального,
одно салфетное осталось с ней кольцо.
Одна в сочельник, согнутая слушаньем
в развалку скачущих и тренькающих гамм,
самой себе она сервировала кушанья
и молча клался гусь к брусничным берегам.
Как три волхва, три короля, три странника
доверила она свой путь звезде.
И со звездой над елкою осанистой
состарилась в привычной борозде.

Бесшумные учительницы музыки,
легки ли вам железные цветы?
Иль все еще в своих жакетках узеньких
вы нотные шевелите листы?
И вечером вдоль парапета гавани,
где давится своими зернами лабаз,
вы, так и не отведавшие плаваний,
болтаетесь (как в фонарях недужный газ
под утро). С вами ридикюль из лайки,
и вы, — наколочкой тряся на малышей, —
кидаете пригоршни катышей
сверкающим неугомонным чайкам.

1931

26.

Жаждет влаги обугленный бор.
Изогнулись дерев поясницы.
Гробовой беспросветный укор
в кругляках остывающей птицы.

О, в жаровне над жаром оса!
Столкновенье зари с палачами!
Сиротинушка, чьи волоса
только солнце ласкает лучами.

Белый воздух, который висит
поутру над сырым листопадом.
Белый лекарь, который косит,
чтоб с предсмертным не встретиться взглядом...

Что дороже нам: розы иль рожь?
Днем — глаза мы за пазуху прячем.
(Теснота. Ослепление. Ложь.)
Ночь. И что-ж? Мы от зрячести плачем.

1935

27.

Владиславу Ходасевичу

Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне,
как всю зиму блистали в них белые стебли мороза?
Разве видит слепой от рожденья, хотя бы во сне,
как пылая над стеблем весною красуется роза?

Проза в полночь стиху полагает нижайший поклон.
Слезы служат ему, как сапожнику в деле колодка.
На такой высоте замерзает воздушный баллон,
на такой глубине умирает подводная лодка.

Нас сквозь толщу воды не услышат: кричи - не кричи.
Не для зверя рожок, что трубит на осенней ловитве.
Ведь и храм не услышит, как падает тело свечи,
отдававшей по капле себя на съеденье молитве.

1936

28.

Недолговечна полная луна.
Уже, взгляните, месяц на ущербе.
Трещат дрова под краем колуна,
но клок гнезда уже висит на вербе.

Двулики яйца, в хрупкой пелене
лелея солнца и луны начало.
Сто лет назад при этой же луне
дитя огромный колокол качало.

Как знаменщик таскает славный флаг,
так я иллюстрированного тома
столбцы таскаю в памяти. Но как
доставлю их до земляного дома?

Под лилиями мартовской луны
спят ангелы, хоть их и не бывает.
И лишь Мартынов в стане сатаны
про верный выстрел свой не забывает.

Забуду ль как влачил мою кровать
на кручи демон, в тучный драп одетый?
Его привыкли Лермонтовым звать,
но он с другой был, знаю я, планеты.

Пошла я, в узкий ранец мой вложив
того корнета синее сиянье.
И посейчас тот бедный ранец жив,
но ах, взгляни — какое в нем зиянье!

1933

29. ДОРОГА

Спи, тополь, спи — иль наяву
от тли погибнешь здешних мест.
Пока ты веткой в синеву,
червяк твою средину ест.

Как хочешь листья золоти —
в них осени не скроешь ног.
И в стих должна слеза войти,
чтоб он дойти до сердца мог.

Чуть виден путь. Нас водит бес
из ниоткуда в никуда.
Вдали шумит отчизны лес,
гуляет севера вода.

Хоть нынче ритмы у химер,
у нас же битвы на носу —
того монаха например
припомним, что рыдал в лесу.

Была Тамара за стеной,
ее моленье не спасло —
сияло нимбом под луной
воронокудрое чело.

Но побелели что мороз
твои, о ангел, волоса,
когда ты Лермонтова нес
живую душу в небеса.

1936

30.

Найдя мешок нездешнего добра,
мечтатели слоняются в бездельи.
Встречаются каскады серебра
и в самом неотесанном ущельи.

Внизу — концы бездомные журчат,
начало порождается вершиной.
Рождается желтком крыло галчат,
свирель — отверстьем в трубке камышиной.

Вот облако у горного горба
остановилось греть кривую спину...
Спи, Лермонтов! Скрипучая арба
везет тебя могучего в ложбину.

Пятнадцатого каждый год числа
июля, отдавая дань разлуке
с тем, коего обида унесла —
река Дарьял выходит из русла,
гора Машук заламывает руки.

1936

31.

Нас точит время кончиком ножа.
Вблизи итог несложного сложенья.
Щитом ладонь на сердце положа,
мы всходим. Небо. Головокруженье.

Ах, за день сердцу страшно много сил
ступенями сложить необходимо,
чтоб ночью ветр нам волосы носил,
носил... небесного сиянья мимо.

С одышкой мы в этаж взошли восьмой
и вот висим над бездной на балконе.
Но, душенька, остался голос мой
на самом дне, на муравьином лоне.

Оттуда лучше видит он полет.
Куда ему в редеющие сферы?
Не стратосферы дай ему оплот —
святых сестер: любви, надежды, веры!

1936

32. ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ

В полночь в озеро скатили
духи колокол с горы.
Стал звонить он из-под лилий,
потонувший, с той поры.

Горе! колокольный мастер
в горы плоть свою понес.
И жена его в несчастьи
выплакала крынку слез.

Там где Виттиха мышонка
кормит, лешего пасут,
видишь, двое в рубашонках
тащат горести сосуд.

Эти водоросли, слезы,
эти голые птенцы,
в эти горькие морозы
эти дальние концы.

В стужу рубка. Мелким стуком
дровосек счищает снег.
О, внемлите этим звукам —
стонет будто человек.

О, взгляните в глубь покоя,
в дом, упавший в водоем —
в отраженье, в жизнь, из коей
мы живыми — не уйдем!

33.

Так уходят в сумрак поезда,
так в музеях старятся амфоры,
так зимою птицы иногда
разбивают грудь о семафоры.

Жмется жизнь под арками моста:
нищие укутаны газетой.
Счастье для газетного листа —
греть он может спину жизни этой!

Но лишен тетрадный складный лист
этого завидного удела.
Лист мой, понапрасну ты речист:
никому до слов твоих нет дела.

Молоку предписано скисать,
молочаю — соки лить над полем.
Но о смерти зрело написать
может тот лишь, кто смертельно болен.

1936

34. ВОСК

Наталии Борисосовой

Зерно в земле созрело и взошло.
Цветок висит, виясь серьгою длинной.
До круч его дыхание дошло,
а стебель все качается над глиной.

К полудню посетит его пчела
и улетит, забрав с собой пожитки,
чтоб к празднику душа его могла
лить на церковный камень пламень жидкий.

Жужжание осиного гнезда —
несносное бесплодное дрожанье;
зато пчела (звенящая звезда)
имеет золотое содержанье.

Пусть теплый мед клетчатки золотой
дает питанье плоти человека,
чей дух идет к Психее нежной, к той,
которая ведет его от века...

Смола струит вдоль сосен янтари,
и слабость белым облаком летает.
Ах, в этот час гори, свеча, гори —
пусть воск тяжелый твой по капле тает!

1935

35. ТЕНЬ В ХАРЧЕВНЕ

Там где в ведре воздушной шапкой
встает дыханье молока —
вступает топка в дом охапкой,
во тьму — с подсвечником рука.

Свеча вошла, на гроздь обоев,
на гвоздь — свой зыбкий свет лия,
и стало в комнате нас двое:
на стенке тень моя и я.

Сродни нам лестница харчевни,
на буквах — золота налет,
ее окошек контур древний,
ее холста суровый лед.

Нам сладко в кислом доме спится!
Ах, нам бы над ложбиной сей
под крепким солнцем двигать спицы
и хворостиной гнать гусей!

Но тень моя иного хочет,
и для чернильного ведра
пучок гусиных перьев точит
и водит ими до утра.

Привылка тень — о немудреный
дагерротипный аппарат —
являть в одежде похоронной
крупней наш облик троекрат.

Уходит голос в лист бумажный,
линяет волос в силу лет.
Но постоянен наш протяжный,
наш важный черный силуэт.

1936

36.

Напуганы вороньим граем,
от вечной, от конечной тьмы
мы ванькой-встанькой убегаем,
и все на том же месте мы.

Весной над рябью языка
эолова всплывает арфа:
душа, как странный музыкант,
сыта горошинами шарфа.

Но кратче день. Туман окрест.
Природа облако ломает.
И черный зонт, как черный крест,
чиновник к небу поднимает.

1929

37. ЛЕБЕДЬ

Юрию Терапиано

Не всем, о други, черное вязать.
Паук сидит над серой паутиной.
Но я хочу о лебеде сказать,
о белом привидении над тиной.

Как мы с трудом бредем по борозде,
с трудом по суше волочит он брюхо.
Неузнаваем лебедь на воде —
он как Бетховен поднимает ухо.

В стихию отражения, в волну,
врастает он, мгновенно хорошея.
Напоминает грудь его луну,
и сон — его серебряная шея.

Плывет за ним озерная трава
(камыш — свирель, о жертва прободенья!).
Так на заре больная голова
плывет за уходящим сновиденьем.

1936

38.

Во сне верблюды видят водопой,
мы — пальм высоких в небе колыханье.
Как видит сны, кто отроду слепой?
Куда нас занесет пера маханье?

Окутанная сном (по старине),
с душою муза днем играет в прятки.
Но ах, она с крылами на спине;
по их вине торчат у нас лопатки.

Ее родили эллинов холмы,
она в те дни живым питалась медом.
Теперь несем вдоль галльских улиц мы
ее, как воск свечи — за кислородом!

За то-ль, скажи, мы любим свет свечи
(свечу сверканью люстр предпочитаем),
что жертвует собой она в ночи,
когда при ней о правде мы читаем?

1936

39. ЗИМА

Садится снег. Леса молчат.
Седые ветви ближе к логу.
Пошла волчица на дорогу
за недорослью для волчат.

Как медленно течет зима.
Пускай идет на убыль пища —
но стала сладостней и чище
мороженая бузина.

Две ветки выстроили крест,
и он лежит на лунном снеге
как спящий пьяница в телеге,
как памятник нездешних мест.

Выходят волки на большак,
их гонит дым и полыханье.
Но лишь от белого дыханья
у человека шире шаг.

1936

40. ВОДА

Спокоен шаг мой, уминает
он мирный мох, но ждет беды:
древесный шум напоминает
ему далекий гул воды.

Водой омыты все дороги,
вода встречает первый крик,
она как траурные дроги
тому, кто в горе к ней приник.

Пусть в ней служанка моет руки,
когда уходит со двора —
в воде терновник топит муки,
с горой смыкается гора.

Скользит ручей, не ускользает
из муравейного жилья,
все те-же корни лобызает,
все тот-же ствол в нем вижу я.

Ах, он хотел бы удалиться,
чтоб в сердобольном поле течь.
Но зла судьба: со словом слиться
и бессловесно в землю лечь.

1934

41.

Лишь только в глубине уснула рыба,
она всплывает боком на волне.
Так мы в скитаньи (о Сизифа глыба)
еще средь жизни и уже во вне.

От рыб у нас бездушие во взорах;
но трогают нас дети иногда:
не мылись головастики в озерах —
из крана прибывает к ним вода.

Вотще в бассейне, правя плавниками,
они плывут к искусственным кустам.
Под ними — лишь стекла прозрачный камень,
а подлинный янтарь остался там:

там под снегами речка проходила,
стругал березу север на станке,
и девочка две бирюзы водила
под круглым лбом в рябиновом венке.

Любить ли нам иль клясть свою судьбину?
В аквариуме тоже есть песок.
Но снег, береза, бирюза, рябина —
четыре слова бьются в наш висок.

1936

42.

Александру Гингеру

Нас забыли, душа. Мы остались на том пароходе,
грудь которого будет конечно разбита меж льдин.
Льдом он сдавлен, как панцырем рыцарь в крестовом походе,
он в молчаньи, в полярном сияньи, остался один.

Только изредка видит он лапы мохнатого гостя.
Кто на тающей льдине в мантильи танцует кадриль?
О, смятенье медведей, их рев, их разбитые кости,
и последний из трюма угрюмо добытый фитиль.

В час когда пред оркестром, икая, качаются пары,
на краю мирозданья такая волна тишины.
В пустыре не лопух, лишь серебряный пух ваш, гагары.
Льдины — пестрых явлений (павлиньих хвостов) лишены.

Только теплое солнце весною меняет их очерк,
только бремя награды достойно венчает труды,
только вследствие слез на бумаге меняется почерк.
Только холод, душа, прекращает движенье воды.

1936

43.

Поутру пушок на коже,
к вечеру прозрачней плод.
Все устало, солнце тоже,
к осени готовя сот.
Пусть различные в одежды
жизнью вкраплены цвета,
пусть наличная надежды
зелень, ах, уже не та —
синий веер дав мне в руки,
ты ушла обратно в ночь,
но тебе, в том кровь порукой,
муза, я родная дочь.
На чужбинном берегу я
к гробу веер твой несу —
но упрямо берегу я
синюю его красу!

44.

Рассказывает времени кукушка
о том, что наступает поздний час.
Медяшками полна у нищих кружка,
но синевой полна она у нас.

Уже не время стукать каблучками,
но в этот час все средства налицо:
душа ушла в бумагу со значками,
глаза в синячное ушли кольцо.

Нас обошли в раздаче угощений,
но стол покрыт обрезками мечты.
Гулянию средь мертвых насаждений
напрасно, сердце, радуешься ты...

Напрасно ветер веселит нам вежды:
все силы сердца вышли на слова;
они ушли в дырявые надежды —
для жизни нам осталось их едва.

1936

45. ПРЕСС-ПАПЬЕ

Живем мы бреднями, не бденьем,
но шаг наш к цоколю прибит.
Так палисандровым виденьем
олень над письмами стоит.

Стол. Осень. В крепости камина
лежат разбитые дрова.
Мы сохнем. И букеты тмина,
и, ах, оленья голова.

Как руки старика к коленям,
картошка тянется к золе.
И ты застыла: ты оленем,
душа, скитаешься во мгле.

Мелькают ветви кочевые
там, где внедренных веток нет.
И человек втянувший выю
благословил олений след.

Живя полярным подаяньем,
олень в алмазные луга,
как тень, под северным сияньем
несет безлистные рога.

1934

46.

Запели третьи петухи,
сготовил пекарь пропитанье.
Кому нужны мои стихи,
мое бумажное метанье?

Оно уже не ремесло,
оно уже подобно чуду:
взгляните: поднято весло,
и все же мы плывем по пруду.

Но в гипсе детская рука,
но дружба сшита паутиной.
Теки, подземная река,
тебе спокойнее под глиной.

Там синий кладезь тишины,
там корешки стихотворений...
Но только лист средь вышины
свидетельствует о твореньи.

Любая ветка любит свет.
И даже тень твердит об этом:
поближе к свету стань, поэт —
останешься хоть силуэтом.

1936

47.

Путем зерна, вначале еле внятным,
идет к цветенью, к разложенью плод.
Путями сна, как по владеньям ватным,
идем. Наш дом под снегом круглый год.

Он тих снаружи. Барельеф: барашки
у входа веселят его фасад.
Внутри кричит и смирительной рубашке
душа — но рукава идут назад.

Назад куда? Дорогою какою?
В окно к луне. Все отошли ко сну.
Луна растет и длинною рукою
благословляет темную страну.

Душа во-всю старается руками:
ее вконец измаяли лучи.
Но стены вкруг покрыты тюфяками —
по вате полоумная стучит.

А время, лекарь в сахарном халате,
не замечая суеты совсем,
по каждой сверхъестественной палате
проходит — равнодушное ко всем.

1936

БЛИЗНЕЦЫ

---

48. *КРОВЬ И КОСТЬ*

1

В моей природе два начала,
и мать, баюкая меня,
во мне двух близнецов качала:
кость трезвости и кровь огня.

Но кровь и кость, два равных рвенья
вступив с младенчества в борьбу,
отметили мою судьбу
печальным знаком раздвоенья.

2

О музыка, тебя ли слышу
я над собою по утрам?
Ты крест в мою вставляешь крышу —
и дом — не дом уже, а храм!

Всесильная, одна ты можешь
и кровь и кость в себя вобрать.
Ты мне едва-ли жить поможешь,
зато поможешь умирать.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

49. ПЕРО

Судьба дала мне часть крыла —
перо, но я в ином скелете
давным-давно уже была
с крылом на этой-же планете.

Меня ко сну вела звезда,
а утро, над листвой пылая,
выталкивало из гнезда,
когда пернатою была я.

Дубравы сделались лысей,
исчезли древние поверья,
но стая реющих гусей
еще мои носила перья.

И перья дикие неслись
вдаль, над горами и долами…
Потом они спустились вниз,
чтоб шевелиться над столами

певцов, чиновников и дев —
надолго прикрепиться к дому,
и до отказа проскрипев,
все передать перу иному.

Перо (прильнувшее к ребру)
незнатного происхожденья —
златому вечному перу
дает чудесное рожденье.

50. КАМЕЯ

Душа моя отмечена пороком,
но с ней должна итти я до конца.
Она всегда стояла к жизни боком
и видела лишь часть ее лица.

Жизнь полностью рассматривать не смея,
я вижу только профиль бытия.
У матери моей была камея,
такая-ж однобокая как я.

Камея спит, застыв в тугой оправе,
она от всех отвернута лицом.
Но жизнь свою винить она не в праве,
что та ее оправила кольцом.

Кольцо своей чертою золотою
черты камеи украшает, но
уста ее покрыты немотою
и выйти из кольца ей не дано.

51. ВОДОЛАЗ

Родители забыли положить
в дорогу мне стремление к кипенью.
Я медленно, я смирно стала жить,
умея отдаваться только пенью.
О, сердце, над которым голова
неустранимой тяжестью нависла!
Произношу я прежние слова,
но все они полны иного смысла —
он стал отчетлив, как весенний день,
а между тем осенний на пороге:
срывает ветр последних листьев сень,
и листья с хрустом ходят по дороге...
Я плохо вижу то, что в вышине
(высь для меня на глубину похожа),
но подготовлена я к тишине
подводного нетронутого ложа.
Не увлекаясь ни добром, ни злом,
совместно жесткой будучи и хрупкой,
я от всего отделена стеклом
с одной необходимой сердцу трубкой.
Лист осени летит, желтит окно —
полет нередко вызван высыханьем...
В стекле своем спускаюсь я на дно,
с искусственным, как водолаз, дыханьем.
Родители старались положить
в дорогу мне живую волю к бденью.
Но наяву я не пыталась жить,
имея тягу только к сновиденью.

52. СЕСТРЫ БРОНТЭ

О времени не спрашивай счастливых,
несчастным памятники приготовь:
дай мрамору — из золота курсивы
и ангелам дай каменную бровь.

Легко сгорает оболочка тела,
внутри которой угольный костер.
От близких труб деревня закоптела,
но черный крест над ней еще остер.

Эмилия, о дикий сок лаванды,
о лилия, о мертвый соловей!
Таясь от всех, ты уносила в ланды
избыток тщетной гордости твоей.

Живут грехи былого поколенья:
порок детей восходит к их отцам.
Но дух страдания, для окрыленья,
дает перо заклеванным сердцам.

И вот Шарлотта с грузной головою
пером гусиным вскрыла бедный кров,
где три сестры во мгле внимали вою
неумолимых северных ветров.

Перо она на редкость крепко держит:
строенье из неправильных костей
к несчастью, в тесноте своей содержит
притушенный огонь больших страстей.

Скрыв страсти под непрочной оболочкой,
держу и я чернильный край крыла.
Дочь лекаря, я пасторскою дочкой —
одной из Бронтэ — некогда была.

Увы, для нас, в конце как и в начале,
преграда счастью — внутренний наш суд.
Но вдохновенье, знание печали,
и время — неудачников спасут.

53. ЗЕМЛЯ

Невольно ослабляя напряженье
распластанного в воздухе крыла,
подвластна птица силе притяженья,
как в косном этом мире все тела.

Но хрупкий ком, садящийся на кровы,
на разные поющий голоса,
сбирающий крупицы у подковы,
опять уносится под небеса.

И перьями приподнятая птица
без трепета висит на высоте,
откуда человеческие лица
чуть видимы, как гвозди на кресте.

А человек, уставший от полета,
от содроганий вечного пера,
обычно ищет теплого оплота
гораздо ниже горного ребра,

гораздо ближе к чавкающим недрам
гостеприимной низменной земли —
защитницы незыблемой и щедрой,
которой в горе жаждут корабли.

54. КУЗНЕЦ

Лишь кость чиновника сидит
над беспросветными листами,
а кровь его в окно глядит
на осень с красными кустами.

Пусть куст — как пламень за стеклом,
как камень — долг, трудов виновник...
С люстриновым своим крылом
похож на ворона чиновник.

Он гнет над знаками скелет,
без воли, без негодованья,
но кровь его — лелеет след
от прошлого существованья.

Была чернильница пуста,
гусиные летали перья,
и возле зелени листа
гуляли дикость и доверье.

Там, с ярким жаром пред лицом,
он был в нездешнем освещеньи —
он был цыганским кузнецом
в предшествующем воплющеньи.

55. УХО

Судьба, ужель ошиблась ты,
родив меня не музыкантом?
С высоким лбом, с широким бантом
ушла-б я в нотные листы...

Бетховен не был мне отцом,
но даст быть может мне наследство —
к усовершенствованью средство —
глухое ухо пред концом.

Пред смертью тягостно дыша
и чуя над ушами крышу,
ужель тебя я не услышу,
о музыка, моя душа?

56. БАБУШКА

Изъяны предков достаются детям,
и внучка болью бабушки больна.
Любовью звали бабушку, и этим
моя судьба предопределена.

О бабушка, жила ты в желтом доме,
где рукава сходились на спине.
Остался желтый облик твой в альбоме,
а рукава — ты завещала мне.

Как два пути с единым назначеньем,
живут во мне раздельно кровь и кость.
Стремится кровь к тебе своим теченьем,
но кость моя — тебе незваный гость.

Лишь только ночь подходит к изголовью,
два дерева меня на части рвут.
Быть может и меня зовут Любовью,
но я не знаю, как меня зовут.

57. ЗМЕЯ

Скучает осень, влагой к нам стекая,
и думаю, на осень глядя, я:
душа усталых как-бы мастерская,
в которой память — первая швея...

По садику, с оборчатым нарядом,
с зонтом, гуляла бабушка моя.
Уже тогда, шипя греховным ядом,
к ней райская приблизилась змея.

Гудели лесопильные заводы,
не заглушая пенья той змеи,
но не хватало бабушке свободы,
чтоб выявить возможности свои.

Не знаю я ни страсти душ ушедших,
ни бабушкиной фабрики лесной,
но желтое жилище сумасшедших
о ней напоминает мне весной.

Шипением и тусклым блеском ока
томительно судьбу мою двоя,
свернулась в существе моем глубоко
от бабушки приползшая змея.

Пусть плакать не умею я глазами,
пускай люблю любовью неживой,
но голос мой, исполненный слезами,
поет над ядовитой головой.

Любовь, земным рожденная началом,
скрывает свой неукротимый рост:
конец любви сливается с началом —
свой собственный змея кусает хвост.

58. БРАТ И СЕСТРА

Рассветный холодок остер.
Луна бледнее перламутра.
На берегу воды костер
раскладываю я под утро.

Но свой огонь водой туша,
я знамение вырожденья —
слилась горячая душа
во мне с холодной, от рожденья.

Бывает жизнь и житие.
Но житие обычно в ранах.
И мной — земное бытие,
увы, проходится в двух планах.

Две разнородные струи
сплотились под одною кожей:
струя животной жизни и
поток, на облако похожий.

Пожар, сжигающий дворы,
и пена на пустом пароме...
Два лика — брата и сестры —
живут в едином костном доме.

На кровлю падает луна...
Который час — не знаю точно.
Спроси сестру мою — она
отзывчива и непорочна.

Как осень — веткой золотой,
как паутинной сеткой птица,
она живет моей мечтой —
она и жертва в ней и жрица.

А брат мой — долгий взгляд в себя,
и диалог с самим собою,
где настоящее губя,
все прошлое выходит к бою.

О брат мой, о моя сестра!
я жизни придаю значенье,
но жизнь над пламенем костра,
как дым, уходит в отвлеченье.

59. ДВОЙНОЙ ОРЕХ

Идут дожди. Луна на лоне луж
лежит щекой то правою, то левой.
Ты наяву, душа, живешь как муж,
но ты во сне всегда бываешь девой.

Еще во мне твой голос не угас:
должна ты петь и плакать до могилы.
(В живой душе всегда пленяет нас
соединенье слабости и силы.)

Увы, сквозь слой домашнего стекла
тебе давалась света только мнимость.
Пусть в девственных лесах ты не была —
тебя манила их непроходимость.

Там неподвижны змеи, как бревно,
и там-же к дубу ластится лиана.
В таких лесах была давным-давно
и дичью и охотником Диана.

Не ты-ли, как стрела ее, остра,
не ты-ль, как тетива, персту покорна?
Одновременно брат ты и сестра,
душа моя! И жернов ты и зерна.

Тебе в удел дарован звучный глас
и глаз, провиденьем вооруженный.
С одною грудью, с кожей без прикрас —
такую жизнь уже имели жены.

60. КРУГОВОРОТ

Земля от солнца и дождя
являет сонмы превращений,
а ты все та-же, проходя
ряд сложных перевоплощений.
Вначале будучи струей
первичной влаги мирозданья,
зеленой стала ты змеей
в года библейского преданья.
За пищей, травами шурша,
большие корни задевая,
ползла ты жадно, о душа,
холодная и огневая.
Имея каменный устой,
в век камня ты была пещерой.
В кольце арены золотой
стояла ты со львом и с верой.
Сгибались бедные цветы
под гнетом рыцарской подковы.
Там, будучи колдуньей, ты
сжигала кров средневековый.
А романтичные года
отметили твой стан крылатый,
когда, тоскуя иногда,
воздушной девою была ты...
За восковым — стеклянный век
взнесет здоровые строенья,
но даже новый человек
тебя использует — для пенья.

61. ТРУБА

Для неживого жития
я предназначена судьбою:
больших страстей не знаю я,
и счастья не беру я с бою.

Дала мне мать свою губу,
отец мой — трубку слуховую,
дабы любила я трубу
играющую, духовую.

Ночных страстей в тебе уж нет,
ты о дневной не помнишь снеди,
душа, когда закатный свет
на выгнутой играет меди.

Напутствуемая судьбой,
сопровождаемая снами,
соедини мой рот с трубой,
и звук и свет да будут с нами.

СТИХИ О СТИХАХ

62. СТОЛ

Тростник — начало для свирели,
стола начало — срез ствола.
Нас начинают с колыбели,
мы начинаем со стола.

Бывает стол, который просит,
чтоб все садились за него,
и стол другой: он перья носит,
и ввысь уносит — одного.

Перо и капля слезной влаги
сдвигают странный самолет,
и дерево с листом бумаги
летает ночи напролет.

Противницей со мною рядом
ты строго, жизнь моя, живешь.
Ты стол оцениваешь взглядом —
на стол кладешь ты медный грош.

Ты можешь серп согнуть до круга,
рвы перейдет твоя стезя...
Но против пения, подруга,
как против тления — нельзя!

63. СИЯНИЕ

Памяти Раисы Блох

Кто просит нас вникать в глаза слепых,
кто носит нас вокруг глухого слуха?
То — сердце, натыкаясь на столпы,
летает вкруг сияния, как муха.

Сияют лампы письменных столов
(так нам струя сияла бы в пустыне).
Как мало стало путеводных слов,
как мало звездочетов стало ныне!

Быть может есть в исканьи недочет,
быть может есть в сиянии затменье,
и в нас быть может слился звездочет
с купцом, считающим свои каменья.

Но след сияния живуч всегда
(лучи луны сияют и над моргом),
и в нас блестит, как некая руда,
соединенье жалости с восторгом.

64. ПЕПЕЛ

Столовый стол дал сладость пирога,
а письменный дает немало перцу.
Перо мое, как аиста нога,
уже почти совсем прижато к сердцу.
Когда, стопой бумажною шурша,
подходит ночь в чернильном одеяньи,
становится без сил моя душа,
предчувствуя тщету ночных деяний,
тщету письма и слова нищету...
Гудением напоминая муху,
я, кажется, строку даю не ту,
которая нужна чужому уху.
Никто меня не знает наизусть,
не выстроить мне зданья из бумаги...
Слеза меня одолевает — пусть:
и Афродита выросла из влаги.
Как поздно вырастает мудрый зуб,
как трудно безо лба душе бодаться!
Одно из двух: иль ветром взвыть из труб,
иль пеплом удобрению отдаться.

65. ЗВЕЗДА

Вершина переходит в котловину,
и совы ночью родственны орлам.
Мы зрячи и слепы — наполовину,
разумны и безумны — пополам.

Душой мы льнем к земле, как плющ к карнизу.
Как на фигурах карточных колод —
пол-тела кверху и пол-тела книзу:
с трудом дается нам познанья плод.

Замерзло наше яблоко на льдине.
У яблока на коже борозда,
а в сердце что-же? — в самой середине
живая стекловидная звезда.

На скрытую звезду, на это семя,
на сердце бы взглянуть, надев очки...
Но разумом удвоив жизни бремя,
играем мы с бумагой в дурачки.

66. ЛИСТ

Мы знаем лист бездушный для письма
и лист, рожденный деревом деревни.
Они теперь расходятся весьма,
но был меж них звеном папирус древний.

Таинственно явившись из цветных
худых лоскутьев белыми листами,
бумага не забыла о портных,
крививших ноги долгими крестами,

о тряпках, истлевающих в узле,
о вероломной праздничной одежде,
о жалких ожиданиях, о зле,
о несбывающейся здесь надежде...

От книги к жизни строили мы мост,
но виснут сваи в воздухе местами.
Как ящерица, дав нам только хвост,
жизнь скроется под желтыми листами.

И все-ж древесный лист пробьет кору
и вылезет, блистая вешним клеем...
А ты, душа, сгоревши на ветру,
оставишь лист бумажный — мавзолеем.

67. ЛЕКАРСТВО

Скорее на скале созреет нива,
чем бытию с поэзией дружить.
К несчастию, поэзия ревнива —
она почти-что не дает нам жить.

Она сопровождает нас повсюду,
она метлой несет на крутизну,
она, в котле колдуя, тряпок груду —
цветное — превращает в белизну.

Белись, белись на черный день, бумага:
ты мне послужишь в голод молоком.
Но веселя мне голову, о влага,
ты вывернула жизнь мне целиком.

Тебе, необычайному лекарству,
мы страшное значенье придаем.
Царь отдавал за Душеньку пол-царства,
а мы живот за душу отдаем.

68. ПУСТЫНЯ

Ужели в третий раз поет петух,
ужель столь поздний час, вернее ранний?
Еще свечи остаток не потух,
а свет уже вздымается в тумане.

О зыбкий час меж сумраком и днем!
Еще не стары мы, уже не млады.
Еще полуденным горим огнем,
уже вечернему покою рады.

Идя чрез этот свет во тьму из тьмы,
на жертвенность глядящие бесстрастно,
осуждены словами мерить мы
избыток сил, растущих в нас напрасно.

Как жар пустыни, жадные слова
всечасно поедают нашу душу.
Так рыбу, выплеснутую на сушу,
небесная съедает синева.

69. СЛУЖЕНИЕ

Бывали чудеса для рыбарей —
для рыбаков чудес уж не бывает;
и наша память, становясь старей,
о чуде превращений забывает.

Но сыгранная вдоль себя самой,
гармонией нам чудится гребенка.
И каждый цирк в провинции зимой,
конечно, превращает нас в ребенка.

Но ветер проявляется в трубе,
и снег летит, спиралями вращаясь,
и ветви покоряются судьбе,
в серебряные вилки превращаясь.

Так крест встает на крепостном валу,
стволы идут на угольные склады,
и превращающиеся в золу
они не ждут за свой огонь награды.

Цветут духи. Но цвет, уйдя с куста,
обязан превращением заводу.
В железные он должен пасть места,
пройти он должен и огонь и воду...

Поэт дает себя своим стихам,
плясун над бездной зонтиком играет.
Чтоб дать благоухание духам,
живая роза — просто умирает.

70. ЗМЕЙ

А. Г.

Жизнь делается кратче и длиннее,
душа во мне — все та-же и не та.
Да, ничего нет слаще и страшнее,
чем неосуществленная мечта.

К чему своей питаюсь я душою? —
не стану я от снеди той сильней.
Все кончится тоской, такой большою,
что кажется, повешусь я на ней!

Словесный яд — причина сокрушенья:
недаром змей меж райских был дерев...
Но я хочу остаться без движенья,
уже к плоду познанья руку вздев.

Ты не имеешь собственного света,
и собственной я не имею тьмы.
Ты слышишь все, но не даешь ответа —
почти, с тобой, пустое место мы.

Но пустота — предвестница свободы,
преображенье сердца самого,
и знак того, что будущие годы
в нас не разрушат больше ничего!

71. ЯД

Георгию Иванову

Всю суть души мы отдали для пенья.
Для головы похерил тело Кант.
Художник под конец лишился зренья,
и слуха — совершенный музыкант.

К потере сердца — пусть хотя-бы части
(но самой, по несчастию, большой),
пришла и я, у слов своих во власти,
без устали работая душой.

Слова мои ко мне приходят сами,
во сне, когда совсем их не зову.
И я с рассыпанными волосами,
Офелией, большие розы рву.

И так живу я, отроду имея
неизмеримо много сотен лет:
мой яд еще у райского был змея,
и у Орфея — узкий мой скелет.

Не к раю приближаюсь я, а к краю
мне данной жизни, плача и звеня...
От музыки, друзья, я умираю:
вся сердцевина рвется из меня.

1938

72. ОБВИНЕНИЕ

Суд. На скамейке подсудимых
сидят высокие слова.
К ним, с грузом слов необходимых,
моя подходит голова.

Должна сознаться я пред вами,
о, суд: для каждой головы
слова развенчивать словами
задача трудная, увы!

Слова, краснея как живые,
сойдя с преступной вышины,
уже склонили книзу выи,
как-бы в сознании вины.

И точно: я весной и летом
для них сидела взаперти,
от них я сделалась скелетом
и в гору не могу итти.

Они мне вытравили зренье
(бездушность слов известна вам!).
Я предъявляю обвиненье
всеистребляющим словам.

Они как змей, как искуситель,
скользили с моего стола.
Истец и вместе обвинитель,
я назову их корнем зла.

Да, я питала их слезами,
из корня вырос целый ствол,
и что-же? — нынче пред глазами
осенний день, и сад мой гол.

От слез с лица сошла личина,
под ней остался только прах.
Несчастью этому причина
в моих-же собственных словах.

Они виновны в распыленьи
во мне всего, всего, всего.
Я обвиняю их в растленьи
существованья моего.

Даю с присягой показанье:
слова — убийцы дней моих.
Пусть к высшей мере наказанья
достойный суд присудит их.

73. ТИШИНА.

А. Г.

Есть пустота — от вещества свободность...
Материи насущной лишена,
она имеет духа полноводность,
но звук ее теченья — тишина.

В глубокой пустоте плывут планеты.
Дух пустоты сродни земной душе.
Пастух, лелея музыки заветы,
опустошенность ценит в камыше.

Душе немногих дух первоначальный
дарует пониманье пустоты,
и души те немногие печальны,
как в почве погребальные пласты.

Опустошенья сумрачное чувство
сияньем жертвенности заглуши.
Не на пустыне держится искусство,
а на работе страждущей души.

ПОЕДИНОК

74. ТОЛЧОК

Толчок идет издалека:
уже в зерне — начало хлеба.
Уже подземная река
стремится к отраженью неба.

К нам с понедельника грядет
свет будущего воскресенья.
Издалека толчок идет
сердечного землетрясенья.

Чужое для меня плечо
моею двигает рукою.
Издалека идет толчок,
чтоб силой обладать такою.

75. ЛИЦО ЛЮБВИ

Нам так положено от века —
холодными нас не зови,
но любим мы не человека,
а лишь лицо своей любви.

С трудом мы двинулись в дорогу,
она пустынна и нища.
Душа шагает с нами в ногу,
лицо любви в пути ища.

Дает усладу и мученье
нам средь пустыни водоем,
и путеводное значенье
лицу любви мы придаем.

Любовь — пусть без любви в основе...
Но слову это все равно:
как рыбье серебро в улове,
блеснет и упадет оно.

76. МУЗЫКА

В молчании, конечно, нет увечья —
молчащего калекой не зови —
но бедная природа человечья
для пения нуждается в любви.

Любовь — язык до звука сократила,
и звук ввела в запретный мир примет,
и черепа коробку превратила
в огромный музыкальный инструмент.

Не удивляйся, ночь, что облаками
мне кажутся во тьме твои леса,
что облака плывут ко мне клоками —
мне музыка вздымает волоса.

Исходит допотопною тоскою
сознанью неподвластная душа,
спеша одушевить моей рукою
негнущийся конец карандаша.

Лишь музыкой к несчастью я дышала,
могу-ль ее за это я карать?
О музыка, не ты-ль мне жить мешала,
не ты-ли мне поможешь умирать!

77. ПИСЬМО

Машинка сделана из стали,
но я ей говорю: дыши.
Я благодарна Вам, что стали
Вы пищей для ее души.

Я Вам пишу. Я не Татьяна,
и не Онегин, знаю, Вы.
Но нет строенья без изъяна,
и нет без сердца головы.

Тень Ваша ночью предо мною.
Она ведет меня туда,
где под восточною луною
бараньи движутся стада.

Там кажутся волной бараны,
пастух ныряет в их гурьбе.
Там мудрецы врачуют раны,
и боль других берут себе.

Я вижу розовые горы,
лазурь персидской бирюзы,
и перл мерцающий, который
есть воплощение слезы.

Жизнь устрицы — в растворе соли,
цвет устрицы — смиренья цвет.
Но перл, сиянье скрытой боли,
останется на много лет.

Переживет он известь створок,
и фосфор птичьего яйца,
и кости тех, кто так мне дорог,
как этот перл — казне купца.

78. ПОЕЗД

Пей, паровоз! В тебя вливают воду,
тебе кидают черных гор пласты.
И жидкость, вырываясь на свободу,
рождает пар. Им пользуешься ты.

Я не живу, я нахожусь на свете
проездом через собственную жизнь.
Совсем в конце, почти уже в просвете
туннеля, вижу, страсть моя лежит.

Жестокий час! Опасно нарастает
спор поезда во тьме с самим собой.
Когда в туннеле облако растает,
страсть сделается вдруг моей судьбой.

На станции, с непринятым прошеньем,
останется усталый человек.
Жизнь каждая кончается крушеньем:
и было так, и будет так вовек.

79. СУДЬБА

Судьба моя играла с жизнью в кости,
наперекор препятствиям храня
для тайной страсти кровь мою и кости:
судьба со мной, но жизнь — не за меня.

Она причина скрытых сокрушений.
Но как отнять у страсти все права?
Лишь с нею я дойду до возвышений
души моей, и буду я права.

Страсть — часть крыла, того крыла, на коем
слетают к нам и ангел и гроза.
Но шла не с бурей в жизнь я, а с покоем
и с помышленьем, чистым как слеза.

Зато душа, забыв земные узы
и вытянувшись, духом станет вновь:
любовь есть для нее рожденье музык,
и музыка есть для нее любовь.

80. ЖЕМЧУЖИНА

Слезу любви мы сами порождаем —
так устрицею жемчуг порожден.
Слезой мы никого не убеждаем,
но было так с начала всех времен.

Сначала перл лежит в растворе соли,
внутри него песок иль паразит.
Но дав ему нетленный отблеск боли,
нас устрица сияньем поразит.

Душа растет, когда земные руки
напрасно простираются во тьму.
Рост сердца начинается от муки:
лишь слезы научают нас письму.

81. СТОЛЯР

В душе мы два теченья различаем,
душа у нас — чудесный водоем:
она полна, когда мы получаем,
еще полней, когда мы отдаем.

Мы любим тех, которые нас губят,
мы губим тех, которые нас ждут.
Так дровосеки руки леса рубят,
а руки те — им топливо дадут.

Пусть кость моя невелика размером,
но правду я как великан рублю,
и правило я подтвержу примером:
Вы — губите меня, я — Вас люблю.

Бывает счастье даже и в несчастьи:
столяр обрызгал кровью свой верстак,
но он построил крест из главной части
доски своей. Ну что-ж! да будет так.

82. ГРАНИТ

Во мне одной, к несчастью, два лица
(раздвоенность обличий не легка мне):
одно — во вне, как скорлупа яйца,
другое — в глубине, как жила в камне.

Но в камень был заложен динамит,
и силою огня гранит взорвался.
Огонь прошел, но пласт еще дымит —
утес взлетел: как я, он к небу рвался.

Рисунок жил заложен был давно,
и по рисунку раскололся камень...
Не динамит мое вскрывает дно,
а музыки в меня всеченный пламень.

Едва-ли мне удастся Вас забыть —
не потому, что так я Вас любила,
а потому, что удалось Вам быть
огнем, которым душу я рубила.

83. ОДИНОЧЕСТВО

Напрасно жизнь нас утешает снами —
ладони наши наяву пусты.
Лишь жалость впрямь и вплоть должна быть с нами,
все остальное — плод ночной мечты.

Вотще на слово трачу ночь и день я,
никто меня о слове не просил...
Наличье душ — сплошное заблужденье,
нет в нас души, есть только проба сил.

Но нас неверная пленяет битва —
и в бой лечу я, рвенье крыл кляня.
Пусть мертвой матери моей молитва
предохранит от гибели меня.

ПЕСОК

84. ВОСПОМИНАНИЕ

Памяти В. Долина

Все клонится, и все идет ко сну.
Закат лучи и тени удлиняет...
Последнюю и первую весну
во мне рука любви соединяет.

Так много о любви прочла я книг,
что книгою любовь к любви убила,
и всетаки, душа, в последний миг
я вспомню только то, что ты любила:

то было небо с бледной синевой,
вдоль набережной шов травы весенней,
и стук копыт по чистой мостовой
в пустое утро, в утро воскресенья.

То был туман с мерцаньем фонарей,
и тусклых вод текучие траншеи,
и груди чаек, реющих вдоль рей,
и грусть лебедок, вытянувших шеи.

То был наш порт (за соль, за ветер, за
превозмогающий нас вой сирены...).
То были также светлые глаза —
шли мученики с ними на арены.

Пусть три сестры — надежда и любовь
и вера — злом неверия убиты:
все потеряв, мы все находим вновь,
пред тем как лечь для тления под плиты.

85. ТРЕУГОЛЬНИК

Обычно угловат над морем мыс,
кончается углом рисунок лодок,
краеугольна печь рыбачьих мыз,
и треугольны головы селедок.

Глаз маяка, от солнца золотой,
слепит рыбачий глаз, как рыцарь шпагой.
Широкий пляж с янтарной мелкотой
распластан между дюнами и влагой.

Почти забыты мною латыши,
остыла я к воде и к водолазу,
но первый угол здания души
я прислоню к либавскому лабазу.

В окне дитя, схватившись за косяк,
в матроске сине-красной с белым бантом,
висело как живой трехцветный стяг,
воскресным увлекаясь музыкантом.

К несчастью, музыкальный город был
настроен на дождливую погоду,
и чайки, снизив треугольник крыл,
зигзагами предсказывали воду.

Но вдоль квартир, имевших вид змеи,
картонная меня возила лошадь,
а в сквере ноги быстрые мои
сверкали в Треугольника калошах.

Подняв три церкви равной высоты
(о, свод с тремя небесными ногами!),
казался город мирной суеты
треножником, стоящим над снегами.

Морской старик с соленой бородой
тремя зубцами бился там о гавань.
Был треуголен парус над водой,
в которой плотник Петр Великий плавал.

С убийственной длиною шли дожди,
стремительно шел ветер, влагой полный,
и сногсшибательные, как вожди,
шли к берегу трехъярусные волны.

86. ГАВАНЬ

Купаясь в океанской пене,
портовый спуск лишен травы,
но крыты нижние ступени
зеленым илом синевы.

С жезлом — враждебный контрабанде
свет зажигая до зари —
прошел фонарщик. По команде
упали в воду фонари.

Девченку в пепельной рубахе
на дальний буер отнесло.
Приснились ей в последнем страхе
и рваный веер и весло.

В морской часовне гаснут свечи.
В жаровне жарят камбалу.
И раздвигая мерно плечи,
матрос гуляет на балу.

Свирепый ветер кулаками
срывает с палок паруса,
но и сегодня с рыбаками
еще бывают чудеса:

их не пугает гибель лестниц,
канат в клокочущей воде,
и глазки крыс, хвостатых вестниц,
покинувших корабль к беде.

87. ГЛАЗА

1

Один у деда глаз был из стекла.
Живой свой глаз он потерял в турецкой
войне, и внучка длительно могла
кампанией той любоваться в детской.

Смешение селитры и песка
с водой — лежало в дедовой глазнице.
Зарубцевалась рана у виска,
но рваный глаз оставлен был в больнице.

Мы превозносим мужество зрачков,
отдавших все видения отчизне,
от кровеносных внутренних толчков
уже не пробуждающихся к жизни.

Открыли финикийские купцы
в песке стеклянный шарик ненароком,
чтоб русские отцовские отцы
могли нас занимать стеклянным оком.

Из этих глаз не выскользнет слеза:
они тверды как северные соты…
У мудрецов стеклянные глаза:
глядят они в блаженные пустоты.

2

Но был другой — естественный — зрачек,
вкруг коего три жилки голубели,
трех классиков читавший без очек,
и трех сироток знавший с колыбели.

Был глаз, берегший дедушку в туман,
и снеговые обходивший кочки,
соединявший петлю и карман
серебряною речкою цепочки.

Заботливый нерукотворный глаз,
кормивший птицу праздничною булкой,
и капельку ронявший много раз
над гладкой музыкальною шкатулкой.

Была под ним румяная щека.
И светлый глаз у впадины зловещей
старательно, как глаз часовщика,
рассматривал явления и вещи.

88. ЛИСТЬЯ

Мне снился сон. Нам к счастью снятся сны.
Во сне без трости ходит и безглазый.
Он днем во тьме, но сны его ясны,
как фонари в которых водолазы.

Явился мне осенний день во сне.
Он догорал, как юноша в чахотке.
Цвета его готовились к весне,
но смерть уже была в его походке.

Внизу, сияя, двигалась река.
Широкий луг спускался к ней полого,
и с дерева, дрожавшего слегка,
слетало в воду желтых листьев много.

Все было просто, будто наяву.
Белье отца висело на веревке,
и капельку, стекавшую в траву,
усердно пили божии коровки.

Но сам отец навек ушел в песок,
не ощутив минуты погруженья,
оставив нам высокий свой висок,
страсть к странствию, и к „Ниве“ приложенья.

Внизу текла в сиянии река.
Погост, с холма, спускался к ней полого.
Закат заметно красил облака,
и было в дерне желтых листьев много.

Четыре шишки рдели на сосне —
из них случайно крест образовался.
Отца с тех пор я видела во сне —
но мой отец уже не разувался:

шесть лет он держит кости в башмаках.
Уже не ходят школьники к нам в гости.
И мы уже не виснем в гамаках,
давно не увеличиваясь в росте.

Летите, листья! Вам пора лететь.
Ваш золотой уход мы почитаем.
И мы уйдем — лишь стоит захотеть.
Но всетаки мы жить предпочитаем.

1939

89. ГОРЛО

Серебряное горло соловья
для пенья предназначила природа,
но горло из металла знаю я —
к несчастию, совсем иного рода.
Искусственному горлу подражать
не пробуйте: оно страшней кинжала.
Ах, с этим горлом надобно лежать!
Так, умирая, мать моя лежала.
В украшенном рельефным кораблем,
загроможденном маленьком покое,
в покое, не встречающем рублем,
оставили врачи ее в покое.
Над плотью сотворенной из ребра,
склонился ангел, видевший наверно,
как в крошечный канал из серебра
вливался холод — медленно, но верно.
В саду взметнулся поздний лист древес,
и люди с непокрытой головою,
под ранним снегом реявшим с небес,
пошли провинциальной мостовою...

90. СОФИЯ

Любовь убита, Вера высока,
ушла Надежда к молодости в гости,
но может быть целебная рука
их матери — мои расправит кости.
Я потеряла собственную мать,
когда еще была четвероногой.
Меня София звезды понимать
учила над вечернею дорогой.

В прах, где родители мои легли,
и я, быть может, с мачехою лягу...
На берегу темнели корабли.
Она дала перо мне и бумагу.
Гусиное схватила я перо,
его — железной жизнью очинила.
Перо мое — не зло и не добро,
оно — мой дух, опущенный в чернила.

София, у оконного стекла,
моей чернильной двигала рукою:
я падчерицей смирною была,
но по ночам встречалась я с тоскою.
Тянулись тучи. Шел военный год.
В садах лениво наливалась слива.
Еще я помню звездный небосвод,
гулянье вдоль балтийского залива...
Там трех сестер встречала в детстве я,
с их матерью и ныне я знакома.
Но будет-ли, на грани бытия,
мне легче с нею смертная истома?

91. АННА

Не верь тому, что тайной связи нет
у имени с душою. В день туманный
явилась я на белый этот свет
с душой настроенной на имя Анны.

В сентябрьский день, на севере, в порту
рожден был мир мой, слову посвященный.
Свой первый слог прочла я на борту
рыбачьей барки, солнцем освещенной.

Движенье твердой северной волны
давало мне начальные уроки,
и стала я средь ночи вдоль стены
писать наощупь грамотные строки.

И так легко казалось мне писать,
как за субботой встретить воскресенье,
как золоту деревьев повисать
над стынущим стеклом воды осенней.

Взволнована словесным рождеством,
я писчий лист слезою оросила,
но книга жалоб стала торжеством
моим и неотъемлемою силой.

Вокруг себя не видя ни души,
чтоб утолить мой голод без предела,
взяла я пенье пищей для души
и долгий сон — питанием для тела.

Парение, высокий дар богов,
соединив с настойчивостью нрава,
полет — с невозмутимостью мозгов,
на листик лавра я имею право.

Куда-б ни шла средь золотого дня,
к победе я иль даже к пораженью,
я благодарна тем, кто для меня
явился побудителем к движенью.

Я благ любви другим не в силах дать
(я знаю, не к лицу мне воркованье),
но я хотела-б дать им благодать,
чтоб оправдать свое существованье.

Незыблемо старание сие,
но благодать — незваный гость и странный...
И кажется, чрез это бытие
я пронесу напрасно душу Анны.

92. ПЕСОК

Бьет к берегу соленая вода.
Так, не привыкшая к сосредоточью
мысль — рвется днем к отчизне не всегда,
но с чувством возвращается к ней ночью.

Закончен день. К тебе, балтийский край,
я с трепетом средь ночи обращаюсь.
Конечно, и с тобою жизнь не рай,
но я не в гости: я — с тобой прощаюсь.

Есть порт, где водоросль о гавань бьет,
где соль разъела камни как проказа,
где маяки картину темных вод
рассматривают в два огромных глаза.

Над дюнами той ветреной земли,
где пресная роса казалась странной,
Анютины глаза весной росли.
Там рождена, там названа я Анной.

Я знаю, Анна значит благодать,
я помню якорь на морском солдате...
Но что могу я отчей почве дать? —
лишь слово *помню* вместо благодати.

Летала с криком птица над водой,
и пароход в туман вдвигался с криком,
и слышен был крик девочки худой,
родившейся с почти-что мертвым ликом.

Но сберегли создание сие
ток молока, картофельное поле,
сосновых игл сухое бытие
и животворный запах волн и воли.

Над солью волн шли пресные дожди,
за рыбою шел парус, ветром полный,
и важные, седые как вожди,
над мелкими — девятые шли волны.

Лежал вдоль дюн, где высились пески,
погост с сухой сосновою рукою,
и три наречья уличной доски
вели живых к песчаному покою.

О, где-б в могилу, твердо как доска,
я ни легла от хворости иль горя —
поставьте памятник, хоть из песка,
на берегу, мне родственного, моря.

ГОРЫ И ДОЛЫ

93. ГОРЫ

Действительно природа хороша.
Что может быть для нас ее целебней?
Достаточно-уставшая душа
нуждается в сияньи снежных гребней.

Тяжелая и черная земля
уверенно питает поколенья,
а я, чужой дорогою пыля,
дошла почти до белого каленья.

Слезами сердца плачет голова,
не находя сомнениям ответа,
и повторяя бедные слова
о смежности страдания и света.

О, гордая вершина Эльборус,
о, Лермонтова вечная вершина!
Но прежде чем туда я доберусь,
отмерят здесь земли мне три аршина.

94. БОЛОТО

Трясиною (пучиной земляной,
дна коей обозреть не в силах смертный)
зияет мнимость суши предо мной
и привлекает сладостью посмертной.

Когда-то был над пустошью той лес,
шумевший ненасытными листами.
И до сих пор брожение древес
былого леса — видно в ней местами.

Но дни болота днесь уже не те:
ему от собственного гнета душно,
и гладь его повисла в пустоте,
в пустое небо глядя равнодушно.

Ступать на зыбь, душа, тебе нельзя:
тебя всосет ее непостоянство.
Лишь лунный луч, над тлением скользя,
одолевает гиблое пространство.

Лежит оно — подобное судьбе.
Ему ни зверь, ни человек не верит,
оно не верит самому себе —
одна луна длину его измерит.

95. ЛУНА

С земли Вы круглым кажетесь подносом,
иль плоско сплюснутым лицом, луна,
но знаем мы — гора Вам служит носом,
глазницами — две пропасти без дна.

Не спрашивая в будке разрешенья,
Вы входите зимой в закрытый сад.
Сад обнажен (о, листьев разрушенье!),
но каждый куст от инея усат...

Бесполое безногое созданье,
Вы ходите сияньем по песку.
Явившись на любовное свиданье,
мы открываем Вам свою тоску.

Вы каждый месяц таете, как дева,
и вновь, как воин, Вы — на высоте.
И согнутый направо иль налево
Ваш серп нас провожает в темноте.

96. СНЕГ

Ветер бьет на чердаке дверьми,
горбя спину бродит кот увечный.
Люди в поле сделались зверьми,
звери в доме стали человечны.

Необычные для здешних мест,
на морозе бодрствуют солдаты.
В снежных розах спит ажурный крест,
нет на нем ни имени, ни даты.

Снег летит на старый пьедестал.
У деревни утром облик древний.
Если-б этот снег не перестал,
стали бы сугробами деревни.

Снег мостом спускается на рвы,
на ветвях лежит он облаками,
звездами — вкруг нашей головы:
звезды те мы трогаем руками.

Ночью месяц вносит серебро
в глубь домов, во все концы селенья.
А в углах домашнее добро
уж готово для переселенья.

1942

97. КОСТИ

Все дождь и дождь... Дождливою зимою
мой день подобен дыму из трубы.
Под зонтиками с капельной каймою
прохожие как черные грибы.

Шагая меж бульварными стволами,
вдоль скользких современных колесниц,
городовые черными крылами
издалека напоминают птиц.

От улиц отделенная стеною,
я состою из грусти и костей.
Мне скучен южный дождь с его длиною,
но с севера я жажду новостей.

Там в твердом виде носят в ведрах воду,
под твердым лбом взирает бирюза,
луна сквозь вьюгу смотрит на природу,
и даже снег имеет там глаза

(ни разу не бывающая дома,
недвижимо стоит среди двора
с метлою баба снежная в три кома —
два глаза ей всадила детвора).

На гнутых брусьях движется телега.
И дед, имея деревянный вид,
под Рождество, чрез океаны снега
до ельника добраться норовит.

О, ель с многоугольным гардеробом,
я не забыла роль твоих ветвей...
Все также-ль устилаешь перед гробом
дорогу ты на родине моей?

Одновременно страшен мне и жалок
колючий угол срезанной хвои...
Быть может там, под каркание галок
по ней проедут косточки мои.

98. СТРЕЛОК

В горах я. Посудите сами,
какой здесь может быть зимой
закат над синими лесами,
подножья коих крыты тьмой.

Одна звезда висит над лесом,
другая просто над горой,
и облако длиной и весом
подобно острову порой.

И я не та. Все дело в снеге:
преображает он места.
И лес плывет ко мне в телеге,
поставленной на два шеста.

А выше — воздух без предела
разносит колокольный звон,
из косточек людского тела
вытягивая душу вон.

Душа не с ним, она не с нами,
она, увы, не знаю где,
она, себя наполнив снами,
быть может — наяву — нигде.

Давным-давно, еще в Париже,
ей снился шедший на ночлег
стрелок, а рядом с ним и ниже,
и выше — ровно шедший снег,

и черной жести крест ажурный
на перекрестке трех дорог,
и голубой солдат дежурный,
взирающий на лунный рог.

Луна в больших горах зимою
светла, и снег не страшен ей:
огни, оправленные тьмою,
обычно кажутся ясней.

99. ТЕЛЕГА

Дана слепая сила мне:
предчувствий у меня немало.
Я часто видела во сне
места, где я потом бывала.

О, черепичное село,
овеянное верхним ветром,
что черепахой залегло
под солнцем на пригорке светлом...

Там старость ходит за водой.
Как полукруг (с орлиным носом,
со жбаном, с жесткой бородой)
стоит старуха пред насосом.

Она живет в тени сто лет,
потом, как снег весной, уходит,
оставив на погосте след,
куда в Покров ребенка водят.

Как пни, глаза его круглы.
Не балует он нас словами...
Везут коровы, не волы,
телегу с гробом и с дровами,

минуя рыхлые мосты,
сырую с бакалеей лавку,
где допотопные цветы,
насаженные на булавку,

и куль, вмещающий зерно,
на горестном полу из глины...
С таким мешком давным-давно
влезала я в тот поезд длинный,

который вез через поля,
через леса — холстины с хлебом...
Была зима. Пургой пыля,
земля моя сливалась с небом.

100. НА ВОКЗАЛЕ

Блестит у горного подножья
под зимним солнцем городок.
Нам шлет разлуку воля божья
иль просто — поезда гудок.

Вокзал. Насосы и солома.
Морозный воздух и навоз.
Дитя, похожее на гнома,
рассматривает паровоз.

Натертые ночным морозом
блестят железные пути.
Но липнет солнце к снежным розам,
и время им в слезах уйти.

Те слезы с крыш текут гурьбою.
В слезах ОНА стоит в окне.
С сухим платочком пред собою
ОН — на дорожном полотне.

Качается платок разлуки.
Она — сама как полотно.
Ее покинутые руки
вытягиваются в окно.

Ей поезд паром угрожает,
уже издав свои свистки.
Она надежду провожает
движеньем сердца и руки.

Пар разворачивает петли,
и поезд выгнулся в дугу...
Не бойся, поезд мой, не медли:
ты выпрямишься на бегу!

101. ОСЕННИЙ ЛИСТ

Имеет золота удельный вес
день ранней осени: сияньем неба,
листвой, воспламеняющею лес,
тяжелым медом и обильем хлеба.

Насущный сок земле стараясь дать,
ночные ливни падают в долины,
но шлет за ними в поле благодать
осенний день, сверкающий и длинный.

Щадите блеск осеннего листа —
строения из сухости и света.
Он плод распада: плоть его пуста,
но смерть ее — сиянием одета.

102. КЛЕН

Вода в осеннем озере застыла.
Лежит она средь круглых берегов.
Природа отражается в ней с тыла,
и спереди, и сверху, и с боков.
Да, осень. Небо, с проседью местами,
лежит над нами всюду и нигде.
Клен, выведенный крупными листами,
вниз головою держится в воде...
Все это я уж видела однажды:
и сжатый хлеб, и вытянутый лен,
и зной, и высыхающий от жажды
над северной водой склоненный клен.
Весь ствол его с высокими суками,
с листом, с дуплом и с гнездами ворон,
с ладонями в коре и с кулаками —
бесхитростной водою повторен.
Но каждый лист, став трепетней и суше
(вися на ножке, точно на гвозде),
подобен стал, на влаге и на суше,
пятиконечной золотой звезде.

103. ПРИРОДА

На листьях осеннего цвета
блеск месяца сосредоточен.
Совместно из тени и света
слагается живопись ночи.

Ночь. Кошка гуляет вдоль крыши
поросшего мохом сарая,
а прямо над кошкой и выше
сияет вместилище рая.

Направо зияние, вроде
могильной дыры, а налево
спокойно блестят в огороде
плоды допотопного древа.

Луна... с дикой тягой к томленью,
проявленной воем собаки,
и рознь между страстью и ленью,
встречающая нас во мраке.

Как лебедь за сладостью хлеба,
как львица за гривою львиной,
луны половина вкруг неба
скользит за другой половиной.

Так, воздух пронзив бороздою,
меняя земли выраженье,
луна ворожит над водою,
даря ей огня отраженье.

Земля, воздух, пламя и воды
владеют и днесь мирозданьем.
К несчастью, стихии природы,
я к вам подошла с опозданьем!

104. АЗБУКА

Аз, буки, веди... Азбука, веди
нас к духу мудрости единым духом.
Мы поравнялись с тем, что впереди,
и возмужали зрением и слухом.

Аз, буки, веди... Аз — не просто я:
оно — лицом мне кажется высоким,
уже познавшим цену бытия,
впивающим целительные соки.

Аз, буки... Буки: вижу древо бук —
стоит оно зеленым чародеем.
Но золотом оно седеет вдруг,
а мы — всего лишь серебром седеем.

Аз, буки, веди... Ведать значит знать.
Я знаю лишь, что ничего не знаю.
Должна Сократа истину признать
я праведной и приводящей к раю.

Аз, буки, веди... Далее — глагол.
Готовность начинается глаголом.
И человек — покорен, прям и гол —
стоит пред ним, как конь перед монголом.

Четыре знака. Пятый знак — добро.
К нему мы шагом движемся, не бегом.
Вдали оно, как горное ребро,
блестит, для нас недостижимым, снегом.

105. СОСНЫ

Начало дня душа проводит в книгах,
свинцовый почерк разума любя.
В тяжелом переплете, как в веригах,
сидит, не видя жизни вкруг себя.

Но вот, рванув окно, к ней входит ветер.
Она, взлетая, треплется как лист.
Зрачек еще природы не заметил,
но чувствует уже, как воздух чист.

И час девятый все-же наступает.
О, девять музык! О, девятый вал!
Душа к просмотру жизни приступает:
второй за ней остался перевал.

Уже дорожный воздух ей несносен.
Покинув возле дома свой баул,
лежит она у ног высоких сосен
и собственной лишь крови слышит гул.

Лежит она и зрит ее теченье,
уже не в силах выровняться вновь,
отдав любовь другим на попеченье,
словами заговаривая кровь.

106. НАДЕЖДА

Круговращенье крови и воды
известно всем: наш лоб врастает в тучи.
Мы ценим и ученые труды,
и чистых мучеников дух могучий.

Мы плохо знаем веру и любовь,
зато вполне знакомы мы с надеждой.
У самоеда леденеет кровь,
но жиром смазана его одежда

с надеждою на то, что теплота
останется внутри звериной кожи.
С надеждой — даже линии листа
для нас на излучения похожи.

Источник света так, увы, далек,
что параллельны эти излученья,
но легшая страницы поперек
надежда — совершает превращенье.

И взятые не врозь, а сообща,
лучи дают единый веер света,
и та душа, что здесь была нища,
с надеждою предстанет для ответа.

107. В ПУТИ

Открылся ящик радио в глуши:
над нами волны музыки повисли.
О музыка, „дыхание души,
что тоньше слова и нежнее мысли“!

Звук музыки и свет немой луны
сливаются для нас в причину грусти.
Так ширится поток речной волны,
встречая вал соленой влаги в устьи.

Так рельсам, при луне и при звездах,
немыслимыми кажутся крушенья,
но люди едущие в поездах
друг другу каются в своих грешеньях.

Питаемы струею чуждых слез,
в своем пути чужих мы утешаем,
но музыкой, но стуканьем колес,
но равнодушьем — близких разрушаем.

108. РАКОВИНА

Вадиму Андрееву

За годом год ступеньку не одну,
вздымаясь, отнимаем мы у века,
и все-ж не в вышину а в глубину
прыжок — есть назначенье человека.

Лишь непрестанно думая о дне
всеобщего духовного слиянья,
на низшей, на подводной глубине
он видит перлы высшего сиянья.

Сияет перл меж двух кривых частей
глубоководной раковины южной.
Составленный из сердца и костей,
ее изучит человек недужный:

застыла в виде извести она,
хранит она гудение пучины,
и пустотой насыщенной полна,
как череп музыканта пред кончиной.

109. ЯЩИК

Когда письмо нам говорит о смерти,
оно одето в черную кайму:
лежит печать печали на конверте,
но этот траур в общем ни к чему.
Смерть и без нас управится с делами —
не душам это дело понимать...
Душа, с живыми странствуя телами,
должна надежды якорь поднимать.
Исходят паром трубы парохода,
парит над чемоданами судьба.
Мы, кажется, живучая порода,
но наш багаж содержит и гроба.
Уже вздымают ящик тот из трюма:
на дно идет он, лес еще любя...
Не думайте, не думайте, не думай,
что будет день такой и для тебя!

110. ТРУБАЧ

Она спускается вдоль дома,
ее материя груба,
но нам с младенчества знакома
гремящая дождем труба.

Глаза мои, глядите выше
в этаж где нет уже ключей:
приставлены к зияньям крыши
немые трубы — для печей.

А вот трубач на службу едет
с уже раскрытою губой,
с обычно сделанной из меди
особо-выгнутой трубой.

Даны ему земное ухо
и губы бренные, дабы
он мог итти дорогой духа
посредством духовой трубы.

1946

111. ТРУБЫ

Незримая струя подземных вод
проходит без труда на каждом месте.
Дыхания труба и пищевод —
о две трубы, играющие вместе!

Чем грубая плотней и горячей,
тем призрачнее и слабей другая.
Она поет в сиянии лучей,
себя уже с трудом превозмогая.

Нам не уйти от нашего лица,
нам не уйти от „быть самим собою".
Нет, музыка, до самого конца
придется нам пребыть — труба с губою.

112. РЫЦАРЬ

Издалека течет вода.
Исток ее на чистом кряже,
и все-же воду иногда,
увы, я уличаю в краже.

Она несет с плота белье,
срывает с насыпи полено...
Но бедный рыцарь пьет ее,
склонившись на одно колено.

Скользит по ней его губа,
уже он весь на водном лоне.
За ним крестовая борьба,
и выспренность в его поклоне.

В воде — разбитая звезда,
прообраз всех его крушений.
Но рыцарь видит сквозь года
лучи иных соотношений.

Иных лучей, иных речей
он слышит вышнее теченье,
и тушит лампу в сто свечей
в знак низкой жизни пресеченья.

113. ЛИЛИТ

Идя вкруг солнца, шар земли
влачит от века конус тени.
Еще мы здесь, в земной пыли,
но в тень уйдем от всех смятений.

Есть между тьмой и светом час,
неустранимый час рассвета,
где плотно облегает нас
соединенье тьмы и света.

Нам некий лекарь говорил,
что час опасный для больного
есть час смещения светил —
луны и солнца, сна и слова.

Вооруженная копьем
ночного полубессознанья,
Лилит под утро жадно пьет
людей последнее дыханье.

Лилит не любит праха, ей
нужна душа мужей, не тело.
Уничтожение страстей —
ее единственное дело.

Задунув пламя и убив
яйцо животного и злака,
ни разу в мире не любив —
она плывет как море мрака.

Есть между тьмой и светом час,
невыносимый час рассвета,
когда наш сон лежит вкруг нас,
как смерть — предвосхищенье света.

114. СИРЕНА

В. Корвин-Пиотровскому

Старались мы сказать на сей земле
о жажде и ее неутоленьи,
о крике скорби, рвущем нас во мгле,
и остановленном в своем стремленьи.

Но нам навстречу тянется в тиши
влекущий нас, призывный и прощальный,
крик парохода, крик его души,
уже плывущей в сумрак изначальный.

Вбираемый нутром и головой,
просачивающийся даже в ноги,
сей выспренний и допотопный вой —
слияние покоя и тревоги.

Во мглу и в ночь уходит пароход.
Но стон сирены как-бы замер в оном.
Так рыцари в крестовый шли поход,
напутствуемые церковным звоном.

И мы, душа моя, вот так, точь в точь,
утратив до конца остаток спеси,
уйдем — вдвигаясь неотступно в ночь,
не много взяв и ничего не взвесив.

Сирена ждет нас на конце земли,
и знаю я — томленье в ней какое:
ей хочется и чтоб за нею шли,
и чтоб ее оставили в покое...

Так воет пароход, и воет тьма.
Противодействовать такому вою
не в силах я. Я может быть сама
в трубе такого парохода вою.

115. ЛОШАДЬ

Мы ночью слышим голоса
и явно видим все что было.
К нам каждой ночью в три часа
приходит белая кобыла.

Не в силах ига превозмочь,
безвольно но неутомимо,
живая лошадь, в три точь в точь,
как призрак проезжает мимо.

Ее железная стопа
покорно цокает о камень.
Она не спит, она слепа:
глаза ей выел некий пламень.

За ней цилиндры молока
качаются в пустых бульварах.
Луна взирает свысока,
не беспокоясь о товарах.

Фургон подобно кораблю
колышется на двух колесах.
Не знаю, сплю я иль не сплю —
я забываю о вопросах,

о всех запросах бытия,
о днях грядущих и прошедших...
Мне кажется тогда, что я
окончусь в доме сумасшедших.

116. ПТИЦА

Локомотив, стремящийся в столицу
от черных волн, от крымских рыбарей,
встречает на пути железном птицу
с глазами станционных фонарей.

Она (как все пернатые творенья)
во сне стоит, скрыв два своих крыла,
имея крыши вместо оперенья,
и вдоль одной — название Орла.

Орел обычно точка на вершине,
и точка — этот город на холме.
Блестит зерно на мельничной машине:
Орел — готовит свежий корм к зиме.

Пусть русских зерен золотая жила
сиянием струится к птице той:
она немало силы положила,
чтоб заслужить подарок золотой.

Куски Орла взлетели ввысь, пылая,
стал каждый дом яичной скорлупой...
Когда-то в этом городе была я,
в голодный год поехав за крупой.

Стоит, как прежде, птица над рекою.
К воде она недаром подошла:
доносит к Волге длинною рукою
Ока — большую воду от Орла.

И та вода идет до Сталинграда
(есть в мире справедливость иногда) —
так льется с ветки к корню, как награда,
дождь — почве возвращенная вода.

1944

117.

Так сердцем движимый скелет
еще стоит, сидит и ходит,
и даже петь про этот свет
в себе стремление находит.
С грехами многими в борьбе,
послушна внутреннему сдвигу,
словами о самой себе
заполнила я эту книгу.
Пусть личное в себе любя
мы тщетно беспокоим лиру —
мы все проходим чрез себя,
чтоб постепенно выйти к миру.

СОЛЬ

118.

Когда-б ко мне вы приходили в гости,
читатели (все странное любя) —
Вы видели-бы кожу лишь да кости
и душу, скрученную вкруг себя.

В такой душе, обычно, много соли.
Никто меня о соли не просил —
но я огромным напряженьем воли
вложу в слова всю соль сердечных сил.

Кто тщетно ищет — не беднее
того, быть может, кто нашел.

Каролина Павлова

I

119. РЫБА

Судьба дала мне снов с излишком
и сердца учащенный бой,
но к сожалению я слишком
упорно занята собой.

Душа во мне от слез сырая:
мне дождь осенний нипочем.
Несу, от боли замирая,
куль соли за своим плечом.

Я лью живой раствор в сухие
слова и знаю для чего:
нужна соленая стихия
для продвиженья моего.

С колючей костью в узком теле
и с удлиненной головой —
похожа я и в самом деле
на гостя хляби вековой.

Есть многое во мне от общих,
от первых наших предков — рыб.
Слова мои и чувства, в общем,
как рыбьи позвонки остры.

Пусть нет для жажды утоленья —
в соленое погружена —
не ледяной струей мышленья,
а сердцем — я дойду до дна.

120. КОСТЬ

Я укололась рыбьей костью,
когда мне было восемь лет,
и вскоре увидала гостью,
мрачней которой в мире нет.

Неся мне страх двойной потери
— души и тела заодно —
она вошла ко мне не в двери,
и даже не через окно.

Нет, чрез уколотую руку,
тугую, толстую как ствол,
давая ей такую муку,
как дровосеку гнезда пчел...

Так, в забытьи, во сне бессонном,
боролся мой оглохший лоб
с жестоким ядовитым звоном,
почти его вогнавшим в гроб.

Зато, когда в жару дрожала
я в восемь лет (иль девять зим)
узнала я иного жала
жар... Этот огнь неугасим.

Не танцовала никогда я
на ученическом балу:
я с внутренним огнем, худая,
сидела, в мае, на молу.

Сырое солнце целовало
ртуть рыб в баркасе с черным дном
и глянец моего овала
(оставив крапины на нем).

Горел закат на каждом крове,
и яд стиха проник в меня...
Чудесным зараженьем крови
и до сих пор страдаю я.

121. УЗЕЛ

На ярмарке в ушах цыганки вещей
загадочно качается кольцо:
имеется почти у каждой вещи
лицо для всех и тайное лицо.

В расщелине арбуза или дыни
видны нередко слоя два иль три:
то что снаружи кажется твердыней,
пленяет нежной мякотью внутри.

Но нелегко в цветение пуститься
растению над глиняным горшком.
Не каждый цвет умеет распуститься:
иной цветок закручен, точно ком.

В обыкновенном зданьи из бетона
куст чайных роз закрыл одно окно.
Ужель той розе в качестве бутона
родиться и увянуть суждено?

122. КОЛЕСО

Грохочет гром... Но желтою слезой
блистает мед в коробочках из воска.
Желая ознакомиться с грозой,
навстречу грому катится повозка.

Возок — из многих состоит частей:
оглобли, кузов, ось, колеса, доски.
А человек — из крови и костей,
из помыслов возвышенных и плоских.

Летит назад дороги полоса
под круглыми ногами колесницы.
Неправда-ли, основа колеса —
окружность, сдерживающая спицы?

Жизнь, вдохновение и мастерство
охвачены одним железным кругом,
чтоб трепетало наше существо,
чтоб мы умели говорить друг с другом.

123. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Георгию Раевскому

Язык телесный, ты - для огорода,
где сладок вкус и меда и стручка.
Но потрудись за тех, кого природа
духовного лишила языка.

Давай поговорим с тобою просто
за тех, кто не находит слов прямых,
за тех, в ком мысли маленького роста —
за жен косноязычных и немых.

Жена построит шаткие устои,
извилины ума в себе любя.
Ей нужно чувство: самое простое —
освобожденье от самой себя.

Такая сила ей необходима,
чтоб о земных препятствиях забыть,
чтоб быть тропой в тайге непроходимой,
чтоб быть в ударе... чтобы просто — быть!

124. ГРОЗА

Блистательно вздымает месяц новый
над городом свой одинокий рог.
Залогом счастья, в образе подковы,
лежит он на скрещеньи двух дорог.

Одна — полна небесного влиянья,
таит другая — груз земных страстей.
Но есть в кресте дорог квадрат слиянья,
и зрелище грозы из двух частей.

Гроза и страсть явления природы,
без коих воздух жизни слишком тих.
Но нам в грозу нужны громоотводы,
чтоб молния могла вонзаться в них.

Жена слаба: едва-ль она забудет,
что вышла из Адамова ребра...
Но пусть в грозу всегда со мною будет
стальной отвод чернильного пера.

Высоким острием души приемлю
неотразимый и нежданный дар.
Но усмиренно удалится в землю,
пройдя по стержню, грозовой удар.

125. СКАЛА

Тот знает, кто во тьме себя искал,
что не всегда смеются зубоскалы,
что слезы в пьяный капают бокал,
что над собою плачут даже скалы...

Где пахарь, и стрелок, и рыболов
приподнимают шляпы с петушками,
там гребни горных сахарных голов
стоят под сахарными облаками.

Там реет петушиное перо
над войлоком тульи и над забором,
и ветровое горное ребро
спускается невозмутимым бором.

Должна еще одно сказать я вам:
там есть необычайные утесы...
Край шляпы прижимая к головам,
на край скалы глядят каменотесы.

Не на вершину в мире тишины,
где снег, как серебро, средь камня вкраплен,
а ниже — на отвес глухой стены —
той, из которой выступают капли...

Ту влагу твердокаменных пород
не сушат даже горные морозы.
Взгляните: из скалы — из года в год —
сочатся человеческие слезы.

Известно-ль вам, что сладостную соль
родит сама в себе порода эта?
Что настоящая пронзает боль
и вымышленную любовь поэта.

126. РАЗДВОЕНИЕ

Не видя караваев хлеба,
из войлока создав диван,
под снежной пеленою неба
ведя собачий караван,
разбуженная тишиною,
связав со снегом жизнь свою
не самоедкой-ли смешною
я перед вами предстою?

В одной из жизней самоедкой
я, без сомнения, была:
саму себя душою едкой
люблю я разъедать до тла...

Сплетутся мысли пауками
(опутать сердце разум рад!)
и головными хоботками
изъеден мой сердечный клад.
К нему сиянье не вернется,
хотя он, как и прежде, чист:
он потемнеет и свернется,
как змейка иль осенний лист.

127. ПЕЧАТЬ

Под осень мысль сидит на берегу,
блестящих рыб ловя рукой искусной.
Хотя себя от чувств я берегу,
в основе мысли есть обычно чувство.

Но я в суровом выросла краю,
где в тупиках остроконечны зданья.
Их крыши заострили мысль мою,
и суше я, чем многие созданья.

Послушна голове моя рука.
На мне пятно рассудочной печати.
И тайные страницы дневника,
признаться-ль вам? пишу я для печати.

128. СОЛОВЬИ

Лунный лик, законченный вполне,
смотрит на листы мои не всуе:
я пишу охотно о луне,
строчками лицо ее рисуя.

У луны есть странная черта:
у нее непрочны очертанья...
Вот сейчас луна уже не та,
что была в начале начертанья.

Есть четыре облика луны:
фас, два профиля и половина.
Обе половины мне видны
на основе ночи соловьиной...

Стонут соловьи в любом краю.
Различая листьев шелест робкий,
мысли о прошедшем достаю
я из черепной своей коробки.

Память, взгляды выше поднимай!
Помнишь, за общественным строеньем
сад был ежегодно в месяц май
полон соловьиным настроеньем?

Горизонт был слева розовей,
а направо падал полог черный...
В эти ночи каждый соловей
был куском серебряного горла.

129. УЛИТКА

А.В. и Л.Е. Румановым

Одним даются извлеченья
из всех греховных повестей,
другим — лишь доблесть отреченья
от человеческих страстей.
Та доблесть пишется курсивом,
невидной кровью иногда...
И все-таки, чтоб быть счастливой,
я слишком, кажется, горда.
Есть души, что горбы таская,
скрывают горнее на дне.
Быть может я сама такая
и горб улитки есть на мне?

130. ОСНОВА

Земля, богатая навозом
и тусклой дождевой водой,
необходима даже розам,
колеблющимся над грядой...

Необходима вязь густая —
связь букв, о коей хлопочу.
Нужна порой и запятая
для выраженья сложных чувств.

Нужна в дороге тяга к цели.
И пусть не все в русло вошло —
но если есть дыханье в теле,
то значит, тело жить должно.

Живи, прошу тебя, подольше
остаток тела — для души!
А если петь не можешь больше —
то просто — воздухом дыши.

131. ПРОЩАНИЕ

I

Больная женщина в деревне
сказала мужу своему:
„Вокруг людей живут деревья,
и звезды прорезают тьму...

А мы на мытарей похожи,
мы слабого стремимся бить.
Но почему-же мы не можем
друг друга попросту любить?

Чтоб позабыть себя на-время,
чтоб обезвредить зло и злость,
чтоб доброе посеять семя —
возьми две палочки и гвоздь.

Соедини их посредине,
пробей их гвоздиком... И что-ж?
ты станешь как монах в пустыне
и выронишь мошну и нож.

II

Мой друг, сегодня воскресенье.
Вот дачный поезд прогудел...
Конечно, будет воскресенье
и для погибших наших тел.

Уже (от пения наверно)
в душе и в горле — пустота...
Я знаю — медленно но верно
ко мне уже подходит та,
которую в старинной сказке
привыкли рисовать с косой,
которая щеку без краски
последней обдает росой.

Вся освещенная луною
— оскалена и высока —
она придет без слов за мною
распластанною как доска.

Я дрогну, сердце выдыхая.
Она (согласная с судьбой)
неумолимо как глухая
уйдет... к несчастью взяв с собой
мешочек, сделанный из кожи,
в котором кости, мясо, кровь
и вещи, что на сон похожи —
надежда, вера и любовь".

132. РАЗГОВОР

— Как трудно, думая о небе,
  быть на землистой борозде,
  стараться о насущном хлебе
  и теплой питьевой воде...
  Мне кажется, что с каждым утром,
  о друг, я становлюсь худей.
  Мой лоб бледнее перламутра,
  я вся, как шея лебедей...

— Пока еще не слишком поздно
  (листами писчими шурша)
  пиши не о луне и звездах —
  о том, как почва хороша.

— Есть женщины на этом свете
  (ты облика их не забудь!)
  с живым горением в скелете
  и с холодом, сковавшим грудь.
  Они заводят, как русалки,
  для трезвых душ свирель, увы,
  держа конец поющей палки
  у одержимой головы...

— Определенно осуждаю
я жен с томлением таким,
к столбу чудачек пригвождаю
за равнодушие к другим,
за тягу их на боковую,
за их привычку дуть в дуду,
за долгую и роковую
неприспособленность к труду.

— Страсть и страдание — как дрожжи,
чтоб поднялась моя душа.
Навстречу мне, немного позже,
и ты прозреешь, не спеша.
Рвись к высоте рассудком бренным,
а сердцем — к глубине пригнись...
...Так дерево одновременно
вонзается и вверх и вниз.

133. ЦВЕТЫ

Ант. Ладинскому

Есть книги с желтыми листами
и с полинявшим переплетом...
Они заложены, местами,
давно засохшими цветами,
поднявшимися над болотом.

Гербарий просто называет
цветок лазурный незабудкой.
Его пастушка добывает.
В загадке русской им бывает
солдат, когда он не за будкой...

Спокойны книжные страницы
на прочных полках вдоль простенка.
Цветы в них сделались как лица
подростков, тающих в больницах
— почти нездешнего оттенка.

Такие книги знает каждый:
умершие в них дышат души...
Не обернется слива грушей,
но станет незабудкой каждый
цветок, который в них засушен.

Стал невесом цветок бесплотный
с просвечивающим скелетом.
Не трогайте ладонью плотной
след молодости мимолетной,
цветущей лишь весной и летом...

Цветы, сухие как лучины,
счастливей-ли других, ронявших
цвет от естественной причины
и на сырой земле принявших
венец стремительной кончины?

134. ЛЕД

Об осени, дождем грозящей,
сказал нам птичий перелет,
о смерти — удлиненный ящик,
в котором перевозят лед.

Набитый глыбой водяною,
толкая в сердце нас и в лоб,
тот ящик цветом и длиною
всегда напоминает гроб.

Влачится он на скользких дрогах,
покачиваясь иногда...
Чем больше солнца на дорогах,
тем больше дрог, и в дрогах льда.

Сидят на козлах люди в сером
— простого льда поставщики.
Но вот внезапно тянет серой
от длинной и сухой щеки.

Лицо у них без выраженья.
Бесчувственных не вороши:
они хранят от разложенья
безумие твоей души.

Но где-же тень от колесницы,
от лошади и от кнута?
Кричат кладбищенские птицы,
указывая всем места...

Нам снятся каменные узы,
глухие острия гвоздей
и заколоченные грузы
имеющие вид людей.

А через город проезжая,
возница свищет и поет.
Стихия для него чужая
огонь, а родственная — лед.

135. ОЧЕРК

Александру Бахраху

С синим небом не в ладах,
с тучей странностей бесспорных,
с червоточиной в плодах
размышлений стихотворных,
с грузом выстраданных слов,
с теплотой, во внутрь ушедшей,
с красноречием послов
и с гордыней сумасшедшей,
с тайной робостью в душе,
с явной резкостью в движеньях,
без заботы о гроше,
но с расчетом в выраженьях,
с тягой к верному письму,
к душам, в сумраке стоящим,
с недоверьем ко всему
— в будущем и в настоящем —
будучи двойной до дна
(вместе тою и не тою...)
злая женщина одна
подошла к вам с добротою.

Но как мне быть с моей грудною клеткой
и с тем, что всякой косности косней?

Борис Пастернак

II

136. САД

Под осень сад, любым суком
качавший птичьи поколенья,
безмолвствует. В саду таком
мне слышен дух тоски и тленья.

Когда, с душком небытия,
вхожу в такую-же аллею
и в ней знакомых вижу, я
их по-особому жалею.

Без сожаленья, без слезы
(душой, которая горела)
так Катерина из „Грозы“
соседа своего жалела.

137. СОСЕД

Привыкайте, мой сосед,
мой товарищ по скитанью
(впрочем, больше домосед)
к немоте и рокотанью
раковины небольшой
с диким перлом посредине,
к странной сущности, с душой
тающей подобно льдине
(освещаемой лучом
солнца), к музыке влекомой,
не скорбящей ни о чем,
но со счастьем не знакомой.

138. ГОЛОД

Родившись в пасмурной глуши,
где полдни солнечные скупы,
привыкла я черты души
рассматривать посредством лупы.

На улицу, в глухом пальто,
выходите вы в день ненастный...
Я приближаюсь к вам за то,
что вы, по-моему, несчастны.

Вздымает ветер руки рощ.
Прохожий поднимает ворот...
Когда идет в тумане дождь,
бездомным кажется мне город.

Туман глотает все углы —
должно быть голоден он очень.
(И я, такими днями мглы,
не насыщаюсь, между прочим...)

Углы летящих лебедей
давно уже умчались к югу.
Осталось несколько людей,
что медленно идут друг к другу...

139. ОТКРЫТКА

Озеро трепещет серебром.
Трепетны еще иные вещи.
Например, за кожей и ребром
сердце ожидающих трепещет.

Собирает пенная кайма
семь неуловимых излучений...
Так меж строк открытого письма
скрыты строки внутренних речений.

Славно блещут камешки на дне.
Трудно славу добывать словами...
    ...Я не для нее наедине
    в рифму разговариваю с вами.

140. МЫСЛЬ

Уверенно, воздушно и упруго
(пускаясь в путь уже не в первый раз),
как плотный холст спасательного круга,
несет меня над хлябью мысль о вас.

Она венком ныряет над пучиной
(венок не из сплошных, конечно, роз).
Она — стихов является причиной
и даже иногда — причиной слез.

Ей снится сон мучительный и светлый
(как звук предсмертной песни лебедей).
Зачем так много силы безответной
в порывах нерешительных людей?

141. СОН

Мечта моя на внутреннем огне
медлительно но верно закипала.
Основываясь на минувшем дне,
я удовлетворенно засыпала.

Как иглы, жарким полднем, на сосне,
душа моя от жажды рассыпалась...
В ту ночь я Вас увидела во сне:
я падала, когда я просыпалась.

Я слышала, как падала земля:
моя могила заступом копалась.
Кругом темнели голые поля...
Я плакала, когда я просыпалась.

Чтоб скрытой не тревожиться судьбой,
чтоб честь моя и в снах не оступалась,
должна я посмеяться над собой:
— я выспалась... когда я просыпалась.

142. РУКА

Когда душа, строптивая вначале,
склоняется во сне к другой подчас —
сон состоит из счастья и печали...
но явь дает ей лишь вторую часть.

От этой части днем душа худеет,
оставив сладость пищи на потом.
Действительно - рукою чародея
ей сновиденье вносит пищу в дом.

Знакомьтесь, не спеша, с душой такою,
которая, от голода дрожа,
во сне — вас гладит гладкою рукою,
а наяву пугливее ежа.

Никто сказать душе такой не вправе,
что сон ее построен на песке.
Бывает сон, что явственнее яви,
и слово, что висит на волоске.

У слов таких возвышенна основа.
Они — не для бумаги и чернил...
И Осип Мандельштам такое слово
с тяжелым камнем некогда сравнил.

143. РАВНОВЕСИЕ

I

Все в юности ромашку обрывали.
Я не красива и не молода.
Поэтому на мой вопрос едва-ли
цветок яичный мне ответит „да".

И я стою, его не вопрошая,
оружья не имея для борьбы.
Но есть во мне уверенность большая
в непогрешимости моей судьбы.

II

Мне кажется убийственной
несогласованность сердец.
Что ложь бывает истиной
и мне открылось наконец.

Смотрю и вижу явственно
— мечтаньем совесть заглуша —
что может быть безнравственной
и целомудренной душа.

III

Как заключенный, тающий от муки
и близкий к сумасшедшим рукавам,
по вечерам я опускаю руки,
бессильные от сильной тяги к вам.

Но если-б, друг мой, ангелом была я,
я подняла-б над вами два крыла,
чтоб скука жизни, тусклая и злая,
вас в будущем коснуться не могла.

IV

Блестят на солнце яблоко и слива,
имея тени вечное клише:
явление прилива и отлива
знакомое сознательной душе!

Плоды горят одним открытым боком,
направленным к блаженной теплоте.
А бок другой в смирении глубоком,
и краски там совсем уже не те.

144. СОЛЬ

Неосторожно названная Анной,
я родилась с ущербною луной.
На первый взгляд, увы, кажусь я странной,
но взгляд второй мирит тебя со мной.

Пусть скорбь дала мне горькую зарубку,
по имени я все-же — благодать.
Сжимая сердца дышащую губку,
стараюсь я всю соль мою отдать.

Соленый ветер взмылил зыбь (и сушу
испепелил), когда я вышла жить...
Открой свою обугленную душу,
чтоб я могла мой груз в нее вложить.

Подводный мир сливается с высоким,
когда туман сиянием гоним...
Корабль плывет, и все морские соки
кипят и разливаются пред ним.

Плывет он осмотрительно и плавно —
не доплывет до цели никогда.
Не знаю в чем (быть может в самом главном!)
и у него — несчастная звезда.

145. ДВА

N.N.

Который час? Во мраке ночи
(там, где у спящих голова)
сияют цифры. Чаще прочих
мне отвечает цифра два.

Два поворота в круге суток,
распределенных на часы.
Есть два крыла у диких уток.
В двух медных чашах груз — весы.

Летят две стаи. Точки... Точки...
И точно два угла вдали.
В осенней роще вижу кочки
из медных листьев и земли.

Решусь-ли груз необычайный
я взвешивать на меди дней?
Когда лишь двое знают тайну,
гораздо больше веса в ней...

Живые глухи иль жестоки.
Им ничего не говоря,
я посвящаю эти строки
двум мертвым буквам букваря.

146. ЛЕС

Богатство сдерживаемой любви
итог мучительного добыванья...
Сентябрьский блеск червонцем не зови:
в сухом лесу есть треск четвертованья.

Грудные кости поднимает вздох,
противник косного благополучья...
    А в том лесу уже морозен мох,
    и в сумерках как диаграммы — сучья.

147. ЛУНА

Вступление

Опять, включенное в кольцо,
большое белое лицо
    луны — со мной в теченьи ночи.
Оно молчит, как бочки дно,
но кажется мне, что оно
    мне рассказать о чем-то хочет.

Увы, я знаю, на рассвете
светило, как и все на свете,
    уйдет (не давши ничего)
    из поля зренья моего.
И все-ж, пока луна со мною,
я, вдохновленная луною,
    беру листок и карандаш,
чтоб, распластав себя на белом —
хотя-б душой одной, не телом —
    тем обессмертить облик Ваш.

....

Тоской и страстью одержима,
пишу дневник немало лет.
Меж внешностью и содержимым
моим — уже согласья нет.

Пусть в зрелости дневник — отсталость,
подростком (уверяю Вас)
я, к сожалению, осталась
и по сей день, и по сей час.

....

Пока поэты и подростки,
прижав к столу свой остов жесткий,
     ведут ночные дневники —
луны ущербной бледный профиль
растет как в погребе картофель,
     пускающий во тьме ростки.

....

1

Не солнцем — нет, одной луною
увы, глаза мои полны.
Мне кажется, и днем со мною
далекое лицо луны.

Оставшись с полною луною
в полночный час наедине,
притянутая вышиною,
я обращаюсь лишь к луне.

Луна — ночное отраженье
любого солнечного дня
(найду-ли крепче выраженье?)
необходима для меня.

....

Лишь рот луны, приподнятый углами
(прозрачный и подвижный как вода),
нагнется над рабочими столами
подвижников словесного труда —

я приступаю к делу. (Между прочим
не зная, что получится потом).
Я выступаю ночью — и как зодчий,
и как тем зодчим строящийся дом.

Я строю дом... не из покорной глины,
а из упористого кирпича.
Он будет не широкий и не длинный,
но поднимающийся как свеча.

Пусть он (в лесах) еще не очень строен,
он должен отличаться вышиной:
ведь главным образом мой дом построен
для разговора моего с луной.

Что я давно работаю душою,
тебе, луна, должно быть все равно.
Но я — поверь — белесое, большое
лицо твое отметила давно.

Ты странствуешь от века и до века,
влача с собой и опыт и тоску,
с обличьем мыслящего человека,
скитавшегося на своем веку.

2

Луна — ночного человека
притягивая как магнит —
напутствует его от века,
с самозабвением роднит...

Я с прилежаньем богослова
пишу о ней на склоне дня.
Она не говорит ни слова,
а только смотрит на меня.

Но это опытное око
мою потерянную плоть
пронизывает так глубоко,
как будто к ней подходит вплоть.

И долго (с раздвоеньем в зреньи)
как опьяненный беленой,
я двигаюсь в самозабвеньи,
руководимая луной.

....

3

Ты смотришь за движением моим,
за поведеньем внутренним и внешним,
душа моя. Ты сумрачна как дым.
Но стражем будучи уже нездешним,
ты мучаешь меня, смотритель мой!
Прошу тебя — оставь меня в покое:
весной я разгораюсь, а зимой
приму тебя в нетопленом покое...

Я находилась много лет в плену.
Но вышедши нечаянно на волю,
чтоб видеть вместе солнце и луну,
я сразу по всему гуляю полю.
Пронзает солнце кожу бледных век.
Весь звездный свод сияет надо мною...
Луна-же не луна, а человек,
в ком вижу нечто общее с луною.

Взгляните на луну, на луг и на
мерцанье рек и светлых насекомых...
А в тех местах, где сказано „луна“ —
читайте (имя рек) один знакомый.

4

Наступает лето бабы —
осень ранняя... Одна
(наступая на ухабы
неба) шествует луна —
с бледным ликом человечьим,
коему противна тьма,
наделенная увечьем,
коим стражду я сама.

Я давно луне хотела
странные сказать слова:
друг мой, у тебя нет тела,
есть — одна лишь голова.
Поражая худобою —
не за стрелкой часовой,
двигаюсь я за тобою,
странницею неживой.

Не имея к делу дела,
не жалея ничего,
в виде головы без тела,
отделившись от него —
может быть и ты, слепая
(так-же страстно, как и я)
ищешь — к праху прилипая —
воплощенья бытия?

5

Взгляните на луну средь ночи:
идя дорогой круговою,
она объятий знать не хочет —
она живет лишь головою.
Без ног, без рук она, но все-же
с серебряными рукавами...
И кажется, на Вас похоже
лицо, что движется над Вами.

Поверьте, на земле есть люди
со знаком лунного влиянья,
мечтающие здесь о чуде
потустороннего слиянья.
Ступая на карниз кирпичный,
они на помощь призывают
луну... За это их обычно
лунатиками называют.

Душа их, добрая и злая,
взирает сверху вниз — бесстрастно.
К несчастию, из их числа я
и потому — мечте подвластна:
так, будучи (подобно птице)
на грани пустоты и зданья —
я, в то же время, на границе
увы, любовного признанья.

6

Влекома полною луною,
встает душа моя в ночи.
Разбуженная тишиною,
сестра, в испуге не кричи!
Стоит на склоне крыш лунатик,
не опасаясь ничего.
Не окликай-же, Бога ради,
обычным именем его.

Стоит он на последней грани
строения и пустоты.
Куда он простирает длани?
Зачем его тревожишь ты?
Не трогай лунного провидца:
он двигается не спеша,
он знает где остановиться,
куда его ведет душа...

....

В русалочьей ночной сорочке,
гремя железом листовым,
я дохожу уже до точки,
где зданье переходит в дым.

Когда безглазая, босая,
стою я зданья на краю,
лишь голова луны спасает
от сокрушенья плоть мою.

Но — связанная не со зданьем,
не с плотной почвой полевой,
а с этим призрачным созданьем,
снабженным только головой —

я все-же чувствую истому
(молчи, перо мое, молчи!)...
Как руки, ко всему земному
от головы идут лучи...

....

Лучи большой луны сквозь стекла
струятся на мою кровать.
Я от бессонницы поблекла.
Как мне болезнь мою назвать?

Заключение

Бывает странное страданье,
потусторонняя напасть.
Когда она, как дождь на зданье,
на сердце вздумает напасть —
она, как он, неумолима:
склоняется пред ней и врач,
и даже стойкость пилигрима
нередко переходит в плач.

Не одарил меня наследством
отец, но будучи врачом,
дал мне действительное средство
быть той болезни палачом.

Луну — услужливое слово —
во всех склоняю падежах,
о главном не сказав ни слова,
но возле главного кружа.

Лечение первостепенно:
пока я о луне пою,
я вырезаю постепенно,
как опухоль, всю боль мою.

Молчала я, тоской пугая
саму себя (как птицу мгла).
Но ты, подруга дорогая,
мне высказаться помогла!
За то, что не смыкая вежды,
с тобою всласть я говорю —
за невозможность, за надежды —
луна, тебя благодарю.

148. КНИГА

Над комнатой уже нависла мгла.
Но — мысленному повинуясь сдвигу —
я достаю из темного угла
одну многозначительную книгу.

Имея тягу к буквенным трудам,
мне кажется, я долга не нарушу,
когда, на-время, вам для чтенья дам
ее — уже разрезанную — душу.

Сроднятся-ль с вашим мертвенным лицом
рожденные живою кровью строчки?
    (Приходится поставить пред концом
    знак вопросительный мне — вместо точки).

149. ВОЛНА

Волне, упавшей при луне
в песок (от собственного груза),
со дна поднявшейся волне —
невольно отдалась медуза.

Паденье пены с крутизны —
естественной послушно силе.
О, сила вздыбленной волны,
о, кони мчащиеся в мыле!..

С кипеньем вала меж камней —
бескостной мыслимо-ль бороться?
И человек, подобно ей,
волне девятой отдается.

Еще не знает он, куда
стремительною двинут лавой,
но должен, должен повода
он сдерживать рукою правой.

А скорбь его, как крест большой,
вся слева — на сердечном фланге...
    Скажи, с такою-ли душой
    спускался лермонтовский ангел?

150. ПРОСТИ

Когда надумает расстаться
мое дыхание со мной,
я не смогу уже остаться
на затверделости земной.
Когда в лампаде мало масла,
когда у свечки сала нет...
Но прежде чем она погасла,
она дает высокий свет.

Прости меня, что не блистала
я в полдень полной красотой,
зато полуночью листала
я листья книги золотой,
той самой, что рассталась с глиной,
и всю меня несет туда,
откуда кажутся равниной
ущелия и города.

О том что знаю и чего не знаю,
перо, тебе докладываю я.

Александр Гингер

III

151. ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Лоснился щебень. Бились воробьи
над крошками разрушенного хлеба.
Тяжелый флот скользил вдоль моря и
флот облачный — по временам вдоль неба.

Весенний сквер был по-балтийски чист.
Гудела детвора вокруг эстрады...
Одно дитя, как виноградный лист,
упорно липло к столбикам ограды...

....

Через дорогу, в дюнах, над песком,
у грядок с будущими огурцами,
стоял в уединеньи длинный дом
с довольно необычными жильцами.

Он сделан был из желтых кирпичей,
и все вокруг весной дышало, кроме
смирительных рубашек и ключей
для тех, что проживали в желтом доме.

Они гуляли парами порой,
но двигался иной и в одиночку...
Я помню гравий, солнце над горой,
и их глаза, направленные в точку.

Они срывали тонкую траву
невозмутимым выспренним движеньем.
Движенья их, заснувших наяву,
других миров казались отраженьем.

А между ними поливал газон
веселый молодой садовник. С лейкой,
в лучах заката направлялся он
к насосу, что плескался за скамейкой.

Здесь мелкие лазурные цветы,
имея блеск небесного оттенка,
казались капельками высоты,
упавшими к подножию застенка...

....

Ребенок с ярким яблочным лицом
на солнышке, пять лет ему знакомом,
нередко наслаждался леденцом
пред этим необыкновенным домом.

К садовнику он подойти не смел,
зато, в сияющее время года,
следя за ходом огородных дел,
подобно тумбе застывал у входа.

При нем — новорожденная гряда
от полной лейки набиралась силы.
Пел ящичек скворешного гнезда,
входили в яму корневые жилы.

За дюнами кричали петухи —
будильники рыбачьего поселка,
и прославляла хвойные духи
упавшая сосновая иголка...

Дитя стояло у больших ворот
так неподвижно, как цветок двуногий.
Брели безумные, раскрывши рот,
ловя руками собственные ноги...

Садовник пел, не замечая их.
Подрагивая яркими боками,
взлетал к лазури шар. Закат был тих.
Вдали — чернели барки с рыбаками.

Садовника землистая рука
сама, в тени, землей казалась бурой.
Над черным завитком от корешка
он думал о невесте белокурой.

У западной границы городка
качались пароходные каюты...
И грустью, что весной для всех сладка,
туманилась душа его Анюты.

Садовник взял анютины глаза
и посадил их в солнечное место.
Любил весну он за цветы и за
те чувства, что дала ему невеста...

....

Но беспощадно сыплется песок,
что назван был песочными часами.
Сомнения вонзаются в висок,
судьба полна немыми голосами...

И девочка, смотревшая на дом
— с тем зданием боясь теперь свиданий —
растерянно готовит третий том
своих восторгов и своих страданий,

со страстностью соединив тоску,
прибавив к этому надежду даже,
но посыпая каждую строку
той солью, коей не найти в продаже.

152. СЕСТРЫ

1

Когда, скрипя, стирается белье,
иль с хрустом происходит чистка меди,
вы все, конечно, видели ее —
не у себя, так у своих соседей.

В пальтишке узком, с кончиком лисы,
в крылатом фартуке, обычно в клетку,
она в дома приходит на часы,
как птица, что сама влетает в клетку.

С глубокими солонками ключиц,
с глазами, как две чашки с синевою,
с работою горчее всех горчиц,
она живет почти-что неживою...

Слова ее бесцветны, как вода,
сама она порой худее кошки.
В чулках ее — зиянья иногда,
как слуховые круглые окошки.

С лицом сухим и серым как ковыль,
вооружившись выскобленным стулом,
она с больших шкапов стирает пыль,
поднявши руки вверх, как перед дулом.

Не основавши собственной семьи,
покорная обычному заводу,
стараясь, от семи и до семи,
для всех, кто ей давал огонь и воду —

как друг, она трудилась для других.
И с серой тряпкой, с сором, без привала,
среди вещей — чужих, но дорогих —
сама, как тряпка серая, сновала.

Без отдыха, без облика, без лет,
скользила тень, равно для всех чужая,
за несколько безжалостных монет
любой очаг усердьем окружая.

Усталый мозг, засушенный в борьбе,
лишенный духа, как цветок осенний,
лишь раз в неделю думал о себе —
и это было в утро воскресенья.

Она была умыта и чиста,
и шкап — не до конца ее обидел:
на ней была сорочка из холста...
Но в эти дни — никто ее не видел.

Однажды утром, вставши после сна,
прочтя в газете: „отравились газом...“
я вам скажу: то может быть она
ушла из жизни, не моргнувши глазом.

Она погрязла в прахе бытия.
Быть может Марфой в прошлом воплощеньи
была она... Возьмут-ли „Жития“
ее к себе — за силу всепрощенья?

2

Когда счастливой матерью семьи
становится ленивая Мария,
лишь к вечеру, не ранее семи,
плита ее бушует как стихия,
и дети, сев вдоль кухонной скамьи,
кладут на доски рученьки сухие.

Мария варит суп из топора
и моет пол в лазоревом уборе.
Весной она уходит со двора
с высокими зарницами во взоре...
Ее запущенная детвора
сидит в худых штанишках на заборе.

В ее квартире зарево и гам.
Дожди и снег идут в ее квартире...
На страх соседям (и на страх врагам)
она ложится в три или в четыре.
Шлет зайчиков луна к ее ногам:
она играет, при луне, на лире.

И к ней (сидящей с зайцами у ног
и в то же время - с музыкой у чрева)
приходит муза северных дорог
с большим крылом направо и налево.
Так — некогда — к Марии на порог
могла являться Пресвятая Дева...

Гнездо, Мария, со стараньем вей:
ты от хулы должна оборониться.
Рассветный воздух сделался живей
и месяц начал к западу клониться,
а ты... ты все не спишь. Ты - ночи птица:
сова? едва-ль! скорее соловей...

Увы, родная Марфина сестра
непрочная опора для семейства:
она не носит дойного ведра
и в полдень сонные свершает действа...
Пусть днем она не делает добра,
но ночь ее — во власти чародейства.

Днем спит она, сжимая в кулаке
свой первый палец. Странную картину
являет ночь: совместно в котелке
Мария варит и грибы и тину.
Четыре паука на потолке
плетут одну и ту-же паутину.

Пока пчелоподобная жена
часы полезным отдает работам,
Мария застывает у окна,
подняв лицо к божественным высотам.
Она сродни лунатикам — она
тревожит лиру по нездешним нотам...

Но упрекнуть придется мне ее
за то, что люлька у детей сырая,
что у нее не глажено белье,
что грабли зацветают средь сарая,
что стало мхом вязание ее,
и что игре ее — не видно края,

еще — за обвалившийся плетень,
за все в саду погибшее богатство,
за каждый без труда убитый день,
за вечное с мечтою панибратство,
за праздность, за лирическую лень,
короче — за земное тунеядство.

Мария в узах брачного кольца
кой-как свое свершает бабье дело.
Она готовит душу для конца.
Но будет-ли душа сильнее тела,
и свет ее посмертного лица
таким живым, каким она-б хотела?..

153. ЧАЙ

1

Апрель. Деревня. Солнце. Почки.
Зеленый двор и корень бурый.
В траве, как желтые комочки,
снуют цыплята. Бродят куры.

Жует корова клок лужайки.
И — как поэзия над прозой —
в столовой — дочь моей хозяйки,
китайской пахнущая розой...

Мы пили чай пасхальным утром
и повседневный сок Китая
(средь чашек с пестрым перламутром)
блистал, как кожа золотая,

как озаренный двор с птенцами,
что в зелени паслись, желтея,
как чайный кубик со столбцами —
со сложным шрифтом грамотея...

Мы говорили о погоде,
о праздниках, о цвете неба,
о предстоящей нам свободе —
и ели пасху вместо хлеба.

Был запах яблок в чайном соке.
Пар над фарфором поднимался.
Наш спор о низком и высоком
как голос мальчика ломался.

Светлеет дом такой порою.
Пестреют над тарелкой яйца.
И только цепь пред конурою
как черная коса китайца.

И все-ж китайский мальчик тоже
весною, в солнцепеке края,
смеется на убогом ложе,
бесплатным золотом играя.

2

Когда-то, как приморский инок,
я — бедности не замечая —
питалась серебром сардинок
и золотом пустого чая.

Обед — на стеклах я читала.
О, ресторанные глубины,
весна Латинского квартала,
цветы и рокот голубиный!..

Вновь вижу я тот вечер майский
(у памяти есть зренья сила)
когда я к прачешной китайской
в узле белье свое носила.

С тряпьем разрозненным и рваным
подкрадывалась я, как заяц,
к лавчонке с запахом нирванным,
где был хозяином китаец.

Из чашки с трещиною стойкой,
с цветной и хрупкою основой,
поили чайною настойкой
его наследника больного.

Качались на сырой веревке
инициалы полотенец.
Под ними, с плешью на головке,
кончался восковой младенец.

Был, как огарок, сух и тонок,
был острым носом схож с вороной,
был в коже старика — ребенок,
чужбинным небом изнуренный.

Лежал он с горькими глазами,
с костями хрупкими как сахар.
И кровью голубя, часами,
лечил его (но тщетно) знахарь.

За прачешной был тесный садик,
дышавший чахлою листвою...
Несите сына, Бога ради,
в квадрат с воздушной синевою.

Ему, должно быть, страшно трудно
дышать — почти уже без легких...
Солдатика, с улыбкой чудной,
сжал в пальцах он, как спички легких.

Ночь. Маленький, в сухой сорочке,
в углу сырого помещенья.
Застыл зрачок его в той точке,
откуда нет уж возвращенья...

Омыли чаем две старухи
труп за гладильною доскою,
и черные кружились мухи
над желтою его щекою.

Мать с бабушкою (в белом обе)
глядели на соседей волком.
Отец понес в молочном гробе
полотнище с ребенком желтым.

Три дня дитя уже покойно:
меж мертвыми оно телами.
И все-ж отец его — спокойно
приветствует живых с узлами.

Молчит китаец: стар иль молод
не знаем — он непроницаем...
Но мы напрасно ночь за холод ,
его — за скрытность порицаем.

У каждого своя природа
и не проявит по-пустому
потомство желтого народа
в словах — сердечную истому.

Что может быть мудрей монгола?
В нем сложность слова опочила...
Но многовековая школа
его — молчанью научила.

3

Она была страной поклонов,
страною бонз, страною горя...
В ней много бурых горных склонов,
но очень мало синя-моря.

В том крае (с рисом вместо хлеба)
мы корни чая замечаем.
Но наша связь с Землею Неба
едва-ли объяснима чаем.

Родство с республикой небесной
телесного родства сильнее...
Не мудростью-ль ее чудесной
привлечена к чужой стране я?

Несется ветер желтой тучей.
Желтее ветра почва летом.
Но тощих кур над желтой кучей
пленяет роза желтым цветом.

Край чайных роз в зловонной яме
и слез под небом бирюзовым...
Когда-то к чаю с соловьями
он звал премудрых гонгным зовом.

Теперь над рисовым болотом
он движет золотые руки...
Труд будет для тебя оплотом,
край зноя, мудрости и муки!

154.

Я говорю о сердце много лет
и я измучена беседой тою.
Но собеседника, к несчастью, нет:
— я разговариваю с пустотою.

155.

пусть один не воин в поле,
пусть толпой выходят в бой —
есть один лишь подвиг воли:
        сила воли над собой.

156. ВСТУПЛЕНИЕ

Корабль обречен на крушенье,
и крысы бегут не к добру.
В своем основном прегрешенье
успею ль признаться перу?

Зияют зловещие щели,
пробоины гибнущих шхун.
Крушенья страшусь я — ужели
сродни мне хвостатый грызун?

Увы, я во всем малодушна:
веревки боюсь в вышине,
волной восхищаясь воздушной
боюсь я того что на дне.

Боюсь отражений на стенке,
наседок что клохчут в гнезде...
Боюсь оказаться в застенке
на хлебе одном и воде.

За то что погрязла я в прахе
(как крыса, залезшая в пруд),
за слабость, за все мои страхи
хочу я задать себе труд:

среди поколенья иного
(о годы отцовых отцов!),
среди претворяющих слово
в дела, но едва ли дельцов —

я почву архивную рою
пером, и в загробной стране
ищу неустанно героя,
противоположного мне.

Средь женщин с неженскою долей
нашла я в застенке немом
одну — с вдохновенною волей
и с невозмутимым умом.

С героем встречаюсь я робко,
как с северным ветром волна.
Опять черепная коробка
моя рокотанья полна.

Она о пучине рокочет,
как раковина на песке,
что слабым гудением хочет
сказать о большом сквозняке.

157. ФОНАРИ

Когда фонарщик зажигает
в густом тумане фонари,
девица друга поджидает,
чтоб ворковать с ним до зари.

Но друга нету. Нету друга.
Несется ветер второпях,
над крепостью летает вьюга.
А друг ее — уже в цепях.

158. КОНЕЦ МАСТЕРОВОГО

Что ты делаешь, невеста?
ситец режешь у швеи.
Но останутся без места
завтра рученьки твои.

Пусть папаша мой с мамашей
в захолустной тишине,
похлебавши тюри с кашей,
вспомнят завтра обо мне.

Отойдут душа и тело —
им труды уже невмочь.
А не ими ли хотело
сердце родине помочь?

чтоб рождались в ней живые
и свободные сыны...
Но ее городовые
оборвали эти сны.

Виноват я не пред Богом,
а всего лишь пред царем:
клал я по его дорогам
динамиты с фитилем.

Для борцов, за мной идущих,
я быть может колея,
для строителей грядущих
малая ступенька я.

Мой конец пришел весною.
Мне всего лишь двадцать пять.
Но с тобой, моей родною,
не придется мне поспать.

Будет стянута веревка,
покачнется высота,
и язык, кривясь неловко,
вывалится изо рта.

Умираю. Умираю.
Не поможет мне никто.
Холодна дорога к раю —
без калош и без пальто.

159. КОНКА

Сыро. Блещет иней тонкий,
точно рыбья чешуя.
Дальний звонкий топот конки
средь тумана слышу я.

На колесах блещут спицы,
блещет дождь на драпе плеч.
С империала колесницы
двух модисток слышу речь:

У франтих жакет на вате,
краска на каемке век —
а сегодня в каземате
удавился человек...

Блещут бронзовые канты
часовых вокруг тюрьмы.
Входят в крепость арестанты,
с ними вместе входим мы.

Звон часовни дребезжащий,
сахарный над кухней дым.
Спится ль им под утро слаще
или горечь снится им?

Гулко ходят часовые
между вышками стены.
Громыхают ломовые.
Утро. Фонари бледны.

Бледен школьник занимаясь,
бледен первенец царя.
И туманна занимаясь
петербургская заря.

160. ОБЩЕНИЕ

Они выходят из тумана тенью,
идут ко мне, и с ними я живу.
С приговоренными, как в сновиденье,
я разговариваю наяву.

Но не движением телесных уст,
не голосом, а внутренним теченьем
летучих мыслей и упорных чувств,
обыкновенно связанных с мученьем.

161. СОН

Текли часы без уличного гула.
И ночь прошла, когда войдя до дна
в былое, на рассвете я заснула.
Приснилась мне народница одна:

с широкою и длинною косою,
спускающейся с правого плеча,
в рубашке с вышитою полосою,
и с горлом, ожидавшим палача.

Пусть с нею я не ездила на конке,
но я пишу в год пятьдесят второй,
в столетье дня, когда легла в пеленки
та девочка, тот будущий герой.

Прелестное и властное лицо
в согласии с фигурою бокалом.
Не золото — ее души кольцо,
а сталь с совсем особенным закалом.

На черной шейной ленточке эмаль.
Глаза с неописуемым гореньем.
На всем спокойном облике печаль
решимости и удовлетворенья.

162. СЛОВО

Есть слово вера. Вера — обличенье
вещей невидимых, о Боге весть.
Легко дается страсти излеченье
тем, у кого такая вера есть.

Но у меня она совсем другая:
рожденная сто лет тому назад,
рабочим Петербурга помогая,
она входила в заводской посад.

Мастеровой с листовками под мышкой
встречался с ней за нежилым углом.
Жандармы с ней играли в кошку с мышкой,
а позже — взяли шашки наголо.

Ей было лет неполных двадцать пять,
когда в пучину нищеты и горя
она нырнула, как в пучину моря,
откуда нет уже дороги вспять.

163. *1852*

В тот год когда (в мечтах о многом)
ее носила в чреве мать,
в унылом доме умер Гоголь,
жизнь переставший понимать.

Малютка развивала голос
как все — в пеленках и в слезах.
Отец оставил ей свой волос,
а мать улыбку и глаза.

164. ТЕЛЕНОК

Лето. Над затоном мелким
крепко солнышко печет.
Все — на дне лесной тарелки —
камешки наперечет.

Трепетен над рощей зной.
В роще мается теленок.
Стон его предсмертно звонок,
на его сетчатке гной.

Муха в этот гной впускает
свой голодный хоботок.
Жизнь из смерти извлекает
для себя целебный ток.

Над теленком — с коркой хлеба
пятилетнее дитя.
Светит солнце, с сини неба
две косички золотя.

Это маленькая Вера
с тумбочками ног в траве,
с взором сумрачным и серым,
с первой мыслью в голове.

165. ФЕВРАЛЬ

Как долог день в коротком детстве
(где завтра дальше чем вчера)!
Нередко в нянькином наследстве
копалась девочка с утра.

Сегодня, это знает каждый,
дал нянюшкам свободу царь,
сказала в феврале однажды
она, открывши нянькин ларь.

Вот пуговки из перламутра,
вот карты: дама и валет.
В то важное седое утро
ей было ровно девять лет.

Отец был властен непомерно,
упорен, вспыльчив и суров,
но все-таки и ей наверно
приятен был отцовский кров.

166. ЧЕРНОЛЕСЬЕ

Как плющ, к погребице приклеилась плесень.
Соседей запущенный дом не имел.
Вокруг частоколом легло чернолесье.
На севере лес даже летом шумел.

Был дом средь деревьев как холмик кротовый.
Закрыт и на западе был горизонт.
Но в солнце и в дождь был для всех наготове
бесплатный сверкающий лиственный зонт.

С востока, где слышалось речки теченье,
все было заброшенно, пусто, мертво.
Все было засадой. А на развлеченья
отец не давал им почти ничего.

И только широкий и солнечный луг,
вздымаясь до самой черты небосклона,
где синее резко сливалось с зеленым,
указывал им направленье на юг.

167. КОЛОКОЛ

Имелся колокол при доме,
затерянном в лесной дыре.
Звонил он вечером и кроме
того — на утренней заре:
для тех кто заблудился в чаще,
для странников — друзей ходьбы,
и для охотников, но чаще
для девок, ищущих грибы...

А Верочка была вострушкой,
тузила брата сгоряча,
и с недоеденной ватрушкой
каталась по полу рыча.
Под дождиком, остаток куклы
в траве оставив нагишом,
неповоротливые буквы
печатала карандашом.
Она искала то что скрыто,
игрушки обрекла на слом,
и через пруд вела корыто,
гребя лопатой как веслом.

168. ВОПРОС

А после школы Вера эта,
в глухую кофточку одета,
связав муаром цепи кос,
искала в чтении ответа
на мучивший ее вопрос.

Все тот же он: как быть, что делать,
как стать полезною другим,
как отыскать венец для дела
и цель стремлениям благим.

169. КРАСНАЯ ЛОЖА

В Казани, снежною зимою,
из красной ложи с бахромою
      глядела Вера на балет.
И вскоре, не предвидя драму,
она бесстрашно вышла замуж
      в деревне, в восемнадцать лет.

С мировоззреньем ей враждебным
был следователем судебным
      ее честолюбивый муж.
Она ж хотела стать полезной,
работать в школе безвозмездно
      и жить средь деревенских луж.

Пред тем (скользя по воску зала)
она от дядюшки узнала,
      что в светской жизни много лжи,
что у голодных нет ни крошки,
и что равны ее сережки
      ценой — пудам с полсотни ржи.

В зеленой шляпке, в юбке долгой,
она нашла тогда за Волгой
      неприхотливое село,
где берег был в траве и в кашке,
и где дитя в худой рубашке
      десятка два коров пасло.

170. ТОПНИ-НОЖКОЙ

Не балованная с детства,
чтившая семьи устав,
получившая в наследство
от отца упрямый нрав,
та, что звали *топни-ножкой*,
ворошила баб тряпье,
кадки с мерзлою картошкой,
мертвое житье-бытье.

171. ЖЕЛЕЗНЫЕ ГЛАЗА

Все ли вспомнили то время
(время дедов и отцов),
дни, когда студентов племя,
двигаясь со всех концов —
с пением, с любовью, с верой
и с надеждой шло в народ,
по примеру ***ФИГНЕР ВЕРЫ***
твердо шествуя вперед...
В сумерки плывя по Волге,
дуя дымом в небеса,
пароход со свистом долгим
двигал поле и леса.
Фея, жившая работой,
покидала темный брег,
мир с мужицкою икотой,
лужи, зубища телег.
У красавицы лекарки
на браслете бирюза,
запись в книгах без помарки —
и железные глаза.
Каждый житель деревенский
Вере Фигнер слал поклон,
и писатель Глеб Успенский
в эту Веру был влюблен.

172. СЛЕЗЫ

В сырой избе, что называлась въезжей,
она открыла фельдшерский покой.
К ней рвался люд. Денек еще чуть брезжил,
но здесь уже нарушен был покой.

О ноги стариков — ходули цапли,
о рубища со вшами в каждом шве,
о слезы Веры, льющиеся в капли,
и сердце, бьющееся в голове!

173. ОТРАЖЕНЬЕ

Всю ночь я вижу крест оконных рам,
чудесное в паркете отраженье.
Не потому ль мне снится по утрам
лицо ее с небесным выраженьем?

Откуда у нее берется вдруг
такое неземное выраженье?
Над нею появился полукруг.
Но может быть он тоже отраженье?..

174. РЖАНОЕ МОРЕ

С мечтой и с твердостью во взоре,
с запасом книг и порошков
вошла она в ржаное море
непроходимых мужиков.

Пусть поле пугалом кивало —
вдали от светской кутерьмы
дворянских девушек немало
тогда боролось с властью тьмы.

Они тащились на возах,
трещавших как кора в арбузе,
с рассветным пламенем в глазах,
с крестом карминовым на блузе.

Смяв доски будок полосатых,
бурливой доблести полна,
в конце годов семидесятых
пошла девятая волна.

Взнесенная волною пенной
и дело предпочтя молве,
в те годы Вера несомненно
была движенья во главе.

В том зданье, где в теченье года
бывали сборища не раз,
имелись бани — для отвода
чрезмерно любопытных глаз.

Найдя жандармов с добрым взором,
одна стараясь за троих,
разносторонним разговором
улещивала Вера их,

обычно мякнущим от чая
служакам с толстою спиной
для передачи назначая
свиданье в чайной иль в пивной.

Копаясь в сокровенной груде
подпольных и подкопных дел,
она приготовляла студень
на взрыв правительственных тел.

Ее судьба — закрепощенье,
щек восковая желтизна.
Ведь двадцать два своих рожденья
встречала в камере она.

175. ГОЛОС

Утро зимнее в подвале.
Вера тает как свеча.
Платье в копоти и в сале
явно не с ее плеча.

Вижу лик ее бескровный,
цветом мертвенней свечи,
и суровый, гордый, ровный
голос слышен мне в ночи:

Чтоб увидеть душу хоть отчасти,
чтоб судить о ней не наобум,
человека делят на три части:
эти части — сердце, воля, ум.

Да, воля впрямь была водоразделом,
поднявшим ум и чувство в нас отвека.
Лишь полное слиянье слова с делом
казалось нам достойным человека.

176. ПОДНОЖИЕ

Лишь сказка кормит медом или млеком
любимого героя своего.
Но трудно в жизни быть сверхчеловеком,
взамен не получая ничего.

Тех кто минуя частную аллею
в общественном находится саду
всечасно уважаю и жалею
за личную несчастную звезду.

Перо обычно пишет о героях,
направленность к высокому любя,
но забывает что вершины строя
они кладут в подножие — себя.

177. СЕРДЕЧНЫЕ БОЛЕЗНИ

Стараясь до высокого дойти
(от косности, лежащей в котловине),
теряя дух средь горного пути,
ты устаешь уже на половине,
душа моя. Быть может для тебя
молчать и плакать было бы полезней?
Но ты не хочешь, ты живешь любя
в себе свои сердечные болезни.
Зачем же ты взяла примером ту,
которая оледеневшей волей
превозмогая проявленья боли,
в себе сплотила страсть и чистоту?
Ведь ты в добре и зле совсем другая,
ведь ты сплошная слабость, дорогая!
Но и тебя (через житейский торг)
ведут две силы: жалость и восторг.

178. ТУМАН

Ночь. Туман. Ограда сквера.
Снег. Фонарный столб в кремне.
В снеговом тумане Вера
неотступно снится мне.

С барской сытостью в разладе
и с застенком впереди —
с сердцем, состраданья ради
перевернутым в груди.

Много зим и много весен,
скажем проще — много лет, —
с волосом входящим в осень,
с волей жесткой как скелет,

с ужасом, с мечтой без меры,
с блеском мужества на лбу —
провела живая Вера
в незакопанном гробу.

179. КЛЮЧ

Ладога белила волны
в день осенний но сухой.
Синий воздух, ветром полный,
желтой шелестел трухой.

В этот день, уже осенний
но еще в лучах тепла,
хрупкая как лед весенний
в крепость женщина вошла.

Северного солнца луч
осветил ей арку входа.
Вознесенный к небу ключ
ей сказал, что нет исхода.

Ключ вонзился. Дверь замкнулась.
И тягучая как слизь
беспросветно потянулась
омертвляющая жизнь.

180. ЯЩИК № 26

Непригляден остров мертвых,
остров, где исток Невы.
Блеклы раковинок створки,
водоросли, клок травы.

Нет здесь синих незабудок,
белогорлых нет гусей.
Только полосы вдоль будок
оживляют остров сей.

Власть зимы здесь непреклонна,
труден солнца поворот.
Туго тает снега тонна
у внушительных ворот.

Здесь вошла она в молчащий
склеп, что выстроила месть,
в залитый асфальтом ящик —
ящик номер двадцать шесть.

181. ТИШИНА

Огромна ночь в застенке без свечи.
Ты вздохом тишины во мраке дышишь.
Прислушайся к молчанию в ночи,
и в нем ты голос тишины услышишь.

Гонима холодом, покрыта тьмой,
неслышней шелеста летучей мыши,
незримая, проходит над тюрьмой
та тишина, которую ты слышишь.

И тех послушай, что сошли с ума
от тишины, распространенной в страхе,
которых ночь (безумная сама)
сжигала в нефтью пахнущей рубахе.

Была их ночь покоя лишена.
Но всех ночей, грядущих и прошедших,
неумолкающая тишина
была страшней мычанья сумасшедших.

182. ПЕРЕНОС

Там где подвал похож был на канал,
где каждый шорох был неждан и важен,
к тому, который больше не стонал,
перед рассветом приходила стража.

Три сторожа с ушами упырей,
летучих трех мышей напоминая,
проносят мимо сорока дверей
полотнище. В нем ноша ледяная.

Что виснет в углубленной простыне?
Кто взят, но не испуган переносом?
Чей профиль отразился на стене
с высокопарным заостренным носом?

Ах, двери из тяжелого ствола
здесь как стоймя поставленные гробы,
а быстро проносимые тела
безмолвны и морозны как сугробы.

183. СУМЧАТЫЙ

Весенний вечер тих и розов.
Тюремный двор угрюм как дно.
Но узник Николай Морозов
глядит по вечерам в окно.

Днем над космической страницей
он гнет старательно ребро,
а в сумке клетчатой хранится
все личное его добро.

Сияет под луною зданье.
Луна бледна, не спится ей.
И заключенного сознанье
томится в этот час сильней.

Как рыба что уткнулась в сушу
он кругло открывает рот.
Луна ему вскрывает душу:
мне кажется, что он поет.

Поет о камне, о начале
основы под своей ногой
и о подпочвенной печали
своей отчизны дорогой...

Быть может он не пел той песни,
но мог бы эту песню петь.
Чертил он круг тропы небесной
и минеральных жилок сеть.

Он — в доморощенной фуражке
(кто шил ее в тюрьме ему?..) —
пил чай из оловянной чашки
и как зрачок берег суму.

Ее и летом и зимою
хранил он тщательней всего.
За неразлучность с той сумою
прозвали сумчатым его.

184. ФАКЕЛЫ

В строенье над истоком невским,
в тюрьме что выстроил карел,
народник Михаил Грачевский
зловещим факелом горел.

Тяжеловесна дверь из дуба,
насилья выражение.
Пред ней — жандармов топот грубый,
за ней — самосожжение.

Гуляет Ладога над глиной,
над пустырем, где без следа
зарыты на косе недлинной
невоплощенные года.

Останки душ огнеупорных
тех героических времен
истлели возле струй озерных
без насыпи и без имен.

185. ДЫМ

Послушные назначенной судьбе,
поднявшись духом точно дым в трубе,
они дыханье отдали борьбе
и в нашей памяти воскреснуть вправе.

Пусть павшие во имя сил благих
за счастие голодных и нагих —
среди других портретов дорогих
пред нами встанут в золотой оправе.

186. КОТЕЛ

Страна была тогда подобна
уже бурлящему котлу.
Трещали пулеметы дробно,
и многое пошло ко дну.

Мастеровой с разбитой честью
(еще не жившее лицо)
из тощих городских предместий
шел на хозяйское крыльцо.

Над царством тучи нависали,
японцы русских гнали вспять.
Над письмами тогда писали
год *девятнадцать, ноль* и *пять*.

В быту того большого года
жандармское звучало п л и!
И вспомнили друзья народа
тех кто до них в народ пошли.

Той знаменательной зимой,
усталые как богомольцы,
последние народовольцы
расстались с каторжной тюрьмой .

187. СПИЦЫ

В многоголосом хоре голоса
охвачены всегда одним дыханьем.
Так держит обод спицы колеса,
так кузница следит за полыханьем.

Мое волнение течет как сплав
металлургический — сплошной и жгучий,
но эта повесть состоит из глав
и медленно взбирается на кручи.

И все ж одушевленная весной
летит моя повозка по ухабам —
навстречу логу с ягодой лесной,
навстречу северным бадьям и бабам.

188. ГРУША РЫБИНА

Полдень крепко пригревает кочки.
Май раскинул свой цветной товар.
Груша Рыбина в цветном платочке
третий раздувает самовар.

Рыбина — степенная поморка.
Стан ее упруг, высок и прям,
и хрустят на ней в кумачных сборках
сарафаны по воскресным дням.

Это происходит в месте ссылки,
в Ньоноксе. О северный посад,
где в деревьях ледяные вилки,
и где невидаль — фруктовый сад!

Яблок здесь на севере не видно.
Груши все ж бывают иногда.
Грушу не пугает очевидно
ветр и ледовитая вода.

Снежен вечер. В виде привиденья
белая меж тучами луна.
В солеварне белые строенья.
В Белом море влага солона.

Не сладка на севере погода:
с моря дует ветер, все дрожит,
и на берегу почти полгода
якорь меж сугробами лежит.

Здесь застыл изогнутый, ползущий
ствол, напоминающий змею,
и невзрачный домик, берегущий
героиню бедную мою.

Зиму в ссылке, в неуютном месте,
где был дружен с вьюгою мороз,
провела и Вера Фигнер вместе
с другом — с Александрою Мороз.

Все сшивалось там из рыбьей кожи,
все промерзло хоть один разок:
и возок, на утлый челн похожий,
и челнок, похожий на возок.

Груша Рыбина умна едва ли,
но не ей ли отводить беду?
У нее недаром составляли
имя и фамилия — еду...

Луч заката пригревает кочки.
В них цветной красуется товар.
Груша Рыбина в цветном платочке
пятый раздувает самовар.

189. СПЛАВ

Лишь во сне горжусь я силой воли,
красотою — в совершенной мгле.
Я — смешеньем сахара и соли,
странной смесью гордости и боли
отмечаю путь свой на земле.

Вера мне ничем не отвечала:
все в ней из другого вещества.
Более чужой я не встречала.
Но нашла и общее начало
я у чуждого мне существа.

Рассказала я немало, в общем,
о герое (разницу кляня).
Пусть теперь об этом — нашем общем —
мой герой расскажет за меня.

Да, я казалась твердою как лед.
Я не ждала спасенья ниоткуда,
живя как в келье годы напролет
с душой воительницы одногрудой.

Сердца холодных женщин не легко
в горячее приходят состоянье,
но мысли их, кипя как молоко,
любое заполняют расстоянье.

Сильна во мне холодная струя,
мой взгляд на мир, поверьте, не умильный.
Так отчего же восторгалась я
когда подала на завод плавильный?

Описывать его я не берусь.
Но обогнув грохочущее что-то,
увидела я вдруг железный брус,
который пламенем был обработан.

Скользил металл на приводном ремне.
Еще пыланье в глыбе не угасло —
и что ж? ее разрезали при мне,
как режут плитку сливочного масла.

Вот мысли каждой амазонки (вслух):
Чтоб можно было наше сердце резать,
старайтесь прежде привести наш дух
к составу размягченного железа...

Тут героиня замолчала вдруг,
и снова автор повесть продолжает.
Но не пора ль ее закончить, друг?
кровь стынет, а бумага дорожает.

190. ЭДЕЛЬВЕЙС

От героизма тянет холодком:
не влажной стужей низменных кувшинок,
а благородным воздухом вершины,
украшенной единственным цветком.

Изысканный по форме и по цвету,
теплом не избалованный цветок!
Неправы те, кто привлечет к ответу
тебя — за твой высокий холодок.

191. ЗАКАТ

Не помню — в Нарве или в Риге,
зимою (между школьных лет)
в одной народовольной книге
я видела ее портрет.

Она была на нем подростком
в косынке, вязанной перстом,
с губою нежною и жесткой,
с уже намеченным крестом.

Деревья крепостного сквера
и длинный двор того жилья,
где столько лет томилась Вера,
осматривала в детстве я.

Мне снится сон: решетки окон,
граниты стен, свинец Невы,
и тумбы пред чугунным блоком,
и муть рассветной синевы.

Крылатый конь парит при этом
недвижно за плечом моим...
Так, на рассвете став поэтом,
останусь до заката им.

192. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Живу я на чужбине четверть века
и научилась в этой стороне
искать в герое просто человека,
геройское оставив в стороне.

Когда весною свод большой и синий
горит над сводом тюрем гробовых,
слабеет сердце даже героини
как сердце женщин самых рядовых.

О героине, двадцать лет прожившей
в застенке, омываемом Невой,
но все же о любви весной тужившей,
ломавшей кисти рук над головой,

о той кто проявляя силу внешне,
внутри почти неслышно голосил,
кто жил не принимая жизни здешней —
старалась я сказать по мере сил.

193. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перо, прости меня: хотела
сказать я о судьбе других,
гореть для чуждого удела,
героям посвятить свой стих,
понять былого голос вещий,
и к прошлому подняв глаза
про исторические вещи
с настойчивостью рассказать...

Но я одну себя посредством
других ищу. Как ни пиши —
герой мой для меня лишь средство
ко вскрытию моей души.

UNCOLLECTED POEMS

194.

Нет весной на свете лишних: радость всякому!
Всех дурманит сладость вишни одинаково.
Вишня скидывает звезды, ветви двигая...
И у нас в глазничных гнездах две звезды горят.
Пусть решетками ресницы прикрывают их, —
сердцу, страннику, не спится в стуках маятных.
К небу, где в ночи скитальцы — звезды маются,
смертный пятилистник пальцев поднимается.

1923

195.

Что ни вечер, лунный плуг
роет неба лоно черное,
и ложатся в тихий луг
звезд развеянные зерна.

Но взойти им не дано:
ранним утром клюв петуший
за зерном клюет зерно, —
зреющие зерна рушит.

Но зато в гумне сухом
выскочат зерна червонцы...
и голодным петухом
кинется в солому солнце! —

1923

196.

Вдруг Октябрь спрыгнул с брички
у глухой голубой горы,
и в веселой перекличке
заработали топоры.

Молоком деревянное мясо
окропляло каждый стук,
но казалась пьяным плясом
судорога зеленых рук.

Долго ухала трясина.
Все, что веком бор копил,
распласталось древесиной
под щербатым пеньем пил.

Поднялись горбом стропила,
костью выстругали порог.
На дебелый бок опилок
распаленный плотник лег.

Удесятеряйтесь силы
хлопотливого аиста,
и личинки в пнях осины
не посмеют сна искать.

1926

197.

Только ночью скорби в Сене
сон постели постилает.
Днем Париж в воде осенней
как Сан-Жен сады стирает.

Где-же тот Наполеон,
коего хоронит ельник?
В чисто вышел поле он
ветром править сабли мельниц.

Лавка в грядах солнце выкрав
озадачила прилавок,
и светило — желтой тыквой —
звеньем сдач стяжает славу.

Утром дождь в отрезы окон
бьется как в стеклянный зонтик,
рыжей белошвейки локон
размотав как флаг на фронте.

А в обед фронтоны дворцов
великолепный пьют озон:
вроде палочных леденцов
шацинт сластит газон.

1926

198.

На канте мира муза Кантемира
петровский желчью защищала бот.
И желтый сыр, вися над Чудью сирой,
рябил черновики его работ.

Ни Кант, неотразимый головастик,
ни даже голенастый Галилей,
не в силах были желтый контур застить
извилинами мозговых лилей.

Ордой к баллону на поклон, герои!
Он, путешествуя в кругу небес,
дрожит на заступе. И роют рои
сырье, и пнями истекает лес.

Ему лишь ветр препонит, забияка.
Но он, отменно цепеня эфир,
без смены мерит знаки зодиака,
и в знак того — звенит внизу цыфирь.

1928

199.

Нудно. Туча точит лист,
ржой стекая в жесткий жолоб,
и безсонница, о глист!
разъедает мрак тяжелый.

Бродит жар походкой валкой.
Шасть к кровати! Липнет к ней,
и над каждой черной палкой
никнет шарик никельный.

Вздрогнул слуховой верстак:
стружками покой наполню,
и сойдет на мой костяк
света экстренный подсолнух.

Хорошо, что ты, мой Бог,
и на север гонишь лето.
Черновой цветишь порог
рьяным и медвяным цветом.

Бодро ищет леший дед
в прошлогоднем мху морошку.
Даже нищему в обед
солнечная с солью ложка.

Все прямей палящий посох.
Что ни слово по весне,
что ни корень на откосах
стонет, как кулик во сне,

бьет рубанком — иноходцем
в доски. В них не слышишь треска,
но страданьем тес натрется
до невиданного блеска.

1929

200.

Кровельщик зубцы заклепок
ловко вбил в известку стен,
что-б дождей весенних ропот
шел вдоль жестяных колен.

В школе палочки и дуги
вдоль бумаги мчатся вскачь
в синь, где оголтелый флюгер
флаговый трясет кумач.

Можно-ль в ряд построить строчки,
коль стрекочут провода,
и брильянтом скачет в бочке
облаковая вода?

Полно пене биться в камень:
влей-ка в лейку! Жесть тесна,
но взойдет над черепками
на оконниках весна.

1929

201. ЦЕРКОВНЫЕ СТЕКЛА

По лужайкам Нормандии яблонь идет чередою,
по витражам — сиянье, страданье небесных послов.
В сердце яблок заложено семя нежданной звездою,
в нашем сердце заложено бремя несказанных слов.

Долго сердцу немыслимо в собственном соке вариться,
скоро, сердце, тобою совсем переполнится лоб.
Это может быть в первом изгнанье о нас говорится,
это может быть первое яблоко гонит нас в гроб.

Вот качается плод, называемый белым наливом,
вот срывается он и пленительно падает вниз
на карниз, где Адам и жена его жмутся пугливо,
треугольным листком создавая подобие риз.

О тяжелые роды, о тяжкие своды Руана,
музыкальные храмы, донашивающие крест.
Над холодной эмалью — служанки, встающие рано,
дождевые погоды и жирные воды окрест.

И обилие памятных мест. Ничего не считая,
не гуляя почти и почти что совсем не дыша,
лишь однѣхъ похорон поучительный звон почитая,
продолжительно к праху готовится наша душа.

1937

202. ВОЛНЫ

Есть подушки от удушья,
есть воздушные ключи.
Где же щит от равнодушья,
где твои, душа, врачи?

Мы заламываем руки:
с чем идем мы в белый свет?
Дан нам голос на поруки,
что же мы даем в ответ?

Горло, сжатое от жажды,
отдаем мы вам живьем.
Пожалейте нас: не дважды
мы на свете сем живем.

Ходят волны за волнами,
ищут ложа между скал.
Строчку, сложенную нами,
хоть бы кто-нибудь искал...

Хоть бы кто-нибудь измерил
много-ль крови у послов.
Хоть бы кто-нибудь поверил
страшной правде этих слов!

1939

203. ПАСТУХИ

Дает заря в горах старинную картину,
вершине воротник из облака кроя.
Не в силах я любить долины середину,
глазам моим нужны одни ее края.

Там вижу я цветы возвышенных растений.
За Эдельвейсом вверх идут слова стихов.
Но смогут ли слова дойти до сновидений
невидящих себя блаженных пастухов?

Играйте на дуде, на палочке с дырою,
отсутствующий взгляд вперяя в небеса.
Для вас небесный свод стал родиной второю,
и слышите вы там свои-же голоса.

На синей высоте заря рождает розы.
Но розами цветет не только высота:
таким цветком встает гармония из прозы,
а без нее, увы, и высота пуста.

1946

ЭПИЗОДЫ

(Детство Некрасова)

204. ЧЕРТИ

На славу натертый мочалкою в бане,
с пузырчатой шапкою на волосах,
он утром узнал от всеведущей няни,
что ночью нечистые ходят к ним в сад.

У няни меж пальцами бегает спица;
как нитка, душа хлопотуньи проста,
и черного чорта седая боится
наверно не меньше, чем черти креста.

В тот день голубой и по облику летний,
однако, на деле дышавший весной,
решился бестрепетно четырехлетний
отправиться ночью на бой с сатаной.

Являя пример немоты и упорства
(скрыв темную тайну, но глазом блестя),
как рыцарь, к полночному единоборству
с утра неотступно сбиралось дитя.

Отец был в то утро заметно в ударе,
и все-ж, как обычно, скрывался в нем бес:
был день мясопустный, но ветреный барин
поехал со сворой в болотистый лес.

Надвинулся сумрак. Рояльные свечи
привычно внесла крепостная рука,
и в зале зеркальная встала доска,
чтоб с мамой вести музыкальные речи.

Как странница, села луна на пороге.
Дом заперт. Но лунная полночь ясна...
И с длинною тенью короткие ноги
скользнули в большую траву из окна.

Луна поднялась и дошла до сарая,
где ночью владенье одних лошадей.
(Здесь утром бранился папаша, карая
своих молчаливых дворовых людей).

В ограде зияет калитка. За нею
цветочные звезды черешен и слив.
На пальцах вошел он в ночную аллею,
запасы отваги в себе распалив.

Спит топотный флигель, где вечные свадьбы
с бряцаньем монист, серебра и ключей...
И только в саду, украшеньи усадьбы,
немолчно играют семь шумных ключей.

Вот скошенный мостик с березовым скрипом,
во шест молчаливо несет в вышину
избушку скворца. Там, за банею — липа,
к которой привязывал барин жену...

Дитя в долгополой рубашке обходит
глухие дорожки, бугры и кусты,
но даже в укромных углах не находит
врагов милосердия и чистоты.

Дитя! не на лоне садовой природы
скрываются черти, от коих беда:
пустые сердца человечьей породы
бывают вместилищем их иногда.

205. БОЛЬШАЯ ДОРОГА

Зимний вечер в усадебном доме
опишу я: знаком он не всем.
Спят ребята за сетками, кроме
Николая, которому семь.

Даже в детской дрожит занавеска
от сапог и бильярдных тростей...
Это папенька пробочным треском
веселит запоздалых гостей.

Не спалось Николаю в те ночи.
Как большой он следил из окна
за паденьем тех трепетных клочий,
что вытряхивала вышина.

Смутный страх в этой детской душонке
наростал, как под снегом карниз.
И нередко в одной рубашенке
он спускался украдкою вниз.

В зале — дым и лепные голубки,
бой кукушки дошел уж до трех,
но сновали дворовые юбки,
где по ситцу рассыпан горох...

Барский дом выходил на большую
столбовую дорогу. По ней
перед святками ездили в Шую,
накаляя полозья саней.

Шли хмельные (конечно, углами).
Бабы с яйцами шли на Святой.
Шли колодники, бья кандалами,
по укатанной плоскости той.

За шеренгой макушек колпачных
шел конвой, отбивающий такт...
Это был завывающий, мрачный,
знаменитый Владимирский тракт.

Мальчик часто смотрел на дорогу
(от волненья расширив зрачки),
как клейменные двигались в ногу,
задевая ограду почти.

Он не верил, что в выжженных кожах
не лежит за душой ничего:
эти люди, с ушами в рогожах,
увидали однажды его.

На снегу у господского дома
(как бывает в воскресные дни),
от бутылок осталась солома,
и ее собирали они.

Было утро. Багровое солнце
говорило о том, что зима,
и пред каждым ослепшим оконцем
снеговая блистала кайма.

Но к соломенной мерзлой охапке
подошел вдруг с игрушкой в руке
человечек в барашковой шапке,
в жарких валенках и башлыке.

И старик с головой безобразной,
позабыв, что дорога лиха,
из-за пазухи тощей и грязной
вынул прянишного петуха.

Он его в рукавице рогожной
(не имея во что завернуть),
положил на снежок осторожно
и с другими отправился в путь.

Продвигались железные вязи
на тяжелых, на рваных ногах...
Стыли ноги и в лужах и в грязи,
но особенно ныли в снегах.

Падал снег, наметая сугробы,
все крутилось в сырой полумгле.
Для бессрочных готовились гробы
в ненасытной сибирской земле.

206. ДИЧЬ

Осенний лес высок и черен,
уж нет в нем золотых частиц,
и на рассвете, вместо зерен,
дробь попадает в горло птиц.

Войдите в этот лес. Давно-ли,
склоняя крепостные лбы,
босые девки поневоле
сюда ходили по грибы?

Недалеко от Ярославля
быть может и сейчас есть лес,
где (позже город свой прославя),
когда-то шел ребенок без

забот, без ранца и без шапки,
но со стволом, дававшим дым,
и радостно держал за лапки
дичь, окровавленную им.

Внимательно меж пней и кочек
(пройдя через простор с овсом),
шел — знающий чего он хочет —
десятилетний мальчик с псом.

Устал он — лишь глаза остались —
но был на егеря похож,
и в ягдташе его болтались
дробинки, яблоко и нож.

Была стрельба его не шуткой:
блистало тускло, как опал,
в лощине озеро — за уткой
гонялся он, и в цель попал.

Свинцом пробил он птичье темя —
с утра удачею ведом...
Но было озеро в то время
кой-где уже покрыто льдом.

И пес, не подчиняясь знаку,
застыл на берегу, как пень:
должно быть испугал собаку
ледок, родившийся в тот день.

Побагровел, как под ударом,
верх яйцевидного лица
Николушки — но он недаром
был сыном своего отца.

По мерзлому поплыл без страху
охотник ростом с боровик.
Крахмалил лед его рубаху...
Но птица с шейкою в крови

(о, не для пищи добыванья!)
уже была меж водных трав:
от страшного соревнованья
со смертью — наконец, устав...

И мальчик сизою рукою
схватил за сизое крыло
комок с живым еще теплом,
с уже предсмертною тоскою.

207. ПРОБУЖДЕНИЕ

Он стоял в этот полдень над тихой и солнечной Волгой,
прочитав, как всегда, свой букварь от доски до доски,
в картузе и в веснушках, в рубахе посконной и долгой,
и с душою исполненною безотчетной тоски.

Тихо гнулся помост, голышами и грунтом зарытый,
тихо плыли баржи, нагруженные плотным зерном.
Были окна гауптвахты на юг и на запад открыты,
лишь одно со стеклом: зайцы солнца скакали на нем.

По окраинной улице с подслеповатым оконцем
за конями на ярмарку с гиком проехал ямщик.
(В эти душные дни с безответно сияющим солнцем
у извозчиков шея и волосы жирны, как щи...)

Шли телеги чрез площадь к трактиру с вонючей клеенкой.
Чуть кружились на крышах прибрежных домов флюгера.
И расшива, под пение сродное с волжской сторонкой,
и сегодня вдоль берега шла на вожжах, как вчера.

С размочаленной лямкой, с крестом, с ломотою в лопатках,
с голубыми ногами в лохматых и потных лаптях,
с выпирающим глазом — до одури и до упадка —
проходили те лошади-люди, всем телом кряхтя.

От помоста, где млели две лодки на белом причале,
где лениво тянулась и вправо и влево вода,
приближались к ребенку напевы труда и печали —
песнь артели, питающей солнечные города.

По пескам и по щебню тащились певцы ломовые,
оседая под тягой давно опостылевших уз.
От широкой, глубокой и долгой их песни впервые
мальчик понял, с каким напряжением двигался груз.

Он стоял у лабаза, пред дверью сколоченной криво.
Там у тумбы (где раньше виднелась подвода с овсом),
с закатившимся взором, уже неземного отлива,
погибала ворона, придавленная колесом.

Вдруг один из певцов подошел к изувеченной птице,
с хрипом дух перевел перестав поясницу тереть,
и сказал пареньку (что стоял со слезой на реснице),
что хотел бы, как ворон, он в эту-же ночь умереть.

Он с мякиной в кишках над обильною Волгой работал,
торгаши кулаком угощали его сгоряча,
изошла его сила усталостью, кровью и потом,
и за это грошу он название дал палача...

...Николай прибежал в этот вечер к отцу и к мамаше,
позабыв медяки и картуз на прибрежном песке,
и поняв, что нередко уход в равнодушие страшен,
и что правда находится лишь в разделенном куске.

Париж, *январь 1947* г.

208. ТУМАН

Ты — с которым я даже во сне объясняюсь на Вы —
ты относишься к тем, у которых беспочвенны души.
Ты быть может составлен из тканей подводной травы,
той, что плавала до отделения влаги от суши.

В том пространстве, где зыбью покрыты гнилые ростки,
мне для сердца опорою кажется даже замшенность.
Но, скользя безответно за грани земли и тоски,
ты уходишь сплошною туманностью в опустошенность.

Отстраняя тебя и опять над тобою скорбя,
я — на скудной земле (без дождя не рождающей злака).
Но такая земля откровенно впитает тебя,
если вдруг и тебе над собою захочется плакать.

1953

209. ВОДА

Луна, покинув пригород в цвету,
неслышно приближается к уроду,
который майской ночью на мосту
стоит и смотрит на речную воду.

Он только что со скрипкой говорил,
и смутному отдавшись тяготенью,
застыл у неподатливых перил,
одолеваемый верблюжьей тенью.

Как мало равновесья изнутри
в хребте его, немного слишком веском,
когда он лунной ночью, в два иль в три,
висит над влажной тусклостью и блеском...

Его смятенье выдано струной.
Как вкрадчиво весна томит калеку!
Весной вода беседует с луной
и заливает губы человеку.

1956

210. ПРОСТОТА

Внимая лишь серебряной трубе,
лишь журавлям, летящим мимо, мимо —
такой, уже не помня о себе,
забудет даже собственное имя.

Юродивый над нивой не кружит.
Он любит луг, кусаемый овечкой:
пока на жадном солнце он лежит,
вся жизнь его сгорает желтой свечкой.

Друзья, не наступите на него:
он скрытен, точно гусеница в мае.
Он может быть не знает ничего,
зато должно быть много понимает.

Идет ли дождь иль зверь — не все ль равно:
такая мудрость учит и ученых.
Он заменяет мясо и вино
жеваньем слив и яблочек моченых.

Закутанный в овечий свой наряд,
не шевеля ни мыслью, ни рукою,
зимою предается он покою.
Завидую ему я многократ...

Но что же? мне соседи говорят,
что и сама я сделалась такою.

1956

211. ОБЛАКО

Вода, вставая утром из русла,
питает облако своим туманом.
Туман, что через жизнь я пронесла,
и не был и не может быть обманом.

Туман, слезою капая из глаз,
быть может продолжает то движенье,
тот начатый за облаком рассказ,
которого конец есть возвращенье.

Пусть дождь идет, туманное звено
то снизу вверх, то сверху вниз сдвигая...
Конечно, эта жизнь идет на дно,
но, кажется, за ней встает другая.

1956

212.

Две у людей, а у зверей четыре
стопы, но с давних пор узнала я,
что у иных в трехмерном этом мире
бывают пятистопные друзья.

Входящие в уверенные строчки
с гуденьем, приливающим к вискам,
они проходят не по нашей почве,
а по иным каменьям и пескам.

И поднимаясь в облачное зданье,
туда бесстрашно вводят за собой
тяжелое двуногое созданье,
к которому приставлены судьбой.

1958

213.

Существуя без гроша,
без наружной позолоты —
лишь плодом своей работы
ты жива, моя душа.

Ты узнала с давних пор,
что любившая когда-то —
в сущности всегда богата
как любой монетный двор.

Мечется (совсем как я)
по артериям и венам
не привыкшая к изменам
кровеносная струя.

Но она поможет нам,
настоящее нашедшим,
дать отчет во всем прошедшем
будущим предсмертным дням.

Да, конечно, только кровь,
что томленья не забудет,
самой точной рифмой будет
к слову смутному „любовь“.

1958

214.

Ступая по земле довольно твердо
и рассмотрев природу с двух концов,
я вижу, что застенчивость и гордость —
подобие сиамских близнецов,
что стыд и грех — одной и той же масти,
что в жизни (заостренной до основ),
где ищем мы не сказочного счастья,
а попросту сердечного участья —
осталась нам одна лишь правда снов.

1958

215.

Воспоминанья и мечты
как пленка впитывают прелесть
того, чем с жизнью связан ты,
того, что было в самом деле.

То, что существенней всего,
что крутится на первом плане,
что крутит нас как колесо —
воспринимается в тумане.

Когда действительное (вплавь)
несет к истоку ткань живую —
я покидаю жизни явь,
я призрак, я не существую.

Слользит как сон для наших тел
событий явственных теченье...
Но где-то есть такой отдел,
где сохранятся ощущенья.

Так в бывшем явное порой
встает живей чем в настоящем,
напоминая о второй
поре — о яви предстоящей.

1958

216. РУКА

Не разбираясь в бронзовом товаре,
я попытаюсь рассказать о нем:
о той руке, что стынет на бульваре —
на северном бульваре, на Страстном.

Бывает пясть из мрамора и меди,
из бронзы, не имеющей страстей...
Одна из них на дружеском обеде
была живой — из мяса и костей,

чтоб кровью напоенная здоровой,
зимой не застывать как истукан,
а трепетать на стане Гончаровой,
с приятелями поднимать стакан,

снимать нагар с мягкосердечной свечки
и, выпустив неверный пистолет,
упасть на белый снег у Черной речки...
но в бронзе встать для нас чрез много лет.

1959

217. ВЛАСТЬ

Судьбою нам дано сверх сил заданье:
поставить сердце — с головой в борьбу.
Но слабость для тебя не оправданье,
душа моя! Пытай свою судьбу.

Тебя гнетут молчанье и беседы
(приходится стонать в бессилье всем),
ты устаешь от тяжестей победы,
ты в тупике... но все же не совсем.

В изнеможеньи, в каплях испаренья,
ты от любви ослабла, может быть.
Но чтобы ты устала от боренья
за власть свою — того не может быть.

1965

О ГОРОДЕ И ОГОРОДЕ

Это был город музыкальных лавок и старых дев. Девы были музыкальны, а лавки старомодны, так что с тем же успехом можно бы сказать, что это был город музыкальных дев и старых лавок.

Самая длинная улица города была одновременно самой кривой. Начинаясь у площади, где в базарные дни стояли оглобли деревенских телег, она кончалась у гавани, где двигались трубы океанских пароходов.

Здесь вдоль булыжной набережной текла мутная бутылочного цвета вода, и мучные лабазы чередовались с угольными складами. Летом беловатые камни лабазов покрывались черной пароходной копотью, зимой на черные угольные дворы стелилась снежная пелена. Все шло рука об руку и приятно дополнялось одно другим.

В один еще зимний, но уже весенний день, когда шедший с неба снег падал на землю дождем, проезжала на последней зимней колеснице первая корсетница города Розалия Зонтаг.

Еще в прошлое воскресенье эта наделенная праздничной фамилией особа деловито стояла у кухонного стола. Нос ее напоминал картошку, щеки были как два бурых бифштекса. По воскресеньям она аккуратно покупала такие же бифштексы в колбасной и мясной фрау Гертруды Эдем. Летом перед красной пастью лавки прыгали два тщедушных близнеца Адам и Эва. Оба были в передниках с крылышками и разнились только тем, что у Эвы мотались над спиной две морковные косички. Эта райская детвора отличалась адским характером и при приближении первой ученицы второго класса — долговязой Мальхен — неизменно напевала: „Раз, два, три, четыре, пять — вышла выдра погулять“.

Теперь Амалия шла за гробом своей матери. В отороченном лебяжьим пухом драповом пальто с золотыми пуговицами она чинно выступала по грязной мостовой. По правую ее руку медленно шествовала тетка отца, продавщица из фортепианного магазина, по левую — дядя матери, бывший барабанщик. Амалия Зонтаг с детства окружена была музыкальной атмосферой.

В младенчестве, перед тем как заснуть, она слушала мелодичный

звук музыкальной шкатулки. Весной в неровные окна вместе с запахом гнили и смолы входило гармоничное дребезжание шарманки. Когда, в люстриновом школьном фартуке, Амалия готовила уроки, в испещренной мухами столовой ритмично тикал маятник. Все было скромно, но прилично... Так, постепенно, Амалия Зонтаг стала учительницей музыки.

Она стала одновременно и героиней небольшого литературного произведения.

Когда герои попадают к автору с богатой фантазией, он, ведя их за собой, устраивает им судьбу запутанную, полную любовных и иных потрясений. Но горе героине, находящейся у сочинителя, лишенного воображения. Вместо того, чтобы вести ее туда, где с ней могло бы произойти что-нибудь необычное, он пассивно следует за ней, описывая только то, что действительно с ней происходит.

Амалия сама заставила автора оставить ее навсегда в засыпающем и засыпаемом песками прибалтийском городе, наделить ее испанскими глазами и несоответственным лапландским носом, одеть в бумазейное платье и посадить на дубовый подоконник с видом на булыжный фундамент и черепичную крышу аптеки напротив.

Очкастая акушерка, подхватившая подол домодельной юбки, осторожно ступала между выбоин панели, глазастой от округлых луж. В окне, направо от замшелого аптечного крыльца, сверкали три разноцветных шаровидных сосуда. В окне налево двигалась белесая и конусообразная голова аптекарского ученика.

В то время как тощий, преданный фармацевтической науке юноша растирает у стойки целительные порошки, в спальне за аптекарским складом умирает от неизлечимой болезни жена одутловатого провизора.

Вдоль провинциальных домов проходит губитель женских сердец — врач по женским болезням. Проходит стекольщик — обладатель алмаза и козлиного голоса. Проходят грузчики. Проходят годы...

Над тихими улицами музыкального города опять идет дождь. Правда, он не столько идет, сколько падает — плоской струей из круглых труб, круглыми каплями с плоских карнизов. В старых садах он образует в глине дорожек овальные лужи. В детских садах помогает детям делать из глины квадратные домики. Он диагональной сеткой протянут между мостовой и облаками.

В аптечную дверь входит смотритель сумасшедшего дома. В саду аптеки слетают с веток сухие, но изрядно вымокшие листья.

Обнаженные ветки угловаты. Такие же руки у отдыхающей от музыкального дня фрейлейн Зонтаг. Она мерно передвигает гладкие спицы. Завтра к ней придут родные праздновать ее сорок третий день рождения. Шафрановый крендель на белом столе и зеленый венок вокруг желтого стула напомнят ей розовое детство. На буфете остывает ревенный компот. По стеклам окон текут слезы. Только когда идет дождь — небо соединяется с землею.

В саду при сумасшедшем доме на земле лежит небесная радуга: она представлена семицветными, рассаженными вдоль дугообразной клумбы цветами. Сюда, в построенный из красных кирпичей желтый дом, ходит в соломенной пупырчатой шляпе Амалия Зонтаг. Она навещает слабоумного племянника. Плоскоголовый субъект с выступающей челюстью и косящими глазами умеет играть на скрипке, но предпочитает ерзать на стуле, отдавая дань своим дурным наклонностям.

Когда ленивое солнце садится в нагретую воду, и благовоспитанные дети встают с похолодевшего песка, Амалия Зонтаг выходит из сумасшедшего дома почти одновременно с настройщиком роялей.

Однорукие сосны кладут на берег лапчатые тени. Учительница музыки с плоскими ногами в белых туфлях и черных чулках старается идти в ногу с настройщиком роялей. Он связан со стихиями воды и воздуха. Его голос глух и доходит к ней, как из водолазного колокола. С черными баками, в черном с крылаткой пальто, он в наступающих сумерках кажется ей капитаном воздушного корабля...

На шевиотовой груди фрейлейн Зонтаг дрожит выпуклая, слоновой кости, брошь. Она состоит из двух неживых, спаянных в вечном пожатии, человеческих рук. А два одушевленных и потому вечно одиноких человека идут на приличном друг от друга расстоянии и говорят о слоновой кости клавиш.

Конечно, он мог бы говорить с ней о другом, посидеть с ней в беседке городского сада или пойти на усеянную консервной жестью и галками поляну, в тот розовый и гулкий, наспех сколоченный сарай, где несчастный цирк давал свои большие представления. Она держала бы его шляпу. Он держал бы ее талию.

Но он держал свой зонтик и церемонно прощался с ней на углу двух пустынных улиц. Этот составитель искусственных аккордов был сверхъестественно робок.

Накануне, как всегда по субботам, Амалия Зонтаг закончила

свою музыкальную неделью уроком у внучки глухого почтмейстера. Красная девочка в синей матроске вводила ее в этот день в ледяную гостиную, и под застывшим взглядом деда, висящего на стене в раскрашенной группе трубачей флотского оркестра, старательно ударяла по белым и черным зубам чудовища.

После этого дивертисмента, вооруженная лиловым кожаным молитвенником, Амалия Леопольдовна шла вдоль длинной решетки к хорошо знакомым воротам. День был, конечно, дождливый. Группа толстеньких старичков, собравшихся под зонтами у дерева, казалась семейкой крупных, неожиданно вынырнувших после дождя грибов.

Вечер медленно окрашивался закатом. Пока вороны поднимались к колокольне, а на музыкальных лавках с грохотом опускались гармончатые ставни, дорожки церковного сада влажно хрустели под сухощавыми ногами музыкальной старой девы. Она равномерно вдыхала пропитанный водой воздух. Черневшие у ограды скромные, но злые старушки посматривали на нее с благожелательством. Никто из находившихся в саду горожан не мог кинуть камень в ее огород...

Зато приземистый, живший рядом с нею владелец огорода кидал иногда камешек в ее сад, вызывая ее на очередное, отнюдь не платоническое, свидание.

LES COQS

Le premier coq se tenait adroitement sur la pointe d'une aiguille. Il se trouvait ainsi au sommet d'un clocher. Le jour il était privé de nourriture, mais par les nuits claires il avait à sa disposition une multitude de graines brillantes. Faisant mine de les dédaigner, il contemplait hautainement le damier de tombes au-dessous de lui.

L'une d'elles abritait depuis cinquante ans la deuxième des six filles du notaire Lecoq. Sa croix étalait aux yeux des promeneurs un prénom païen. Diane Lecoq se conservait pour la postérité grâce à une photo en couleurs. Au-dessous des branches d'un prunier brillaient sur une plaque en émail deux prunelles dures et un cou long et blanc comme un tronçon de bouleau. Un haut rouleau de cheveux noirs surmontait une tête forte aux petites joues vermeilles.

Le coq monté sur la croix communale pouvait avoir des relations oculaires avec Lecoq Diane fixée à sa propre croix.

Le troisième coq demeurait près d'une croix rouge. C'était le coq du village qui exerçait son métier de coiffeur à coté d'une pharmacie. Visage blanchâtre, bague noire au doigt et boutique odorante au fond d'une impasse.

Cette nuit la pleine lune, tenant on ne sait comment dans le vide, éclairait comme d'habitude les paysages paisibles du bourg montagnard. Dans le silence général, seul un filet d'eau qui descendait du plateau ruisselait au niveau d'une fontaine près d'une scierie.

Une lumière d'une transparence liquide inondait la pente du cimetière: des croix ajourées aux reflets nocturnes, des fleurs de perles, des dentelles en ivoire, des clôtures en fer rouillé qui ne tenaient qu'à des chaînes de lierre.

La coiffure émaillée de Diane Lecoq s'allumait sous les traits de la lune. Ses prunelles fixes brûlaient d'un feu insupportable. Une brise fraîche fit remuer le prunier, et les ombres du feuillage imprimèrent sur sa bouche un sourire ironique.

S'élevant au-dessus de la dalle, une couronne en nacre d'une blancheur multicolore montait lentement vers le sommet de la croix. Le rond de fleurs, composé uniquement de lueurs et d'éclats fluorescents, pla-

nait maintenant tout horizontal, libéré de son poids, vidé de sa substance terrestre.

Quittant l'étendue des champs nus, la couronne mortuaire se dirigeait vers les mortels, visant l'un de ceux dont la destinée ne s'était pas encore réalisée dans la vie. La couronne approchait du bourg. En passant devant la scierie elle se heurta contre le réservoir de la fontaine. Au coin de la rue principale elle frôla le bâtiment de la Coopérative, puis portée par un tourbillon d'air s'engagea dans l'impasse.

Une haie d'églantines qui longeait le jardin du contrôleur des contributions indirectes s'agrippa à plusieurs reprises à l'anneau de nacre. Ce jardin ressemblait à son propriétaire: il réclamait sa part de tout ce qui avait une valeur positive. Mais la couronne était privée de sa matière grossière, et les épines même les plus robustes ne pouvaient l'arrêter.

Elle continuait son chemin inexorablement, attirée par l'éclat d'une enseigne: une maison en briques rouges qui barrait l'impasse annonçait en lettres d'or que Sylvestre Cerceau était horloger et bijoutier de son état.

Claire, sa sixième fille, hâve, malingre et vêtue d'une chemise de nuit blanche, se mirait au clair de lune dans le bois astiqué d'une énorme armoire à linge. Elle était pieds nus et tenait dans sa main une plume. Son bras gauche soutenait un ventre qui faisait penser à une lourde boule de pain, abondamment saupoudrée de farine.

Avant de regagner son lit, elle reprenait son journal intime.

Le 6 Septembre

Les filles de chez nous se lavent à fond le samedi soir pour sentir bon le dimanche. Accroupies dans leur baquet, elles ont leur ventre dans l'eau. Moi, c'est le contraire: j'ai de l'eau dans mon ventre. J'en ai trop pour vivre et pas encore assez pour mourir. Quand la lune touche mon ventre, je me lève pour mon petit besoin.

Mon père trouve que j'use trop de lumière, c'est pourquoi les nuits de lune il coupe le courant dans la maison. Les malades n'ont pas le droit d'occasionner trop de frais aux autres. Comme je reste des heures éveillée, ma tante a dit qu'on pouvait très bien se passer d'un chien pour la boutique: la nourriture des bêtes coûte cher de nos jours.

Mon père qui fait marcher les montres n'aime pas que je perde mon temps. Tous les matins je m'asseois à ma fenêtre pour raccommoder le blanc. Je vois du monde dehors. Voici deux ans déjà que je me prépare

à aimer quelqu'un. Je m'appelle Claire; quand j'étais catherinette j'eus une vision. Une femme en noir qui portait sur sa tête un grand oiseau blanc amidonné m'annonça que j'aimerais un ange; il m'apparaîtrait sous la forme d'un homme tout de blanc vêtu.

Tous les jours j'en vois deux: le boulanger qui époussette les miches qu'on emporte chez soi, et le coiffeur qui balaye les mèches qu'on laisse chez lui. J'ai d'abord hésité, mais heureusement j'ai compris que ce ne pouvait être le boulanger. Un homme dont la figure a la couleur d'une brique, comment pourrait-il incarner un ange? Les anges ont la peau blanche comme le coiffeur. Une longue douceur se dégage de lui et s'étire comme la pâte des berlingots à la foire. On dit de lui qu'il ne parle aux filles qu'avec ses mains. Mais quand dans la rue il ne se croit pas observé, il marche les mains derrière le dos. C'est un timide. L'âme des timides est solitaire. Je sens que la mienne s'est élevée grâce à la coiffure étrange qu'il m'a faite pour cette réunion de famille.

Je me suis confiée à lui pour une permanente, et il m'a dit de fermer les yeux. Peu après je vis dans la glace sur ma faible tête une forteresse noire, un grand rouleau de cheveux brillants relevés. "Vous êtes maintenant à peu près comme elle", — me dit-il d'une voix gentille. J'étais heureuse et très étonnée, mais je n'osais pas demander d'explications. C'était une coiffure qui fut remarquée par tout le monde mais qui n'était portée par personne.

Au moment où Claire Cerceau se levait pour se recoucher, la couronne traversait silencieusement la pièce voisine. La visiteuse, entrée par un vasistas, cherchait une issue. Elle passa dans la véranda vitrée et y trouva un carreau manquant.

Elle était maintenant dans la cour, carré verdoyant traversé par deux cordes entrecroisées. Vues d'en haut, les longues chemises et les robes claires qui se balançaient au vent formaient une croix blanche ondoyante. Des bouffées d'air entraient dans les chemises et les gonflaient à l'endroit du ventre.

La couronne errait dans la cour: opiniâtre, elle cherchait un ventre à sa mesure, une proéminence qui serait bientôt à elle.

Une longue robe aux boutons de nacre séchait sur une petite butte. Ce caveau vert gardait les provisions des vivants; mais il était déjà touché par un vêtement destiné au voyage immobile. La couronne s'arrêta au-dessus de la robe bombée par le monticule, descendit, et encercla le centre où quatre boutons étaient disposés en croix. Le ventre saillant remplissait exactement l'intérieur de la couronne. Les pétales et les feuilles rigides miroitaient et semblaient couler sous la lune.

Le clocher du presbytère fit entendre quatre coups. Le coq de la basse-cour près de la fontaine lança son cri nostalgique.

Au sous-sol de la maison qui touchait à la cour Cerceau, le boulanger alignait des couronnes dans son four. Dans la mansarde voisine, le coiffeur dormait sur son canapé étroit et dur comme un perchoir. La nuit, pour faire tenir son toupet, il se bandait la tête d'un petit mouchoir rouge.

De grandes mouches noires aux ventres verts bourdonnaient dans les papiers peints décollés. Au-dessus de la table de chevet, où tombait en poussière un bouquet d'immortelles, se perpétuait la photo vivace d'une morte. L'agrandissement colorié du portrait en émail resplendissait dans un jet de lumière: enterrée depuis un demi-siècle, Diane Lecoq baignait encore dans les flots de la lune.

Les ombres du feuillage qui frémissait devant la fenêtre posaient sur les lèvres figées un sourire de satisfaction. Les yeux durcis regardaient avec bienveillance la crête de coton rouge et la bague noire que portait le romantique coq du village.

Au matin apparut le quatrième coq, celui qui déchirait le silence de la nuit par son chant d'appel. Le coq de la fontaine retournait avec obstination un tas d'ordures ménagères dans la cour. Il piqua de son bec une brillante feuille blanche, tombée de la couronne en nacre. Ne la trouvant pas à son goût, il la rejeta dédaigneusement sur un amas de bois mort.

FLEURS ET COURONNES

C

Voyez comme cette lettre, simple d'aspect, est variée de manifestations.

Un cheval tire un cercueil placé sur un corbillard. Trois mots unis par une double liaison président au transport d'un corps chancelant vers un champ de repos.

Ce jour-là comme tous les jours le soleil se leva au-dessus de la cheminée du chapelier en face de chez nous. Mais la vitrine aux casquettes restait close: le chapelier en redingote tenait dans ses mains un chapeau de ramoneur. Lui et sa compagne courtaude en capeline et casaque noires s'apprêtaient à suivre le char qui emportait la dame d'en face corrodée par le cancer. Un jeune médecin au visage consumé se tenait à la tête du convoi. Cette femme qu'il avait soignée en vain était la sienne.

Les parquets de son nouveau cabinet luisaient de cire fraîche. Elle coulait le long des cierges sur trois chandeliers d'argent. Sur la table en chêne où d'habitude on dressait les couverts se dressait une chose couverte de couronnes. La cuisinière aux cheveux cuivrés fit cuire des côtelettes qu'elle oublia de servir. La nourrice avalait des carottes carbonisées. Les femmes des collègues s'appliquaient des chiffons blancs aux yeux.

Une vieille couturière sanglotait dans un coin et son jabot en dentelle crème sursautait. Dans le couloir les enfants des voisins glissaient sur leurs derrières. A l'abri d'une commode bombée deux cousines se donnaient des coups de coude dans les côtes. Des coups de marteau enfonçaient des clous dans le couvercle.

Une neige coupée de pluie tombait d'un ciel opaque. Les cloches de la cathédrale sonnaient. Une file de corbeaux suivait le cortège. Le catafalque cahotait gauchement au-dessus d'une chaussée pavée de grosses pierres.

On enveloppa trois orphelines d'un seul châle noir et on transporta ce triste bouquet à trois têtes roses vers un chalet en rondins aux abords de la ville. On posa cette étrange gerbe sur le vaste rebord d'une croisée

aux volets percés de cœurs. C'était la petite maison de mes grands-parents. En face s'élevait une construction en pierres de taille où Pierre (le Grand) s'était arrêté revenant de Hollande. Entre ces deux habitations si différentes passa le corps indifférent de ma mère avant de tourner au carrefour du cimetière.

Ce soir comme tous les soirs le soleil se coucha derrière notre cour. On nous mit dans trois petits lits clos. La maison était cerclée d'ombre. Un peu plus tard un croissant argenté perça le ciel, et le clair de lune entra dans la chambre. Les colonnes des lits nickelés s'illuminèrent.

La sentinelle de la caserne commençait sa ronde.

L'heure de pointe

Des amis anglais m'écrivent de temps en temps, je ne leur envoie qu'une lettre par an. Je suis peut-être une femme de lettres, mais non de celles qui en écrivent. Je vais vous confier un secret: je suis une femme d'intérieur, donc plutôt une femme de ménage. Je m'enfonce souvent dans mon for intérieur pour noter quelques remarques d'ordre général.

A Londres, des autobus rouges transportent sur leurs quatre pattes un corps de deux étages silencieux. A Paris, des chenilles vertes glissent avec fracas en exhibant sur leur front un numéro, celui généralement qui ne vous convient pas. A Londres les portières du métro s'ouvrent toutes grandes et toutes seules. A Paris chaque portière doit attendre comme un enfant sage qu'une main d'adulte la mène à gauche et à droite. Dans le métro londonien vous ne voyez pas la tête de vos voisins sans tourner la vôtre. Dans notre capitale, dès que vous vous asseyez vous avez en face de vous une personne dont personne ne vous défend de penser tout ce que vous voulez.

J'ai devant moi une femme que je ne connais pas, je commence à méditer sur elle et sur sa vie. Avec qui la partage-t-elle? A qoui pense-t-elle en tricotant? Elles sont nombreuses les femmes qui tricotent tout le long du trajet, mais chacune a sa vie à elle. Une existence habituellement aplatie comme les fleurs que nos grand-mères sortaient de leur vie et mettaient, séchées, entre les pages de leurs romans.

Je vois au-dessus d'un illustré déplié sur des genoux verts une pelote de laine bleu ciel. Un tout petit bout de ciel bleu au-dessus d'une

pelouse. Cette jeune femme en robe verte possède d'admirables jambes. Aux pieds cambrés, aux mollets longs et durs. Ce n'est pas seulement une personne qui sait danser, non, c'est une danseuse professionnelle. Oui, une danseuse, c'est certain. Mais il y a déjà un moment qu'elle n'a pas dansé, plus d'un an sans doute. L'année dernière elle a été enceinte. Elle a eu un bébé, un garçon probablement. Oui, c'est sûr, puisqu'elle tricote du bleu et non du rose. La rose est l'apanage des filles. Elle doit déjà avoir une fillette, qui porte un nom de fleur, Violette. Le garçon s'appelle Hippolyte. Il aimera les chevaux et il jouera aux courses. Ces enfants sont en nourrice. La nourrice habite la Normandie. En hiver elle rentre les petits au chaud, et ses multiples oignons des tulipes dans sa cave humide.

Le mari de la nourrice est charron. Il ne connaît ni les wagons du métro, ni les autobus, et se méfie des autos tout court. Il possède un cheval pommelé, une simple bête de somme, qui a peur de la ville. Il confectionne des véhicules en bois. Le bois sent mieux que le métal. Surtout s'il tient encore sur ses racines, ses pieds naturels.

Les pieds de la danseuse vont la porter bientôt hors des tunnels souterrains, dans la rue et vers sa maison. Son mari l'y attend en pantoufles, un moulin à café sur les genoux. Ce n'est pas encore un moulin électrique: cette année ils ont déjà acheté un aspirateur. Je regarde ses genoux à elle et le titre de l'illustré: «La Danse». Maintenant je suis tout à fait sûre de sa profession. Le métro s'arrête à Convention. Encore trois stations et je descends.

Paraît une personne en savates et châle de laine noire. Elle pose ses pieds comme une lourde cane qui se balance. Elle aperçoit la dame en vert: Mademoiselle, quelle chance vraiment de tomber sur vous! Mon ongle incarné que vous m'avez dégagé, s'est de nouveau enfoncé. Et comment! Tenez: tout mon orteil en est enflé. Et mes deux oignons, alors! Ils ont déjà repoussé, et pourtant je les ai soignés comme vous m'avez indiqué. Je crois que je serai obligée de vous demander une autre consultation, à l'œil celle-là.

Ma danseuse s'entretient avec sa cliente gratuite sur le thème des cors, des durillons et des oignons non comestibles. Elle sort à la même station que moi. Nous allons traverser la chaussée à l'heure de pointe.

Les voitures se succèdent, se croisent et s'entrelacent. Et moi qui avais créé la vie de ma voisine de wagon, je deviens témoin de sa mort. Un cheval de paysan normand, cheval pommelé, tombe semble-t-il des nues avec ses taches et sa charrette remplie de pommes. Effrayé par le trafic, il fait un brusque écart et se lance sur le trottoir en découvrant d'énor-

mes dents jaunes. De son sabot incarné il renverse la pédicure et la tue sur le coup.

Et voilà qu'au milieu d'une foule couleur de terre, la femme en robe couleur d'herbe gît sur le dos parmi les pommes, après avoir exécuté un vol plané, les bras gracieusement arrondis, les doigts écartés et déjà figés, comme des fleurs aplaties qu'on aurait sorties d'un roman et en même temps d'une vie. Elle a reçu une ultime satisfaction: au moment de sa mort son corps a pris la vivante attitude d'une danseuse de ballet.

Arbres fruitiers

Ces quatorze dents étaient, selon l'avis de Charles, tout indiquées pour représenter les quatorze années de leur liaison. Entourées de dentelles, ces dents couleur d'ivoire étaient striées de dessins imprimés, destinés à être brodés par une main familière aux ouvrages de dames. Louise pouvait donc très bien les finir à l'aide d'une aiguille et de quelques fils de soie multicolore, qu'elle devait trouver dans la boîte à couture. Le napperon de cheminée composé de 14 dents découpées dans le bord d'une bande de toile, coûtait, selon les renseignements pris par Charles, sensiblement moins cher qu'un dessus brodé et tout fini. Son cadeau d'adieu, récompense pour les dons d'un corps et d'un cœur de femme, lui reviendrait ainsi quartre-vingt-dix francs de moins, ce qui n'était nullement à dédaigner.

Tout allait au mieux. Il venait de finir un poème qu'il voulait intituler ''Autome''. Les cheveux des humains étalent des mèches en argent, et les arbres s'ornent de boucles d'or. Il devait quitter son port natal pour faire fortune ailleurs. L'eau grise et graisseuse balançait les flancs d'un gros navire. Tous ceux qui entendraient le hurlement de sa sirène assisteraient à la séparation de deux substances: la part visuelle, part figurative, se détacherait inéluctablement de la substance abstraite. Une invisible chaîne auditive s'allongerait sans cesse pour s'arracher finalement du corps concret du navire.

Les noix aussi se détachaient de leur écorce. Elles entraient dans des sachets et des pâtisseries, qui sentaient la fleur d'oranger. Un marchand de noisettes foulait du pied des écrins verts d'où sautaient des bijoux marron verni. Une sirène entre autres perçait l'air humide de la ville.

Une vieille jeune fille comme beaucoup d'autres se regardait dans la

glace de sa chambre mansardée. Un chapeau de velours se fixait à l'aide d'une épingle à tête d'oie sur une tête de femme encore blonde. Les quatorze dents déposées la veille chez la concierge émergeaient d'un paquet en papier de soie et attendaient les fils soyeux qui devaient marquer la liaison rompue de deux existences.

Comme d'habitude, en déposant ce paquet pendant l'absence de Louise, Charles préférait faire parler les autres et s'éclipser lui-même. Escorté de tante Emilie, il sortait en ce moment du bureau des Pompes Funèbres. Il venait de signer un contrat lui donnant une concession dans le cimetière local. Sans bouger, sa mère s'en allait d'un pas rapide coucher entre les racines souterraines d'un poirier peut-être. Et il voulait faire preuve d'une affection filiale, surtout en présence de cette tante qui ne perdait jamais sa langue pénétrée de venin noir, quoique souvent blanche.

Le patron d'un petit atelier spécialisé dans la construction des cercueils, vint à leur rencontre. Le nouveau client, homme rondelet, s'étant confectionné un visage allongé, réclamait pour sa mère une bière d'un mètre soixante. Cette dame mesurait un mètre soixante et un, mais son fils ayant calculé que le corps ratatiné pourrait perdre quelques centimètres de longueur, ne voulait pas dépasser le prix des boîtes d'un mètre soixante. Le soleil perça un ciel opaque, traversa un œil de bœuf, et Charles Chevalier en s'approchant de la lignée des cercueils en noyer se trouva soudain à moitié englobé dans un croissant de rayons lumineux.

La sirène d'un long courrier retentit. Ce n'était toujours pas celui qu'il devait prendre, mais il espérait bien que sa mère s'en irait quelques jours avant la partance du sien, ce qui serait pratique, lui évitant le changement des billets et autres formalités. En conversant avec le patron, Charles se sentait éclairé, chauffé et protégé par le fer à cheval céleste. Il crut même le voir dans le débris de miroir vissé au mur entre deux couvercles de cercueils: le rayon solaire qui le reçut à son entrée flottait toujours au-dessus de sa tête. Ou bien était-ce sa tête qui flottait dans les airs en suivant les rayons? Cette tête qui était justement en train de composer des strophes sur la mort, la tombe et le tombeau... Il avait l'air de presser celle qui n'en finissait pas de mourir.

La tête foncée de la moribonde s'enfonçait dans le plus petit des trois oreillers superposés. Immobile, elle rangeait à cet instant des bocaux de sirop, de confitures et de légumes en conserve. Les doux péchés de cette âme infatigable se transformaient peu à peu en arbres fruitiers. Les branches des pêchers faisaient tomber, avec un brin de leur queue, de minuscules fœtus ambrés. Ils se couchaient sur la terre qui se préparait

à recouvrir deux autres bras, eux aussi presque croisés. Ne pouvant plus se tenir debout, ni même se relever, ne pouvant se mouvoir sous l'édredon qui semblait alourdi de terre glaise, elle donnait ses dernières instructions à Louise, qui maniait des pots en terre cuite. Il fallait respecter un tas de règles pour laisser à Charles des petits pois fermes comme les jurons du grand-père, des prunes macérées à point, et des gelées d'abricots, jaunes comme de petits soleils sucrés. Il aimait tant le sucre blanc et le soleil. Et les ailes blanches des chérubins qui formaient des nuages en se promenant parfois bras dessus bras dessous par le ciel au-dessus d'une colline. Et la pêche à la ligne près d'un bon camembert, qu'elle choisissait pour lui au marché...

Montée sur un tabouret, Louise cambrait son dos droit. Un cou qui finissait par une petite tête blonde s'étirait pour disposer les récipients de façon que certains soient à l'ombre, d'autres au contraire en plein soleil. Elle rangeait des pots de fruits issus d'un jardin domestique, mais revoyait le jardin du paradis, où levant une autre petite tête au bout d'un cou long et raidi, un être traître mais attrayant atteignait un fruit convoité. Pour que la dépense soit moins grande, elle reçut en guise de récompense quatorze dents de toile non brodée. C'était peut-être normal en fin de compte: elle qui croyait avoir des oreilles de chauve-souris et des dents de lièvre, pouvait très bien se broder elle-même les dents de toile avec du matériel qu'elle possédait déjà. Elle avait quand même de la chance: on l'avait choisie, on l'avait caressée, on lui avait parlé du poète-navigateur et de sirènes qui n'avaient pas comme elle une veine visible sur la jambe droite. Juchée sur l'escabeau de la cuisine étouffante, à côté de la chambre où étouffait la mourante, elle entendait crier la haute cheminée, qui sifflait aussi en respirant.

Celle qui écoutait la sirène dans le port du Havre, avait l'âge de la sirène de Copenhague. Repliée depuis quarante-cinq ans sur ses jambes en bronze, l'éternelle jeune fille contemplait le gris verdâtre d'une eau nordique, froide comme ses impassibles passions sousmarines. Une jeune fille vieillie, en chair et en os, suivant la plainte d'une voix métallique. Pour elle ce cri, au son simultanément le plus élevé et le plus profond, contenait déjà la fusion de l'émoi passionné et du dernier repos. L'âme d'une femme magnanime et malheureuse se tend et s'étend comme un ressort tiré à la dernière limite. La part spirituelle tendue à l'infini, la part abstraite, se résigne à se détacher définitivement de la substance concrète, du corps de son homme.

Ce dernier, qui couvait une âme tendre et glissante, eut plutôt de la veine. Ayant, une demi-heure avant, donné les dernières directives con-

cernant les conserves en verre et en terre, Madame Chevalier rendit son dernier soupir samedi soir après le coucher du soleil. Le soleil s'étalait paisiblement sur les vergers normands où les pommiers abritaient des mamelons de petites pommes de paradis, encore rouges du premier péché. Il inondait les planches mouillées de la passerelle du navire et les plinthes sèches d'une boîte qu'on juchait précipitamment sur le toit d'une camionnette. Charles Chevalier voulait éviter les frais supplémentaires d'une livraison dominicale et fit son possible pour que tout fût prêt dès samedi soir.

Ce même soir tante Emilie essayait ses robes de deuil et ne pouvait se rendre compte qu'on montait et installait à la place du solide cercueil en noyer que Charles avait choisi en sa présence, une bière en sapin aux poignées d'alliage. La cabine de luxe sur le paquebot en partance, habitacle spacieux au-dessus duquel il ébranlait sa paume potelée en direction des siens et de Louise, lui revenait ainsi vraiment bon marché...

L'eau grise et graisseuse de son port natal se fendait et se refermait derrière les flancs de son bateau. Il était occupé à édifier des vers sur les fleurs et les queues des cerisiers. Entendait-il le hurlement de sa sirène invisible, cri d'une femme qui sombre dans la nuit, cri absorbé par la tête et rendu par les entrailles, cri d'appel et d'adieu, plainte chancelante qui se perd comme la fumée dans les brumes éparses et épaisses?

NOTES

Poems

These notes contain all sources of the poems included in this edition. They may be collections of verse, émigré periodicals or almanacs. Where poems have been published separately prior to being included in a collection of verse, variants are given. The arrow (<) is used to distinguish between variants. The word(s) to the right of the arrow are earlier variants, the word(s) to the left of the arrow are from final versions, as published in this edition. Orthographical changes, however, I have not mentioned. Most of the dedications in Prismanova's poetry refer to well-known contemporary figures. In cases where I suspect names to be less familiar, I have provided an explanatory note.

Abbreviations used in the notes:

Тень и тело - Ten' i telo, Paris: Ob''edinenie poètov i pisatelej, 1937.
Близнецы - Bliznecy. Vtoraja kniga stichov, Paris: Ob''edinenie russkich pisatelej vo Francii, 1946.
Соль - Sol'. Tret'ja kniga stichov, Paris: Ob''edinenie russkich pisatelej vo Francii, 1949.
Вера - Vera. Liričeskaja povest', Paris: Rifma, 1960.

1. *„Памяти Б. Поплавского“.* — *Тень и тело,* 3.
2. „Горб“. — *Тень и тело,* 5.
   Published earlier in *Якорь. Антология зарубежной поэзии,* Berlin, 1936, 137.
3. „Пламя“. — *Тень и тело,* 6.
4. „Настоящий воитель является пущечным мясом“. — *Тень и тело,* 7.
5. „По веленью Водолея“. — *Тень и тело*, 8.
   Published earlier in *Якорь*, 136-37, under the title: „Сердце Рощи“.
6. „Клевер“. — *Тень и тело*, 10.
7. „Перо“. — *Тень и тело*, 11.
   Published earlier in *Сборник стихов* (Paris) 3 (1930), 18
   Variants:
   l 1 Заплаты < Горбушки
   l 2 Зерно в земле < В селе зерно
   l 3 весны, < весны:
   l 5 пера — < пера
   l 6 гусиного < — гусиного пера, не золотого —
   l 8 Перо < Крыло
   l 10 проложенное < посыпанное

перцем < перцем...
l 13 Без устали, как снега порошок,
l 14 Что сверху в полдень капельками льется,
The earlier version has a third additional stanza:

Жила была личинка на листе,
а ныне бархат в крапинках летает.
И мы хамелеонами к звезде,
взываем, скудный ужин уплетая.
Из кожи в кожу... Правда солона:
душа уходит в сны на поселенье.
Но горе нам! Шагнуть должна она
в конце концов и в горнее селенье.

8. „Зеленый дворик". — *Тень и тело*, 12.
Published earlier in *Воля России*, № 6-7, 1926, 43-44.
Variants:
l 5 Где крепкие коленчатые сени,
l 9 ворененком < постреленком
Following l 16 the earlier version has an additional stanza:

И был тогда желан и жуток ледник,
где мышки сторожили молоко.
И пели мы усердно у обедни,
хотя сигали сердцем далеко —

l 19 где празднично встречая день господен
9. „Молочных чувств дано нам только пять". — *Тень и тело*, 14.
10. „Душа, в небесном тюле, на канате". — *Тень и тело*, 15.
11. „Тает в небе стая голубей". — *Тень и тело*, 16.
12. „Яблоко". — *Тень и тело*, 17.
13. „Не ощущая собственного груза". — *Тень и тело*, 18.
14. „Гобелен". — *Тень и тело*, 19.
Published in *Современные записки* 62 (1936), 161-62.
l 6 а рядом павой — дровосек.
l 12 вышке — с голубем < вышке с голубем
l 14 добры! < добры —
15. „Карандаш". — *Тень и тело*, 20.
16. „Тень и тело". — *Тень и тело*, 21.
17. „Осенняя почта". — *Тень и тело*, 22.
18. „Птицей слово наше бьется". — *Тень и тело*, 24.
19. „Видения в пене". — *Тень и тело*, 25.
20. „Краски". — *Тень и тело*, 26.
21. „Шарманка". — *Тень и тело*, 28.
22. „Лишь вечер ляжет в гавань фонарями". — *Тень и тело*, 30.
23. „Цыганка". — *Тень и тело*, 31.
24. „Хотя-б во сне — увидит цвет весны". — *Тень и тело*, 32.
25. „Жизнь Фридерики Форст". — *Тень и тело*, 33.
Published earlier in *Сборник стихов* 5 (1931), 25-27.
The earlier version is dated: March 1931.
Variants:
l 2 — о лом окраины! — выкатывалось солнце.
ll 18-19 are separated by a line of white.
l 24 уселась < садится
Following l 24 the earlier version has eight extra lines:

С утра задребезжит звоночек над булыжником,
она в мантилии сойдет за молоком.

Невзрачен дом ее, но яблони — подвижницы
стоят в саду весной с молочным клобуком.
Тут в оный день она следила за полетами
болтливых ласточек, свивающих гнездо.
Но полдни шли. И с темными вошла тенетами
зима в квартирку, где плясали си и до.

l 25 На трех ногах заплакал ящик лакированный,
l 26 ее кормилец — чернокрылый крокодил.
l 31 альбоме пухлом < альбоме нашем
l 32 рядом с военными слегка навеселе.
l 33 Ружьем сражен, мечту — фату ее венчальную
l 34 жених унес с собой на белое крыльцо.
l 41 Три короля, три ежегодных странника,
l 42 вели, через пустырь, свой путь к звезде.
l 43 И со звездой над елкою < Так со звездой на зелени
l 45 Бесшумные < О некрасивые
l 46 взрасли-ль над вами миртных кустиков листы,
(l 47 иль все еще в своих жакетках узеньких)
l 48 вы в тихих окнах поливаете цветы?
l 49 И вешним вечером над плеском утлой гавани,
l 50 где давится своими < где шелестит родными
l 54 — наколочкой тряся <, тряся наколочкой
l 56 вослед сверкающих кричащим чайкам.

26. „Жаждет влаги обугленный бор“. — *Тень и тело*, 36.
27. „Разве помнит садовник, откинувший стекла к весне“. — *Тень и тело*, 37.
    Published earlier in *Круг. Альманах* (Berlin) 1 (1937), 127-28.
28. „Недолговечна полная луна“. — *Тень и тело*, 38.
29. „Дорога“. — *Тень и тело*, 40.
30. „Найдя мешок нездешнего добра“. — *Тень и тело*, 42.
31. „Нас точит время кончиком ножа“. — *Тень и тело*, 43.
32. „Потонувший колокол“. — *Тень и тело*, 44.
    Published in *Круг* 1 (1937), 128.
33. „Так уходят в сумрак поезда“. — *Тень и тело*, 46.
34. „Воск“. — *Тень и тело*, 47.
35. „Тень в харчевне“. — *Тень и тело*, 48.
36. „Напуганы вороньим граем“. — *Тень и тело*, 50.
    Published in *Сборник стихов* 2 (1929), 21.
    Following l 4 the earlier version has an additional stanza:

    Взгляните: месяц на ущербе,
    за ломтиком опять луна.
    Так звон предвидится на Вербе,
    клен рушится от колуна.

    Following l 8 the earlier version has an additional stanza:

    Но изменяется еда,
    уходит блюдо незабудок
    и худосочная беда
    отращивает свой желудок.

    l 9 Но кратче день < Унылый день...
37. „Лебедь“. — *Тень и тело*, 51.
38. „Во сне верблюды видят водопой“. — *Тень и тело*, 52.
39. „Зима“. — *Тень и тело*, 53.
40. „Вода“. — *Тень и тело*, 54.

Published earlier in *Встречи* 6 (1934), 271, without a title.
Variants:
l 7 она как < она, как
l 19 судьба < судьба —

41. „Лишь только в глубине уснула рыба". — *Тень и тело*, 55.
42. „Нас забыли, душа. Мы остались на том пароходе". — *Тень и тело*, 56.
43. „Поутру пушок на коже". — *Тень и тело*, 57.
44. „Рассказывает времени кукушка". — *Тень и тело*, 58.
45. „Пресс-Папье". — *Тень и тело*, 59.
46. „Запели третьи петухи". — *Тень и тело*, 60.
47. „Путем зерна, вначале еле внятным". — *Тень и тело*, 61.
48. „Кровь и кость". — *Близнецы.*
Published in *Modern Russian Poetry. An Anthology with Verse Translation,* London, 1966, 476, with an English translation: Blood and Bone.
49. „Перо". — *Близнецы*, 7.
50. „Камея". — *Близнецы*, 9.
Published earlier in *Встреча. Сборник* (Paris) 1 (1945), 21 and in *Новоселье* 20 (1945), 21-22.
Variants:
l 6 только < лишь
l 16 кольца ей < кольца — ей
51. „Водолаз". — *Близнецы*, 10.
Published earlier in *Современные записки* 67 (1939), 191-192, without a title. The earlier version is shorter and is divided into six four-line stanzas.
Variants:
l 3 смирно < поздно
Following l 8 the earlier version has important variations:
(except for ll 21-24)

Когда я говорю: среда и долг,
читайте: сердце и неутоленность.
Пусть вдоль дорожки муравьиный полк
влачит свой груз, к труду имея склонность...

О музыка, о чистая звезда,
лучистая дорога в перелеске.
К родителям сырая борозда,
и утром крест окна на занавеске.

(Лист осени ....
.... дыханьем.)

Ужель так трудно попросту любить,
идя к концу дорогой неотложной?
Но ты в стекле, его нельзя разбить.
За ним безумье. Будь же осторожной.

52. „Сестры Бронтэ". — *Близнецы*, 12.
Published earlier in *Русские записки* 20/21 (1939), 64-65, under the title „Шарлотта Бронтэ". The earlier version includes four extra stanzas.
Variants:
l 1 К погостам Англии подходят сливы,
l 2 у ангелов там каменная бровь.

l 3 О времени не спрашивай счастливых,
l 4 несчастным — памятники приготовь.
Following l 8 the earlier version has an additional stanza:

Вокруг церквей едва-ли ограда —
но мох, и звон, и карканье ворон.
Больных людей пускать туда не надо:
уныньем их обдаст — со всех сторон.

l 9 сок < куст
l 10 соловей! < соловей.
Following l 12 the earlier version has an additional stanza:

О, долгое отсутствие свекрови,
о, круглое отсутствие кольца,
О, варка алкоголику моркови,
и дождь, и назидание отца!

l 13 Живут грехи < Уходит грех
l 14 следы оставив детям, не отцам...
l 15 Но дух страдания < Зато страдание
l 16 дает < дают
(ll 21-22 identical)
l 23 в тесноте < в глубине
l 24 огонь больших < пламя всех
Following l 24 the earlier version has two extra stanzas:

Как я боюсь людей совсем хороших:
от них исходят тусклые лучи.
Лишь из глубин, шиповником поросших,
бегут ко мне горячие ключи.

Но лишена я подлинной сvободы,
не в ту струю попала я, не в ту!
Безумие и боль моей породы
благоразумьем связаны в быту.

l 25 Скрывая страсть свою под оболочкой,
l 26 держу и я чернильный < перо беру я — острый
l 30 удачная любовь — чужой сосуд...

53. „Земля“. — *Близнецы*, 14.
54. „Кузнец“. — *Близнецы*, 15.
Published in *Грани* 44 (1959), 75, and in *Муза Диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов, 1920-1960,* Frankfurt am Main, 1960, 266. A translation of the poem is published in Temira Pachmuss, *A Russian Cultural Rivival: A Critical Anthology of Emigré Literature before 1939,* Knoxville, 1981, 399.
55. „Ухо“. — *Близнецы*, 16.
56. „Бабушка“. — *Близнецы*, 17.
Published in *Грани* 44 (1959), 75, and in *Муза Диаспоры*, 267.
57. „Змея“. — *Близнецы*, 18.
58. „Брат и сестра“. — *Близнецы*, 20.
59. „Двойной орех“. — *Близнецы*, 22.
60. „Круговорот“. — *Близнецы*, 24.
61. „Труба“. — *Близнецы*, 26.
62. „Стол“. — *Близнецы*, 27.
63. „Сияние“. — *Близнецы*, 28.
Published earlier in *Русские записки* 14 (1939), 73-74, as part 2 of a poem entitled „Пепел“ (see note 64).

Variants:
l 1 вникать < влезать
l 6 пусыне). < пустыне!)
l 7 стало путеводных < появилось новых
Following l 8 the earlier version has an additional stanza:

Неуловимы будущие дни.
Прошедшее — без корня, как солома.
О пожалейте нас: мы так один,
что настоящее — нам незнакомо.

l 11 но сердце ночи видит звездочет,
l 12 а мы за постоянством видим тленье.
l 13 Пастух в последний раз стрижет овец —
l 14 конец подходит лету, в самом деле,
l 15 Психею мы содержим в черном теле,
l 16 и ей подходит венчик, не венец.

64. „Пепел". — *Близнецы*, 29.
Published earlier in *Русские записки* 14 (1939), 73-74. The title is given to a three-part poem, which in the collected version appeared under three different titles: 1 „Пепел", 2 „Сияние", 3 „Лекарство". The earlier version shows important differences in the construction: it is divided into four four-line stanzas and has a different order.
Variants:

Напрасно нас преследует язык,
что языком детей уже не будет.
Скрипучие, российские возы
в столице Галлии нас не разбудят.

Придется здесь нам вынуть серебро
своих волос — худое достоянье.
Увы, на нитке держится добро,
на бреднях день, и на болоте — зданье.

The third stanza refers to ll 1-4 in the collected version.
The fourth stanza refers to ll 17-18 in the collected version.
Variants:
l 17 зуб. < зуб,
l 18 Как трудно сердцу, безо лба, бодаться.

65. „Звезда". — *Близнецы*, 30.

66. „Лист". — *Близнецы*, 31.
Published earlier in *Современные записки* 64 (1937), 167. This version has only four stanzas, of which the first one is similar to the first stanza of the poem in the collected edition.
Variants:
l 1 бездушный < (бездушный)
Following l 4:

Вот новый месяц кажет нам рога,
и новый лист рожком рождают почки.
Весною птичий вид у пирога,
и даже Диоген спешит из бочки.

Рога вола причастны к рождеству,
но смерть меж них вгоняют на рассвете.
Крушение существ, по существу —
единое, что держится на свете.

О кривизна забытого креста,
о близна волны за пароходом...
О белизна бумажного листа,
оставленного нами пред уходом.

67. „Лекарство". — *Близнецы*, 32.
Published earlier in *Русские записки* 14 (1939), 74, as part 3 of a poem entitled „Пепел". (see note 64)
Variants:
l 3 К несчастью < Поверьте мне:
l 7 она, в котле колдуя, < она (в котле колдуя)
l 13 Тебе (увы, последнему лекарству)
l 14 придаем. < придаем...
68. „Пустыня". — *Близнецы*, 33.
69. „Служение". — *Близнецы*, 34.
70. „Змей". — *Близнецы*, 36.
А. Г.: Aleksandr Ginger.
71. „Яд". — *Близнецы*, 37.
Published earlier in *Современные записки* 70 (1940), 126. A translation is published in *Pachmuss*, op. cit., 398.
Variants:
l 2 (Для головы презрел все тело Кант.)
l 5 сердца — < сердца, —
l 6 не (printing error) самой (по несчастию) большой —
l 14 не спрашивай, о муза, сколько лет.
l 19 умираю: < умираю —
72. „Обвинение". — *Близнецы*, 38.
73. „Тишина". — *Близнецы*, 40.
А. Г. — see note 70.
74. „Толчок". — *Близнецы*, 41.
75. „Лицо любви". — *Близнецы*, 42.
76. „Музыка". — *Близнецы*, 43.
77. „Письмо". — *Близнецы*, 44.
78. „Поезд". — *Близнецы*, 46.
79. „Судьба". — *Близнецы*, 47.
80. „Жемчужина". — *Близнецы*, 48.
81. „Столяр". — *Близнецы*, 49.
82. „Гранит". — *Близнецы*, 50.
83. „Одиночество". — *Близнецы*, 51.
Published earlier in *Новоселье* 20 (1945), 21.
Variants:
l 5 я, < я —
l 6 просил ... < просил.
l 7 заблужденье, < заблужденье:
84. „Воспоминание". — *Близнецы*, 52.
Dedicated to the poet's cousin V. Dolin, who died during WO II in Latvia.
85. „Треугольник". — *Близнецы*, 54.
86. „Гавань". — *Близнецы*, 56.
87. „Глаза". — *Близнецы*, 58.
88. „Листья". — *Близнецы*, 60.
89. „Горло". — *Близнецы*, 62.
90. „София". — *Близнецы*, 64.
91. „Анна". — *Близнецы*, 66.

92. „Песок“. — *Близнецы*, 68.
Published earlier in *Встреча. Сборник* 2 (1945), 19.
Variants:
l 11 картину темных < пронзают темень
l 12 как два внезапных великанских глаза.
l 13 Над дюнами < Под липами
l 23 и слышен был крик < и крик был слышен
The seventh stanza is absent.
l 30 за рыбою < на рыбный лоб
l 31 седые < седые,
l 32 мелкими — девятые < мелкими девятые
l 38 горя — < горя, —

93. „Горы“. — *Близнецы*, 70.
94. „Болото“. — *Близнецы*, 71.
95. „Луна“. — *Близнецы*, 72.
96. „Снег“. — *Близнецы*, 73.
97. „Кости“. — *Близнецы*, 74.
98. „Стрелок“. — *Близнецы*, 76.
99. „Телега“. — *Близнецы*, 78.
100. „На вокзале“. — *Близнецы*, 80.
101. „Осенний лист“. — *Близнецы*, 82.
102. „Клен“. — *Близнецы*, 83.
103. „Природа“. — *Близнецы*, 84.
104. „Азбука“. — *Близнецы*, 86.
Included in *Русский сборник* 1 (1946), 143-144.
105. „Сосны“. — *Близнецы*, 88.
106. „Надежда“. — *Близнецы*, 89.
107. „В пути“. — *Близнецы*, 90.
108. „Раковина“. — *Близнецы*, 91.
109. „Ящик“. — *Близнецы*, 92.
110. „Трубач“. — *Близнецы*, 93.
111. „Трубы“. — *Близнецы*, 94.
112. „Рыцарь“. — *Близнецы*, 95.
113. „Лилит“. — *Близнецы*, 96.
114. „Сирена“. — *Близнецы*, 98.
Included in *На Западе. Антология русской зарубежной поэзии*, New York, 1953, 226.
115. „Лошадь“. — *Близнецы*, 100.
Published in *Грани* 44 (1959), 75, and in *Муза Диаспоры*, 268.
116. „Птица“. — *Близнецы*, 102.
The poems „Птица“ and „Сестры“, red by the author herself, have been recorded on gramophone.
117. „Так сердцем движимый скелет“. — *Близнецы*, 105.
118. „Когда-б ко мне вы приходили в гости“. — *Соль*, 5.
119. „Рыба“, — *Соль*, (I) 8.
120. „Кость“. — *Соль*, (I) 10.
Published earlier in *Эстафета. Сборник стихов русских зарубежных поэтов*, Paris-New York, 1948, 109. Month and year are indicated: June 1947.
121. „Узел“. — *Соль*, (I) 12.
122. „Колесо“. — *Соль*, (I) 13.
123. „Освобождение“. — *Соль*, (I) 14.
124. „Гроза“. — *Соль*, (I) 15.

Published earlier in *Новоселье* 27/28 (1946), 32.
l 3 счастья, < счастья
подковы, < подковы
l 5 Сушь разума — и сердца излиянья,
l 6 воздушный путь луны — и груз страстей...
l 7 дорог квадрат < дорог — квадрат
l 8 грозы из < грозы — из
l 9 страсть явления < страсть — явления
l 14 ребра... < ребра.

125. „Скала“. — *Соль*, (I) 16.
126. „Раздвоение“. — *Соль*, (I) 18.
127. „Печать“. — *Соль*, (I) 19.
128. „Соловьи“. — *Соль*, (I) 20.
129. „Улитка“. — *Соль*, (I) 22.
130. „Основа“. — *Соль*, (I) 23.
131. „Прощание“. — *Соль*, (I) 24.
132. „Разговор“. — *Соль*, (I) 26.
133. „Цветы“. — *Соль*, (I) 28.
Published earlier in *Эстафета*, 107-108.
Month and year are indicated: May 1947.
Variants:
l 8 Его пастушка < Его — пастушка
l 10 будкой... < будкой,
Following l 10 the earlier version has an additional stanza:
когда письмо невесте пишет
он деревянною рукою.
Цветочным табаком он дышит:
его кисет невестой вышит
цветком с надеждой и тоскою...

134. „Лед“. — *Соль*, (I) 30-31.
135. „Очерк“. — *Соль*, (I) 32.
136. „Сад“. — *Соль*, (II) 34.
Published in *Новоселье* 39/41 (1949), 49, the same year *Соль* appeared. In this version „Сад“ forms the first part of a two-part poem entitled „Сосед“.
Variants:
l 7 вижу, я < вижу — я
l 12 жалела. < жалела...

137. „Сосед“. — *Соль*, (II) 35.
Published in *Новоселье* 39/41 (1949), 49, under the same title as the second part of a two-part poem. This version is divided into three four-line stanzas.

138. „Голод“. — *Соль*, (II) 36.
139. „Открытка“. — *Соль*, (II) 37.
140. „Мысль“. — *Соль*, (II) 38.
141. „Сон“. — *Соль*, (II) 39.
142. „Рука“. — *Соль*, (II) 40.
143. „Равновесие“. — *Соль*, (II) 41.
144. „Соль“. — *Соль*, (II) 45.
145. „Два“. — *Соль*, (II) 46.
146. „Лес“. — *Соль*, (II) 47.
147. „Луна“. — *Соль*, (II) 48.
148. „Книга“. — *Соль*, (II) 60.

149. „Волна“. — *Соль*, (II) 61.
150. „Прости“. — *Соль*, (II) 62.
151. „Желтый дом“. — *Соль*, (III) 64.
Published earlier in *Эстафета*, 106-107, under the title „Садовник“. Month and year are indicated: April 1947. The earlier version is shorter, and contains 11 stanzas. The stanzas are arranged in the following order: 1-3-4-5-6-7-11-15-12-16-17.
Variants:
l 1 В приморском сквере бились воробьи
l 2 над крошками разрушенного хлеба.
l 41 Непрочная цветочная гряда
l 42 от свежих брызг приобретала силы...
l 43 гнезда, < гнезда.
152. „Сестры“. — *Соль*, (III) 68.
Included in two anthologies: *На Западе*, 221-226, and *Вне России. Антология эмигрантской поэзии 1917-1975,* München, 1978, 116-119. The poems „Сестры“ and „Птица“, red by the author herself have been recorded on gramophone.
Published earlier in *Новоселье* 37/38 (1948), 55-58, dated April 1947.
Variants:
1
l 15 ее — зиянья < ее зиянья
Following l 20 the earlier version has an additional stanza:
Она (как кошка на дверях сквозных)
среди квартир распахнутых иль душных
встречала лиц, не добрых и не злых,
а просто — к ней всецело равнодушных.
l 23 стараясь, < стараясь
l 26 с сором — без привала —
l 27 среди вещей чужих, не (printing error) дорогих,
2
l 18 она играет при луне на лире.
l 42 один и ту-же < единственную
l 54 края, < края;
153. „Чай“. — *Соль*, (III) 74.
Part 3 is published earlier in *Эстафета*, 110-111 under the title „Зной“. Month and year are indicated: July 1947.
Variants:
l 9 республикой небесной < Республикой Небесной
l 24 муки! < муки.
154. „Я говорю о сердце много лет“. — *Соль*, (III) 83.
155. „пусть один не воин в поле“. — *Вера* 5.
156. „Вступление“. — *Вера*, 7.
157. „Фонари“. — *Вера*, 9.
158. „Конец мастерового“. — *Вера*, 10.
159. „Конка“. — *Вера*, 12.
Published earlier in *Новый Журнал* 46 (1956), 46-47, under the title „Утро“, (из повести о Вере Фигнер).
Variants:
l 15 арестанты, < арестанты —
l 18 дым. < дым...
l 23 ломовые < ломовые...
l 27 И туманна, занимаясь,

160. „Общение“. — *Вера*, 14.
161. „Сон“. — *Вера*, 15.
162. „Слово“. — *Вера*, 16.
163. *„1852“.* — *Вера*, 17.
164. „Теленок“. — *Вера*, 18.
165. „Февраль“. — *Вера*, 19.
166. „Чернолесье“. — *Вера*, 20.
167. „Колокол“. — *Вера*, 21.
168. „Вопрос“. — *Вера*, 22.
169. „Красная ложа“. — *Вера*, 23.
170. „Топни-ножкой“. — *Вера*, 24.
171. „Железные глаза“. — *Вера*, 25.
172. „Слезы“. — *Вера*, 26.
173. „Отраженье“. — *Вера*, 27.
174. „Ржаное море“. — *Вера*, 28.
175. „Голос“. — *Вера*, 30.
176. „Подножие“. — *Вера*, 31.
177. „Сердечные болезни“. — *Вера*, 32.
178. „Туман“. — *Вера*, 33.
Published earlier in *Новоселье* 42/44 (1950), 63-64, under the title „Номер двадцать шесть“. This version contains the complete collected version of „Туман“ and elements developed into the poems, „Ключ“ and „Ящик № 26“.
Variants:
l 5 Со счастливым детством сзади,
l 6 с казематом впереди,
l 7 сердцем — состраданья ради —
l 8 груди. < груди...
l 13 с головой, от пыли серой,
l 14 мужества < вечности
179. „Ключ“. — *Вера*, 34.
See note 178.
Following l 4 the poem varies completely:

в день, когда к глухим воротам
шла охрана с Верой, с той,
что свободою и потом
заплатила за постой.

Милая, на снеге талом
ты-ли с немотой вдвоем?
Помнишь, девочкой читала
я о подвиге твоем...

Через мост (увы, мост вздохов!),
через сетчатый пролет,
через караула грохот —
шла ты годы напролет

The last stanza refers to the last stanza of „Ящик № 26“.
180. „Ящик № 26“. — *Вера*, 35.
The last stanza refers to the last stanza of the poem „Номер двадцать шесть“ (see notes 178 and 179).
Variants:

(шла ты годы напролет)

l 13 в разрушительно-молчащий

181. „Тишина“. — *Вера*, 36.

182. „Перенос“. — *Вера*, 37.

183. „Сумчатый“. — *Вера*, 38.

184. „Факелы“. — *Вера*, 40.

185. „Дым“. — *Вера*, 41.

186. „Котел“. — *Вера*, 42.

187. „Спицы“. — *Вера*, 43.

188. „Груша Рыбина“. — *Вера*, 44.

l 2 товар. < товар...
l 5 степенная < отменная
l 7 сборках < сборках,
l 8 дням < дням...
l 10 О северный < О, северный
l 13 на севере < на севере,
l 14 иногда. < иногда...
l 19 строенья. < строенья,

Following l 24 the earlier version has an additional stanza:

Здесь, где нет и яровых колосьев,
мерзнет соль вдоль кожаных штанин,
и охотно убивает лосей
на охоте рослый мещанин.

Following l 32 the earlier version has an additional stanza:

В том поселке выросла и Груша,
Груша — беломорская слуга,
для которой влага точно суша,
у которой в коже рыб — нога.

Following l 36 the earlier version has two extra stanzas:

Были стены в доме продувные.
Не прошел, увы, бесследно плен:
одолели боли головные
Веру — после Шлиссельбургских стен.

Целый день жила она в постели,
в перья упираясь головой.
Целый день у них дымились ели
в печке под кастрюлей черновой...

189. „Сплав“. — *Вера*, 46.

190. „Эдельвейс“. — *Вера*, 48.

191. „Закат“. — *Вера*, 49.

192. „Четверть века“. — *Вера*, 50.

193. „Заключение“. — *Вера*, 51.

194. „Нет весной на свете лишних: радость всякому“. — *Эпопея* 4 (1923), 26.

195. „Что ни вечер, лунный плуг“. — Ibid.

196. „Вдруг Октябрь спрыгнул с брички“. — *Воля России*, № 3, 1926, 51.

197. „Только ночью скорби в Сене“. — Ibid., 51-52.

198. „На канте мира муза Кантемира“. — *Стихотворение. Поэзия и поэтическая критика. Альманах* (Paris) 1 (1928), 6-7.

199. „Нудно. Туча точить листь“. — *Сборник стихов* 1 (1929), 24.

200. „Кровельщик зубцы заклепок“. — Ibid., 25.

201. „Церковные стекла“. — *Современные записки* 64 (1937), 166-167.

202. „Волны“. — *Современные записки* 67 (1939), 191-192.

203. „Пастухи“. — *Новоселье* 27/28 (1946), 33.
204. „Черти“ (Эпизоды). — *Новоселье* 33-34 (1947), 38.
205. „Большая дорога“ (Эпизоды). — Ibid., 40.
206. „Дичь“ (Эпизоды). — Ibid., 42.
207. „Пробуждение“. — Ibid., 44.
208. „Туман“. — *Опыты* 2 (1953), 21.
209. „Вода“. — *Опыты* 6 (1956), 4.
210. „Простота“. — *Опыты* 7 (1956), 6.
211. „Облако“. — *Новый Журнал* 46 (1956), 47.
212. „Две у людей, а у зверей четыре“. — *Опыты* 9 (1958), 32.
213. „Существуя без гроша“. — Ibid.
214. „Ступая по земле довольно твердо“. — Ibid., 33.
215. „Воспоминанья и мечты“. — Ibid.
216. „Рука“. — *Грани* 44 (1959), 74, *Муза Диаспоры*, 265.
217. „Власть“. — *Новый Журнал* 80 (1965), 74.

Prose

These notes contain all sources of the prose included in this edition.

Russian Prose:
„О городе и огороде“, *Мосты* 12 (1966), 39-42.

French Prose:
''Les Coqs'', *Cahiers du Sud* 331 (1942), 436-440.
''Les Fleurs et Couronnes'', *Cahiers du Sud* 353 (1946), 68-74.

INDEX TO TITLES AND FIRST LINES